

ISSN 2782-6511

ИСТОРИКО- ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№2 (ТОМ 2)
2023

АВТОНОМНАЯ НЕКОММЕРЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
«МОЛОДЫЕ ИСТОРИКИ УРАЛА»

AUTONOMOUS NON-PROFIT ORGANIZATION
RESEARCH CENTER
«YOUNG HISTORIANS OF THE URALS»

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ HISTORICAL GEOGRAPHY JOURNAL

2023. Том 2. № 2
2023. Volume 2. Number 2

Екатеринбург 2023 Ekaterinburg

HISTORICAL GEOGRAPHY JOURNAL. 2023. VOLUME 2. NUMBER 2

Ekaterinburg

12+

Published since 2022

ISSN 2782-6511

Academic publication of the results of fundamental and applied research devoted to studying various spatial and temporal aspects of natural, socio-economic and political processes in order to search for patterns of their development in Russia and worldwide.

FOUNDER

Autonomous non-profit organization "Research center
"Young historians of the Urals"

EDITOR

Mikhail V. Mikheev

EDITORIAL BOARD

Elena V. Borodina, Eugenij S. Grishin, Andrew V. Deduk, Andrey A. Zaitsev, Konstantin I. Zubkov, Nadezhda M. Ignatova, Alexey O. Kaisin, Andrej A. Metelskii, Nikolay A. Mikhalev, Andrea Nanetti, Valeriy A. Sangharov, Dmitriy N. Slashev, Elena K. Sozina, Vladimir N. Streletsky, Stepan N. Temushev

PUBLISHER AND EDITORIAL OFFICE ADDRESS

620144, Russia, Ekaterinburg, 8 Marta str., 190–414
hist-geo@list.ru

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ. 2023. ТОМ 2. № 2

Екатеринбург

12+

Выходит с 2022 г.

ISSN 2782-6511

Научное издание результатов фундаментальных и прикладных исследований, посвященных изучению различных пространственно-временных аспектов природных, социально-экономических и политических процессов для поиска закономерностей их развития в России и мире.

УЧРЕДИТЕЛЬ

Автономная некоммерческая организация «Научно-исследовательский центр «Молодые историки Урала»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

к. и. н. М. В. Михеев

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

к. и. н. Е. В. Бородина, Е. С. Гришин, к. и. н. А. В. Дедук, к. г. н. А. А. Зайцев, к. и. н. К. И. Зубков, к. и. н. Н. М. Игнатова, А. О. Кайсин, д. и. н. А. А. Метельский, к. и. н. Н. А. Михалёв, PhD А. Нанетти, к. и. н. В. А. Санжаров, Д. Н. Слащёв, д. фил. н. Е. К. Созина, д. г. н. В. Н. Стрелецкий, д. и. н. С. Н. Темушев

АДРЕС ИЗДАТЕЛЯ И РЕДАКЦИИ

620144, Екатеринбург, 8 Марта, 190–414

hist-geo@list.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ГОРОДА И ВЕСИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ

- Чурсин Д. И.* Некоторые спорные вопросы локализации городов Черниговской земли (к решению проблемы расположения Воргола, Бирина и Жолважа) 6
- Лаврентьев А. В.* Рязанские владения в верховьях Дона, «въ верхъ Дону Дубокъ» и Донской путь XIV–XV вв. 20
- Грязнов А. Л., Сергеев А. В.* Реконструкция и картографирование родового землевладения на примере Стародубских Рюриковичей 46
- Чернов С. З.* Реконструкция полей Городка Радонежа по состоянию на 1617 г. 68

УРАЛО-ПОВОЛЖЬЕ В РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ

- Оруджов Э. И.* Археологические раскопки на Наговицынском городище (последняя четверть V–III в. до н. э.) в 2020 г. 76
- Сафуанов Ф. Ф., Проценко А. С., Мамбетова Л. В., Грабарь П. Ю.* Освоение территории долины р. Юрмаш на рубеже эр 84

ПРОМЫШЛЕННАЯ АРХЕОЛОГИЯ

- Курлаев Е. А.* Натурное обследование разрушенных промышленных памятников Урала XVII–XVIII вв. 90
- Евшин А. С., Старков Р. Л.* Археологические работы на территории фаянсового завода Казариновых в 2020–2021 гг. 102

СООБЩЕНИЯ

- Презентация издания «История Испании» Альфонсо X и картографического приложения к нему.... 110
- Научно-просветительский сайт «Сетевой электронный словарь вятских говоров» 114

CONTENTS

URBAN AND RURAL LANDS OF MEDIEVAL RUS'

<i>Chursin D. I.</i> Some Disputable Issues of the Chernigov Land Cities Localization (About the Location of Vorgol, Birin and Zholvazh)	6
<i>Lavrentiev A. V.</i> Ryazan Possessions in the Upper Reaches of the Don River, «to the Top of the Don Dubok» and the Don Way of the 14 th – 15 th Centuries	20
<i>Gryaznov A. L., Sergeev A. V.</i> Reconstructing and Mapping Ancestral Land Tenure by the Example of the Starodub Rurikids	46
<i>Chernov S. Z.</i> The Reconstruction of the Fields of Ancient Radonezh as of 1617	68

THE URALS-VOLGA REGION IN THE EARLY IRON AGE

<i>Orudzhov E. I.</i> Archaeological Excavations at the Nagovitsyn Settlement (The Last Quarter of the V–III Centuries BC) in 2020	76
<i>Safuanov F. F., Protsenko A. S., Mambetova L. V., Grabar P. Yu.</i> The Development of the Yurmash River Valley Territory at the Turn of Eras	84

INDUSTRIAL ARCHAEOLOGY

<i>Kurlaev E. A.</i> Field Survey of the Destroyed 17 th –18 th Centuries Objects of Industrial Heritage in the Urals	90
<i>Evshin A. S., Starkov R. L.</i> Archaeological Work on the Territory of the Kazarinovs Faience Factory in 2020–2021	102

INFORMATION

Presentation of Alfonso X's «The History of Spain» and Its Cartographic Supplement	110
Scientific and Educational Site «Network Electronic Dictionary of Vyatka Dialects»	114

ГОРОДА И ВЕСИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ

УДК 94(477.51):528.94

DOI: 10.58529/2782-6511-2023-2-2-6-19

Чурсин Дмитрий Игоревич

член Белгородской региональной общественной организации «Общество любителей древней истории» (Россия, Белгород)

ORCID: 0000-0003-1591-7500

E-mail: cizmandavid@gmail.com

Некоторые спорные вопросы локализации городов Черниговской земли (к решению проблемы расположения Воргола, Бирин и Жолважа)

АННОТАЦИЯ. По результатам анализа обширного круга источников в статье обосновывается местоположение нескольких городов Южной Руси. Воргол, известный из летописных сообщений о борьбе князей Посемья с баскаком Ахматом, соотнесен с Волокитинским археологическим комплексом на реке Клевень. Высказано предположение о переходе этого города из состава Глуховского княжения в Рыльское незадолго до вышеуказанных событий. Показано, что упомянутые в «Списке русских городов дальних и ближних» Бирин и Жолваж находились на реке Псёл: первый в районе современного города Сумы, а второй — у села Горналь. Особое внимание уделено методическим вопросам локализации исторических мест. Отмечается, что пренебрежение данными топонимики и невнимательное прочтение письменных источников, равно как некритическое восприятие выводов ученых прошлых столетий, могут существенно исказить картину исторической действительности, реконструируемую исследователями.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: методология, топонимика, Список русских городов дальних и ближних, Волокитино, Сумы, Горналь

URBAN AND RURAL LANDS OF MEDIEVAL RUS'

UDC 94(477.51):528.94

DOI: 10.58529/2782-6511-2023-2-2-6-19

Dmitry I. Chursin

Belgorod Regional Public Organization "Society of Ancient History Buffs" (Russia, Belgorod)

ORCID: 0000-0002-9458-3934

E-mail: cizmandavid@gmail.com

Some Disputable Issues of the Chernigov Land Cities Localization (About the Location of Vorgol, Birin and Zholvazh)

ABSTRACT. Based on the analysis of a wide range of sources, the article justifies location of South Rus' several cities. Vorgol, known from the chronicled reports of the princes of Posem'ye struggle with the basqaq Akhmat, is related to the Volokitinsky archaeological complex on the Kleven River. It is suggested that this city was transferred from Glukhov princes to Rylsk Principality shortly before the above-mentioned events. It is shown, that mentioned in the "List of Russian cities far and near" Birin and Zholvazh were on the Psyol River: the first one — in the area of the current city of Sumy, and the second — near the village of Gornal. Special attention is paid to methodological issues of historical places localization. It is noted that neglecting toponymical data and unheeding reading of written sources, as well as uncritical perception of the scientific findings of the past centuries, can significantly distort the picture of historical reality, reconstructed by researchers.

KEYWORDS: methodology, toponymics, List of Russian cities far and near, Volokitino, Sumy, Gornal

Постоянно нарастающий объем археологических данных в последние годы все чаще заставляет исследователей пересматривать традиционные положения местной (локальной) истории. Достоверность создаваемых вновь реконструкций, однако, недостижима без обращения к источникам всех возможных видов — не только археологическим, но и письменным (особенно важны из них те, что вводятся в научный оборот впервые). Настоящая статья призвана показать ошибки, возникающие при поверхностном подходе к их согласованию. В ней рассматриваются данные археологических исследований и кадастровые материалы XVI–XVIII вв. При необходимости привлекаются иные источники, как то: дипломатическая документация, ландкарты «петровских геодезистов», зафиксированная в разное время топонимия.

ВОРГОЛ

Город Воргол, разоренный татарской ратью в 1290 г.¹, давно отождествляется с археологическим комплексом у одноименного села Сумской области Украины². В настоящее время это соотнесение вызывает резонные сомнения в своей надежности. Так, В. В. Приймак и Е. Н. Осадчий обращают внимание на датировку культурных напластований вышеуказанного комплекса, не выходящую за пределы первой половины XI в., что полностью исключает традиционную локализацию Воргола. Оба исследователя помещают Воргол на место городища у села Емадыкино (источники XVI–XVIII вв. называют его Безымянным³), игнорируя значительное расстояние (свыше 30 км) между данным пунктом и рекой Ворголкой (Воргол, Воргла, Ворглец, Варгов), которая служит важным топонимическим ориентиром при поиске местоположения города⁴.

При проведении параллели «Воргол — Емадыкино» наблюдаются явные нестыковки. Во-первых, в окрестностях Безымянного городища нет сети открытых поселений, формировавших хозяйственную округу летописного «княжеского» города⁵. Во-вторых, ассоциируя Воргол и Емадыкино, авторы гипотезы пытаются отнести крепость, которая, по их мнению, прикрывала Путивль со стороны Рыльска, к составу рыльской же территории⁶. Привязка Безымянного городища к рыльским владениям противоречит имеющимся историко-географическим данным. Складывание западного рубежа Курского Посемья, который прошел между Рыльском и Путивлем, завершилось уже к середине XII в.⁷ Маркерами границы могут служить Сосницкое и Перуново городища⁸, охранявшие владения рыльских князей⁹. Инициативой последних следует признать и возведение Колодежского городища у нынешнего села Дроновка Курской области¹⁰.

¹ Обстоятельный анализ данного события см.: Кучкин В. А. Летописные рассказы о слободах баскака Ахмата // Средневековая Русь. Вып. 1. М., 1996. С. 5–57.

² Данная локализация предложена во второй половине XIX в. Д. Г. Гумилевским (Филаретом): [Гумилевский Д. Г.] Историко-статистическое описание Черниговской епархии. Кн. 7. Чернигов, 1873. С. 323.

³ Анпилогов Г. Н. Новые документы о России конца XVI — начала XVII в. М., 1967. С. 196–201; РГАДА. Ф. 1209. Оп. 85. Ед. хр. 54. Реестр III-го отделения Московского архива Министерства Юстиции писцовым и межев[ым] кн[игам] по городу Путивлю 136 и 137 г. № 337, 348. Л. 45, 47 об.; НИОР БАН. Ф. 35. Карт. осн. 509. Ландкарта Путивльского уезда, сост. геодезистом Хрущовым.

⁴ Приймак В. В. Городище біля с. Емадикіне в Посейм'ї // Археологічний літопис Лівобережної України. 2002. № 1 (11). С. 89–90; Скирда В. В., Приймак В. В. Пам'ятокзнавчі аспекти історії досліджень археологічного комплексу біля с. Ницаха // Археологічні дослідження Більського городища — 2018. Київ — Котельва, 2019. С. 226; Осадчий Е. М. Літописні міста Сумщини // Городища роменсько-давньоруського часу на території Сумської області / Моргунов Ю. Ю., Приймак В. В., Осадчий Е. М., Коротя О. В. Харків, 2022. С. 223–225.

⁵ Древнерусские поселки междуречья Берюшки и Клевени располагались исключительно вблизи крепостей: Звід пам'яток історії та культури України. Сумська область / Гол. ред. В. [А.] Смолій. Київ, 2017. С. 424 (№ 324.1), 1007–1008 (№ 916.1, 916.6); Археологическая карта России: Курская область / Авт.-сост. А. В. Кашкин. Ч. 2. М., 2000. № 818–819. С. 93.

⁶ Осадчий Е. М. Літописні міста Сумщини. С. 223–225.

⁷ Зайцев А. К. Черниговское княжество X–XIII вв.: избранные труды. М.: Квадрига, 2009. С. 79.

⁸ Сосницкое (Соснецкое) и Перуново (Перино) городища расположены близ современных населенных пунктов Городище и Коренское Рыльского района Курской области: Чурсин Д. И. Липенское городище на Псле и проблема локализации Липовичска (заметки по исторической географии Путивльско-Рыльского региона) // История. Общество. Политика. 2021. №3 (19). С. 146; НИОР БАН. Ф. 35. Карт. осн. 513. Ландкарта Рыльского уезда, сост. геодезистом Хрущовым.

⁹ Моргунов Ю. Ю. Историческая география Переяславской земли (Святослав Игоревич — Ярополк Владимирович). Вологда, 2019. С. 87.

¹⁰ Первое упоминание данного памятника относится к 20-м гг. XVII в.: РГАДА. Ф. 1209. Оп. 85. Ед. хр. 54. Реестр ... по городу Путивлю 136 и 137 г. № 367. Л. 50. Несколько лет назад он (под условным названием «Дроновка — 1»)

Чтобы выяснить, каким образом под власть рьльского князя оказался расположенный значительно западнее Воргол, необходимо проанализировать взаимоотношение средневековых укреплений с учетом их направленности, попутно обращаясь к письменным источникам. Протекающая к югу от Безымянного (Емадыкинского) городища река Берюшка (Берюх) некоторое время служила оборонительным рубежом. Об этом свидетельствует наличие на ее берегах деревоземляных укреплений XII–XIII вв., одно из которых — «Руднево» — контролировало переправу на дороге, соединявшей Путивль с Рьльском и Севском¹¹. На том же правом берегу Берюшки, в 8,5 км выше по течению, находится Юрьево городище, которому противостоит левобережное Девичье городище¹². Рубеж «"Руднево" — Юрьево» полностью отсекает от Путивля междуречье Берюшки и Лапуги, в том числе и Безымянное городище. Основание последнего датируется рубежом XI–XII вв., тогда как «Руднево» и Юрьево городища, по всей вероятности, появились позднее¹³. Это говорит об их строительстве в качестве звеньев цепи, разделившей владения двух ветвей княжеского рода Ольговичей¹⁴.

Образовавшийся таким образом «плацдарм» прикрыл переправу через Клевень у нынешнего села Будища, соединявшую черноземный участок левобережья реки с лесным правобережьем. О ее наличии свидетельствует маршрут конотопских торговцев, в 1640 г. направлявшихся в обход Путивля к Рьльску. Их путь пролегал через деревню Кочереги (ныне село Кочерги Сумской области), где когда-то функционировал мост через реку Эсмань¹⁵. Вероятно, именно через Будища и Кочереги пролегла одна из дорог, соединявших в XVII в. Рьльск с Новгород-Северским уездом¹⁶.

Если письменные источники намекают на существование в XVII в. переправы у современных Будищ, то результаты археологических исследований позволяют говорить о ее эксплуатации в период Развитого Средневековья. В урочище Аксёнов Бугор на правом берегу Клевени выявлено

был обследован археологической экспедицией Государственного Эрмитажа: Воротинская Л. С., Дробушевский А. И. Полевые исследования на западе Курской области // Археологические исследования в Центральном Черноземье, 2018. Липецк — Воронеж, 2019. С. 103–105 (рис. 2). Возведение укрепления в низовьях речки Колодезь позволило рьянам занять часть обозначившейся еще в роменский период нейтральной полосы, которая в домонгольское время активно осваивалась путивльцами. Крепость прикрыла с запада пути из Рьльска в Вырь, стратегическая значимость которых была особенно высока в периоды принадлежности Посемья переяславским князьям: Моргунов Ю. Ю. Указ. соч. С. 76, 256–257. Видимо, Колодежская волость, центром которой служило указанное поселение — городок Колодежи, — перешла от Рьльска к Путивлю только в XVI в., одновременно с Залуцкой: Чурсин Д. И. Липенское городище на Псле... С. 144.

¹¹ Осадчий Е. М. Шляхи сполучення Путивльського уділу наприкінці XVI–XVII ст. // Праці Центру пам'яткознавства. Вип. 27. Київ, 2015. С. 228; Звід пам'яток... № 916.1. С. 1007; Осадчий Е. М., Коротя О. В. Каталог городищ роменсько-давньоруського часу Сумської області // Городища роменсько-давньоруського часу на території Сумської області / Моргунов Ю. Ю., Приймак В. В., Осадчий Е. М., Коротя О. В. Харків, 2022. С. 130.

¹² Чурсин Д. И. Липенское городище на Псле... С. 146; Осадчий Е. М., Коротя О. В. Указ. соч. С. 134.

¹³ Звід пам'яток... С. 356, 1007 (№ 916.1); Осадчий Е. М., Коротя О. В. Указ. соч. С. 130, 134.

¹⁴ Традиционно считается, что ближайший к Путивлю крупный средневековый город Глухов изначально входил в округу Новгорода-Северского: Багалея Д. [И.] История Северской земли до половины XIV ст. Киев, 1882. С. 158. Меж тем особенности размещения древнерусских памятников в регионе свидетельствуют о структурной связанности путивльской и глуховской «крепостных групп», отрезанных от аналогичного новгород-северского «гнезда» укреплений массивами слабо освоенных лесов. Например, городище у села Волокитино относят одновременно к глуховскому и путивльскому «гнездам»: Коваленко Ю. [О.] У пошуках давньоруського Глухова // Чернігів у середньовічній та ранньомодерній історії Центрально-Східної Європи. Чернігів, 2007. С. 339; Моргунов Ю. Ю. Указ. соч. С. 75–76. По-видимому, еще в Средневековье между Глуховом и Новгородом-Северским прошел рубеж, зафиксированный документами XVII в. в качестве границы Подпутивльского и Кологородного станов: Кулаковский П. [М.] Чернігово-Сіверщина у складі Речі Посполитої (1618–1648). Київ, 2006. С. 239. Допустимо предположить, что в середине XII в. Глухов контролировался путивльскими князьями из младшей ветви Ольговичей (в частности, Олегом Святославичем в 1157–1159 гг. и Георгием — Игорем Святославичем в 1161–1164 гг.: Войтович Л. [В.] Князя доба: портрети еліти. Біла Церква, 2006. С. 402–403 (№ 15/6, 19/6)), но к 1169 г. отделился, перейдя к старшей ветви рода: Беспалов Р. А. История Новосильско-Одоевской земли до начала XVI века в контексте международных отношений в Восточной Европе. М. — СПб., 2021. С. 95–96. Такая гипотеза вполне согласуется со сфрагистическими находками: Абакумова В. І. Археологічні знахідки Глухова (за публікаціями «Соборного майдану») // Археологія Північно-Східної України: здобутки, сучасний стан та перспективи. Суми, 2022. С. 7–9. Слова Е. Н. Осадчего об отсутствии прямой дороги между Путивлем и Глуховом вплоть до середины XVII в., противоречащие показаниям письменных источников, звучат в этой связи несколько нелепо. Судя по всему, данный тезис выдвинут им для подкрепления откровенно слабой гипотезы о местоположении летописного «Игорева сельца»: Осадчий Е. М. Літописні населені пункти Сумщини: проблеми та перспективи досліджень // Суспільно-політичні процеси в Україні та світі: історія, проблеми, перспективи. Суми, 2022. С. 162.

¹⁵ Примечательно, что актовый документ 1682 г. свидетельствует о продаже земельного участка («пляца») под названием Городище в селе Кочереги: [Гумилевский Д. Г.] Историко-статистическое описание Черниговской епархии. С. 326, прим. 23.

¹⁶ Кулаковский П. [М.] Указ. соч. С. 24, 45, 200.

городище с напластованиями XII–XIII вв., к которому примыкает синхронное селище площадью около 12 га. Оборонительные сооружения крепости «Аксёнов Бугор» не представляли серьезного препятствия для нападавших с напольной стороны, но позволяли удерживать под контролем спуск в речную долину. По-видимому, с переправой было связано и находившееся на левом берегу Клевени напротив Будищ неукрепленное поселение XIV–XV вв.¹⁷

За «Будищанской» переправой тянулась широкая полоса лесов¹⁸. Источники конца XVI — первой половины XVII в. отмечают в этих местах следы запустевших селений более раннего времени — Литвиновичи¹⁹, Кочарыжи, Пердунов, Мацкое, Зазиркино и Бычалы²⁰ (см. цв. вклейку, рис. 29). В низовьях Клевени, близ устья Ворголки, к настоящему моменту выявлена большая группа неукрепленных поселков древнерусского периода²¹. В отличие от незаселенных окрестностей Безымянного (Емадыкинского) городища, это скопление селищ полностью соответствует искомому поселенческому ядру «Воргольской волости».

Вероятно, именно к Ворголу тяготела обжитая область нижнего течения Сейма²², отделенная от Путивля труднопроходимыми болотами. В конце XV в. эта территория относилась к Меленской волости Путивльского повета²³. Границы последней маркируют собой села Озаричи, Любитово, Спасское, Заболотово, Мути, Литвиновичи, Добротово и Подолов (часть современного Кролевца Сумской области), в начале XVII в. входившие в тот же церковный приход, что и бывший волостной центр — село Мельня²⁴. Угодья перечисленных сел занимали оба берега Сейма и низовьев Клевени²⁵. Помимо Литвиновского городища, на этой территории выявлены остатки еще двух древнерусских укреплений («Спасское» в урочище Тарелка и «Божок — 2»), должно быть, защищавших дорогу на Чернигов²⁶. От ближайшего достоверно известного городка — задесенского Батурина — их отделял 25-километровый массив дубовых лесов²⁷.

Однозначно выяснить политическую принадлежность «Воргольской волости» до 1289 г. на данный момент не представляется возможным. Не исключено, что Воргол мог войти в состав выделившегося в 60-х гг. XII в. Глуховского княжения и отойти к Рыльску при Михаиле или его сыне Симеоне — глуховских князьях второй половины XIII в.²⁸ Вероятно, именно рыльский князь

¹⁷ Осадчий Е. М., Корота О. В. Указ. соч. С. 60; Звід пам'яток... С. 420 (№ 316.3), 933 (№ 885.8).

¹⁸ Кулаковський П. [М.] Указ. соч. С. 29–30.

¹⁹ Ныне — село с тем же названием. В его центре находится городище с напластованиями раннеславянского периода, XII–XIII и XVII–XIX вв.: Звід пам'яток... № 537.4. С. 630; Осадчий Е. М., Корота О. В. Указ. соч. С. 96. Во времена Московского государства рядом с этим городищем, именованным Литвиновским (ошибочно фигурирует у И. Д. Беляева как Литовское), действовал сторожевой пост: РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 1. Стб. 25. Л. 132; Беляев И. [Д.] О сторожевой, станичной и полевой службе на польской Украине Московского государства до царя Алексея Михайловича. М., 1846. 2-я паг. С. 74. Очевидно, он охранял известный из источников того же периода перевоз через Клевень, к которому от Путивля вела Литвиновская дорога: Анпилогов Г. Н. Указ. соч. С. 168–169, 290; Кулаковський П. [М.] Указ. соч. С. 47. Переправа через Клевень у Литвиновичей функционировала и в Средневековье, о чем косвенно свидетельствует размещение древнерусских поселений в ее окрестностях: Осадчий Е. М. Шляхи сполучення Путивльського уділу... С. 232.

²⁰ Анпилогов Г. Н. Указ. соч. С. 132, 138, 150–151; Кулаковський П. [М.] Указ. соч. С. 201; РГАДА. Ф. 1209. Оп. 85. Ед. хр. 54. Реестр ... по городу Путивлю 136 и 137 г. № 11–13. Л. 3; Памятники южновеликорусского наречия. Отказные книги / Подгот. С. И. Котков, Н. С. Коткова. М., 1977. С. 279.

²¹ Звід пам'яток... С. 524 (№ 474.2), 602–603 (№ 522.7), 632–633 (№ 537.10–14); [Приймак В. В.] Пам'ятки золотоординської доби межиріччя Сейму і Ворскли // Старожитності золотоординського часу Дніпровського лісостепового Лівобережжя / Супруненко О. Б., Приймак В. В., Мироненко К. М. Київ — Полтава, 2004. С. 57–58 (рис. 46, 47), 60–61.

²² Здесь обнаружено немало обособленных домонгольских поселений: Звід пам'яток... С. 516 (№ 461.2), 523–525 (№ 471.7, 474.3, 474.7), 609–610 (№ 530.6), 613 (№ 533.7, 533.9), 629 (№ 536.6), 635 (№ 540.2).

²³ Русина О. В. Путивльські волості XV — початку XVII століть // Записки Наукового товариства імені Т. Шевченка. Т. ССXXXI. Львів, 1996. С. 370; Чурсин Д. И. Липенское городище на Псле... С. 146–147.

²⁴ Кулаковський П. [М.] Указ. соч. С. 303–304.

²⁵ Там же. С. 201–202.

²⁶ Осадчий Е. М., Корота О. В. Указ. соч. С. 90, 100; Звід пам'яток... С. 628 (№ 536.2), 643–644 (№ 552.3). Пара соседних укрепленных поселков («Лобанова Гора» и «Божок — 1») не могут рассматриваться в числе пунктов округа Воргола, поскольку запустевают уже в XI в.: Осадчий Е. Н. Городища около села Спасское на территории Путивльского Посеймья // Путивльський краєзнавчий збірник. Вип. 9. Суми, 2020. С. 191; Капустін К. [М.] Давньоруські пам'ятки Дніпровського Лівобережжя (за матеріалами розвідки І. І. Ляпушкіна 1947 р.) // Сіверянський літопис. 2015. № 2 (122). С. 8.

²⁷ Коваленко В. [П.] Коли виник Батурина? // Сіверянський літопис. 2016. № 1 (127). С. 57–65; Кулаковський П. [М.] Указ. соч. С. 30–31.

²⁸ Беспалов Р. А. Указ. соч. С. 102–103.

Олег присоединил Воргол к составу своих владений, на что и указывает его «двойная» титулатура. Определение претендента на черниговский престол Андрея (сына Пантелеимона — Мстислава Святославича) как воргольского князя, выдвинутое Д. Г. Гумилевским, — не более чем историографический курьез, следствие издательской ошибки²⁹.

Где же находился центр «Воргольской волости»? Как известно, современные исследователи отмечают двухчастную планировку Безымянного (Емадыкинского) городища (детинец и укрепленный посад), характерную для поселений с ярко выраженным городским обликом³⁰. Однако сходной планировочной структурой обладает и расположенный в предполагаемом поселенческом ядре «волости» (в 7 км от Ворголки и в 12 от ее старого устья³¹) археологический комплекс у села Волокитино Сумской области, датируемый роменским периодом и XI–XIII вв. Он состоит из обращенного фронтом к югу двухчастного городища³², к которому примыкает защищенное глубокими оврагами открытое поселение (урочище Высокое Поле). Единственный беспрепятственный въезд на территорию комплекса, расположенный с северной стороны, пролегает через узкий (около 30 м) перешеек. Таким образом, окруженная естественными и рукотворными преградами площадь комплекса достигает 3 га. Древнерусская керамика обнаружена и на соседнем мысу коренного берега Клевени, что позволяет допустить наличие нескольких посадов³³. находка шиферного пряслица и обломка стеклянного браслета свидетельствует о связях обитателей комплекса с Киевщиной³⁴.

Городище у нынешнего села Волокитино впервые упоминается в путивльской межевой книге 1628–1629 г. как Марицкое³⁵. Отказная запись от 15 июня 1634 г. сообщает о его расположении по соседству с Волокитинской землей — территорией, «тянувшей» к селу Волокитин, запустевшему после 1619 г. и заново осаженому не позднее 1638 г.³⁶ Городище, очевидно, получило свое имя от расположенных поблизости леса Марица³⁷ и одноименного с ним ручья (он же — Марицкий поток или Щербик)³⁸. Крепость контролировала переправу через Клевень на дороге, соединявшей Путивль с Глуховом и Новгородом-Северским. Путивльская отдельная книга 1594 г. отмечает наличие в этом месте перевоза³⁹. С 1625 г. часть доходов от эксплуатации перевоза «на реке на Клевени по Новгородской по горней дороге» поступала путивльской Воскресенской

²⁹ Там же. С. 69; [Гумилевский Д. Г.] Историко-статистическое описание Черниговской епархии. С. 323.

³⁰ Скирда В. В., Приймак В. В. Вказ. тв. С. 226; Осадчий Є. М. Літописні міста Сумщини. С. 224–225.

³¹ Вероятно, имя города Воргол не восходит напрямую к гидрониму: [Приймак В. В.] Пам'ятки золотоординської доби... С. 63. Действительно, этим названием сперва могли наделить местность, «осью» которой выступала река, и лишь потом — ее административно-хозяйственный центр.

³² Согласно результатам обследований городища, произведенных в разные годы Д. Я. Самоквасовым и В. В. Приймаком, оно состоит из двух укрепленных площадок, одна из которых ныне полностью занята кладбищем: Самоквасов Д. [Я.] Северянская земля и северяне по городищам и могилам. М., 1908. С. 113; Звід пам'яток... № 887.2. С. 935. Следы napолных укреплений северной площадки в настоящее время не прослеживаются, вследствие чего эта часть крепости причисляется к территории селища: Коваленко Ю. О. Волокитинське городище VIII–XIII ст. // Археологічний літопис Лівобережної України. 2001. № 1 (9). С. 115; Осадчий Є. М. Дослідження археологічного комплексу X–XIII ст. поблизу с. Волокитине // Сумські історико-краєзнавчі студії. Суми, 2021. С. 93.

³³ Древнерусские поселения Среднего Поднепровья (Археологическая карта) / Кучера М. П. [и др.]. Киев, 1984. № 249. С. 113; Капустін К. [М.] Указ. соч. С. 6–7; Звід пам'яток... № 887.2. С. 935; Осадчий Є. М., Коротя О. В. Указ. соч. С. 110.

³⁴ Самоквасов Д. Я. Основания хронологической классификации, описание и каталог коллекции древностей. Варшава, 1892. С. 85.

³⁵ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 85. Ед. хр. 54. Реестр ... по городу Путивлю 136 и 137 г. № 252. Л. 25.

³⁶ Памятники южновеликорусского наречия... С. 279; Кулаковський П. [М.] Указ. соч. С. 423.

³⁷ По данным местной топонимии, так именовался весь лесной массив в междуречье Клевени, Эсмани и Ворголки, между современными селами Зазирки, Волокитино, Кочерги, Мацково, Уздица и Ярославца; Черепанова Е. А. Микротопонимия Черниговско-Сумского Полесья. Сумы, 1984. С. 182.

³⁸ Материалы для истории экономического, юридического и общественного быта старой Малороссии, издаваемые под редакцией Н. П. Василенка. Вып. I. Чернигов, 1901. С. 399; Кулаковський П. [М.] Указ. соч. С. 30–31, 45, 197, 200 (прим. 17).

³⁹ Источники раннего Нового времени упоминают Мостовые лесок и поток, расположенные между устьем Эсмани и Марицким потоком (см.: Анпилов Г. Н. Указ. соч. С. 151; Кулаковський П. [М.] Указ. соч. С. 200), что кажется свидетельством существования в этом месте моста через Клевень, замененного перевозом лишь к концу XVI в. Существование данной переправы в литовское время косвенно подтверждается находкой клада пражских грошей «недалеко от с. Волокитина на песчаном бугре, размываемом весенними разливами р. Клевени» (см.: Данилевич В. Е. Заметки по археологии и нумизматике // Сборник Харьковского историко-филологического общества. Т. 16. Харьков, 1905. С. 387–388).

церкви в качестве руги⁴⁰. Стратегическое значение этого места подчеркивается как размещением путивльской сторожевой заставы (в урочище Волокитины Ростани), так и прозванием перевоза — Большой Клевенский⁴¹. В универсале запорожского гетмана Ивана Скоропадского, датированном 8 апреля 1709 г., упоминается Волокитинская гребля (т. е. плотина), ниже которой по течению Клевени, «*против городища*», размещался перевоз, «*через которой толко во время весни люде перевозятся*». С плотиной соседствовали лес и луг под общим названием Селище⁴².

На наш взгляд, собранные к настоящему моменту данные вполне позволяют ассоциировать город Воргол с Волокитинским археологическим комплексом, находящимся между Ворголкой и Эсманью. Впрочем, Е. Н. Осадчий полагает, что подобная локализация Воргола противоречит известиям источников о военных действиях 1289–1290 гг.⁴³ По его мнению, при таком местоположении города татары непременно разорили бы и округу соседнего Путивля. Летописи же ни о чем подобном не сообщают⁴⁴. Это утверждение было бы справедливо в отношении грабительского похода, подобного набегам крымцев XVI–XVII вв., однако дошедшие до нас тексты однозначно твердят не о набеге кочевников, а о карательной акции, направленной против рыльско-воргольского князя Олега⁴⁵. Она явилась следствием конфликта ордынского темника Ногай с князьями Курского Посемья, к составу которого Путивль не относился. Очевидной причины нападать на владения путивльского князя у татар не было.

БИРИН

Еще одним городом, чье местоположение было «вычислено» В. В. Приймаком и Е. Н. Осадчим по неким археологическим признакам, оказался Бирин, упомянутый в так называемом «Списке русских городов дальних и ближних»⁴⁶. В своих построениях они опираются на гипотезу М. К. Любавского, отождествившего Бирин с селом Буринь (ныне — город Буринь Сумской области)⁴⁷. Отказавшись, однако, от попыток обнаружения подходящего археологического комплекса в черте Бурини, исследователи просто нарекли летописным городом понравившийся памятник двадцатью километрами западнее этого населенного пункта.

Четверть века назад иную локализацию Бирина предложила Е. В. Русина. Опираясь на данные путивльской оброчной книги 1628–1629 гг., она ограничила район поисков города местностью близ двух притоков Псла — Сумы (нынешней Сумки) и Олешни, — по берегам которых находились бортные угодья Биринской волости⁴⁸. Именно на приводимые Е. В. Русиной показания источников, а не на предложенную ею ассоциацию Бирина с Бариловкой, следовало бы обратить внимание Е. Н. Осадчему. Вместо этого он занялся неприкрытой подтасовкой фактов, утверждая, что локализация Бирина М. К. Любавским базируется на анализе документов XV в.⁴⁹, тогда как

⁴⁰ Державний історико-культурний заповідник у м. Путивлі. КВ 4863. Виписка про землеволодіння священика Воскресенської церкви.

⁴¹ Беляев И. [Д.] О сторожевой, станичной и полевой службе... 2-я паг. С. 74; Кулаковский П. [М.] Указ. соч. С. 44–45.

⁴² Материалы для истории экономического, юридического и общественного быта... С. 398–399.

⁴³ Е. Н. Осадчий некритически принимает датировку данных событий 1283–1284 гг., расходящуюся с непосредственным содержанием летописного известия. Подробнее о датировке см.: Кучкин В. А. Указ. соч. С. 31–38.

⁴⁴ Осадчий Е. М. Літописні міста Сумщини. С. 225.

⁴⁵ Кучкин В. А. Указ. соч. С. 6, 13–14, 46–48.

⁴⁶ Осадчий Е. М. Літописні міста Сумщини. С. 219–222.

⁴⁷ Любавский М. К. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания Первого Литовского статута. М., 1892. С. 246.

⁴⁸ Русина О. В. Указ. соч. С. 374. В Биринскую волость входили также ужожи на реке Суровице (Сыроватке): РГАДА. Ф. 1209. Оп. 85. Ед. хр. 14. Реестр писцовой книге Путивльского уезда письма и меры Петра Мусорского да подьячего Гаврилы Фёдорова 136-го и 137-го годов, в коей явствуе, за каким владельцем какие села, деревни, пустоши, селища, займища, пожни, погосты и прочее состояли. № 133, 142. Л. 23об.–24.

⁴⁹ Соотнесение «Бирин — Буринь» очевидным образом основано на фонетическом сходстве. Ойконим Буринь восходит к микропониму *Боринь, аналогу позднейшего украинского слова *бориння* — «редкий лес в низине» или «небольшая площадь лесной поросли» (см.: Иваненко О. В. Назви поселень Сумщини. Історико-етимологічний словник. Київ, 2016. С. 44; Черепанова Е. А. Народная географическая терминология Черниговско-Сумского Полесья. Сумы, 1984. С. 34). Буринь была поселена на землях путивльской Николаевской Великоорецкой церкви, выделенных той в 1627 г.: Попов П. [М.] Діалектологічні спостереження на північно-східному кордоні України (Путивельщина) // Записки історично-філологічного відділу УАН. Кн. VII–VIII. Київ, 1926. С. 415, прим. 1. Эта местность никогда не относилась

Е. В. Русина якобы основывалась лишь на данных ономастики⁵⁰. Версию Любавского можно опровергнуть, обратившись к материалам московских посольских книг, согласно которым 24 марта 1569 г. из Путивля «Биринскою дорогою х Катмышю» выступили гонцы Девлет-Килдей и Иван Чабуков⁵¹. В «Катмыше» посольской книги нетрудно распознать Хотмышль — центр Хотмышской волости Путивльского уезда (ныне село Хотмыжск Белгородской области), упоминаемый составителями «Списка русских городов дальних и ближних» наряду с Бирином. Е. В. Русина помещает Биринскую волость как раз между Путивлем и Хотмышлем⁵².

В очерченной Е. В. Русиной зоне располагалось Берлицкое городище, фигурирующее в документах середины XVII в. Выдвинутый нами тезис о связи данного памятника с летописным Бирином подвергся критике со стороны Е. Н. Осадчего⁵³. Укажем на один факт: для волостных центров Путивльщины характерны ойконимы, совпадающие с названиями самих волостей. Так, место бывшего Мужеча (Мужецкая вол.) именовалось Мужетцким городищем, Немери (Немирская вол.) — Немеровским городищем, Донца (Донецкая вол.) — Донецким городищем, Дороголива (Дороголевская вол.) — Дороголевским городищем, и т. д.⁵⁴ Одно лишь вышеприведенное наблюдение позволяет уверенно ассоциировать центр Биринской (Борисской, Берлицкой, Бирлинской, Берлинской, Бринской, Биркинской, Берецкой) волости именно с Берлицким (Бердицким, Берлинским) городищем⁵⁵. Тожество названий волости и городища, несмотря на искажения в источниках, выступает вполне явственно.

Е. Н. Осадчий пишет об отсутствии древнерусских напластований на предполагаемом месте Берлицкого городища, упрекая нас в неведении⁵⁶. Как ни удивительно, сам он лишь гипотетически локализует искомый памятник в южной части города Сумы⁵⁷. Отсюда следует, что масштаб выполненных к настоящему времени археологических работ в черте города никак нельзя назвать исчерпывающим. Ранее В. В. Приймак и Е. Н. Осадчий помещали Берлицкое городище в самый центр Сум, а именно в район площади Независимости и Воскресенской церкви. Они же сообщали

к Биринской волости: в межевой книге 1628–1629 гг. она обозначена как «ружной Никольской бортной ухжей» в составе Подгородного стана (см.: РГАДА. Ф. 1209. Оп. 85. Ед. хр. 54. Реестр ... по городу Путивлю 136 и 137 г. № 300–301. Л. 39). В 1694 г. за служителями Великолукской церкви были закреплены село Грузское, деревня Прудки и Боринские слободки с угодьями, «что им даны вместо руги» (см.: Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего правительствующего Синода. Т. XXXIV. 1754 г. СПб, 1912. № 351/139. Стб. 297).

⁵⁰ Осадчий Е. М. Літописні міста Сумщини. С. 219.

⁵¹ Посольская книга по связям Московского государства с Крымом. 1567–1572 гг. / Отв. ред. М. В. Моисеев; подгот. текста: А. В. Малов, О. С. Смирнова. М., 2016. С. 222.

⁵² Русина О. В. Указ. соч. С. 371, 374–375.

⁵³ Чурсин Д. И. К вопросу о локализации древнерусских городов Жолваж и Бирин // *Filo Ariadne*. 2021. № 2 (22). С. 16; Осадчий Е. М. Літописні міста Сумщини. С. 220.

⁵⁴ Бабин И. П., Озеров М. М. На шаг ближе к разгадке тайны Гочевского городища (О чем рассказали архивные находки) // События и люди в документах курских архивов. Вып. XX. Курск, 2021. С. 11; [Гумилевский Д. Г.] Историко-статистическое описание Харьковской епархии. Отд. III. М., 1857. Стб. 106–108; Клепатский П. Г. Очерки по истории Киевской земли. Одесса, 1912. Т. 1. С. 292; Державний історико-культурний заповідник у м. Путивлі. КВ 4841. Копія з виписки про розмежування помістя Федора Андрійовича Трифонова.

⁵⁵ [Гумилевский Д. Г.] Историко-статистическое описание Харьковской епархии. Стб. 342, 347; Сборник судебных решений, состязательных бумаг, грамот, указов и других документов, относящихся к вопросу о старозаимочном землевладении в местности бывшей Слободской Украины / Сост. В. В. Гуров при уч. Е. К. Бродского. Харьков, 1884. С. 471, 488; Анпилов Г. Н. Указ. соч. С. 83; Ленський О. В. Історія Сумської прикордонної служби. Суми, 2018. С. 28; Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства (Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губ.) в XVI–XVIII столетиях, собранные в разных архивах и отредактированные Д. И. Багалеем. Харьков, 1886. С. 19–21; Путивльская писцовая книга 1628–1629 гг. / публ. и комм. Л. [Ю.] Астахиной // *Palaeoslavica*. Vol. II. Cambridge–Massachusetts, 1994. № 6. Р. 116; Астахина Л. Ю. Проблемы филологической достоверности источников по русской исторической лексикологии: дис. ... докт. филол. наук. М., 2016. С. 126; Слюсарский А. Г. Социально-экономическое развитие Слобожанщины XVII–XVIII вв. Харьков, 1964. С. 263; Документальні матеріали з історії Сум 50–60 років XVII ст. в науково-допоміжному фонді Сумського обласного краєзнавчого музею / [публ. та ком.] Л. П. Сапуніна, Л. І. Белінська // Сумський обласний краєзнавчий музей: історія та сьогодення. Суми, 2005. С. 47–48; Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве министерства юстиции. Кн. 12. М., 1901. № 405. С. 457; Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве министерства юстиции. Кн. 15. М., 1908. № 508. С. 445; Вечерський В. В. Спадщина містобудування України: Теорія і практика історико-містобудівних пам'яток охоронних досліджень населених місць. Київ, 2003. С. 248.

⁵⁶ Осадчий Е. М. Літописні міста Сумщини. С. 220.

⁵⁷ Моргунов Ю. Ю., Приймак В. В., Осадчий Е. М., Коротя О. В. Городища роменсько-давньоруського часу на території Сумської області. Харків, 2022. С. 255.

об обнаружении в разных частях города двух погребений, относимых к ордынскому периоду⁵⁸. Хотя вопрос точной локализации Бириня остается нерешенным, привязка этого города к округе нынешних Сум может считаться установленной. Не исключена его связь с городищем «Тополи», находящемся на северной окраине Сум⁵⁹. Как уже отмечалось, к окончательному разрешению «Биринской проблемы» приведут только археологические исследования⁶⁰.

ЖОЛВАЖ

Спор о местоположении Бириня заставляет задуматься о локализации другого средневекового города, известного из письменных источников, — Жолважа. Предложенное нами соотнесение этого пункта с Горнальским археологическим комплексом в Курской области было Е. Н. Осадчим отвергнуто по причине «игнорирования археологической составляющей»⁶¹. Обратившись к изданию фрагмента оброчной книги 1628–1629 гг., он отождествил Жолваж с городищем «Тополи», расположенном у впадения в Псел рек Олешня и Сумка, то есть именно там, где Е. В. Русина помещает Бирин⁶². При попытке определить границы территории, «тянувшей» к Жолважу, исследователь настолько увлекся произвольными ассоциациями, что не обратил внимания на схожесть названий многих рек региона. Так, согласно источнику, один из путивльских бортовых ухажьев находился «в Желватской волости на реке на Псле да на речке на Судже и по ровню Хорловску, да в ровни в Боржевску, и по речке по Смердице, и по речке по Коноплянке, да по рубеж, по Барожбу». Е. Н. Осадчий верно ассоциировал перечисленные в данном отрывке гидронимы с реками нынешней Курской области, лишь Барожбу соотнес с Ворожкой близ Сум⁶³. Подобным образом он перенес на противоположный край волости и «колодез Крупец», дважды упомянутый в связке с Лубенским ровнем (урочище Лубенец к югу от деревни Спальное) и речкой Сухой⁶⁴. Указанный колодезь (то есть ручей) впадает в Псел у современного села с тем же названием⁶⁵.

Явно стараясь притянуть западную границу Желватской волости к Ворожке, Е. Н. Осадчий никак не объяснил отсутствия среди маркеров волостной территории названий таких рек, как Сума, Ильма, Бездрик и т. д. Фигурирующую в оброчной книге Олешню он с ходу принял за приток Псла, не обращая внимания на одноименный приток Суджи. Между тем гидроним Олешня

⁵⁸ Приймак В. В., Осадчий Е. М. Золотоординське поховання у центрі Сум (з приводу 350-річчя міста) // Археологічні дослідження в Україні. Вип. 8. 2004–2005 рр. Київ — Запоріжжя, 2006. С. 307–310.

⁵⁹ В документах 1774–1785 гг. это место (дача № 24 на межевом плане Сумского уезда) фигурирует как пустошь Городища (Городница), которой владел полковник Степан Кондратьев: РГАДА. Ф. 1354. Оп. 573. Ч. 1. Алфавит хранящимся в чертежном архиве планам с книгами Харьковской губернии Сумского уезда наличным дачам. Л. 8; [Гумилевский Д. Г.] Историко-статистическое описание Харьковской епархии. Стб. 380. До 1750 г. «хутор над речкою Псом в урочище Городище» принадлежал сумскому протопопу Матвею Дресовскому (см.: Миллер Д. П. Архивы Харьковской губернии // Сборник Харьковского историко-филологического общества. Харьков, 1902. Т. 13. Ч. 1. С. 242). Более полутора столетий назад Д. Г. Гумилевский ассоциировал указанную местность с Липенским (Липецким) городищем, упомянутым в датированной 1571 г. «Росписи разъездам путивльских и рьльских станиц»: [Гумилевский Д. Г.] Историко-статистическое описание Харьковской епархии. Стб. 279–280; Акты Московского государства, изданные Императорскою Академиею наук / Под ред. Н. А. Попова. Спб., 1890. Т. 1. С. 13. Локализация, выдвинутая Гумилевским, слабо аргументирована. Опираясь на сообщаемую «Росписью» географическую номенклатуру, следовало бы поместить Липенское городище на кратчайший из возможных путей, что соединяли верховья рек Вир (приток Сейма) и Боромля (приток Ворсклы). В точке пересечения этим маршрутом реки Псел (у села Шпилевка Сумской области) еще в XIX в. были обнаружены остатки древнерусской крепости: Чурсин Д. И. Липенское городище на Псле... С. 137–139; Осадчий Е. М., Коротя О. В. Указ. соч. С. 156.

⁶⁰ Чурсин Д. И. К вопросу о локализации... С. 16.

⁶¹ Чурсин Д. И. К вопросу о локализации... С. 27–29; Осадчий Е. М. Літописні міста Сумщини. С. 227.

⁶² Осадчий Е. М. Літописні міста Сумщини. С. 226–229; Русина О. В. Указ. соч. С. 374.

⁶³ Под пограничной рекой Барожбой составители оброчной книги имели в виду нынешнюю Ворожку, разделявшую Мужецкую и Желватскую волости: Ященко А. И. Гидронимический словарь Посемья // Проблемы ономастики. Вологда, 1974. С. 21; Бабин И. П., Озеров М. М. Указ. соч. С. 10. Доказательством тому служит описание ухажья, находившегося «в Желватскои волости на реке на Псле с мужечены по рубеж», в тексте которого последовательно перечислены топонимы того же района: Суджа, Локня, Хорловский ровень (урочище Харловое у современного села Мартыновка), Смердица, Боржевский ровень (урочище Борзово у деревни Осипова Лука) и, наконец, Барожба. Площадь этого ухажья простиралась «по рубеж с волощаны, по Мужецкую волость» (см.: Путивльская писцовая книга... № 22. Р. 124).

⁶⁴ Путивльская писцовая книга... № 14, 10, 22. Р. 120, 118, 124; Осадчий Е. Н. Летописный город Жолваж // Filo Ariadne. 2020. № 4 (20). С. 15 (рис. 1), 19 (табл. 1).

⁶⁵ Ященко А. И. Указ. соч. С. 49.

(Олешенка) появляется в тексте опубликованного фрагмента исключительно в связке с Суджей⁶⁶. Исследователь даже не замечает упоминаний биринского рубежа, который пересекал Псёл ниже впадения Рыбицы и Могрицы⁶⁷ и проходил мимо ровня Сукремна (Сукроменского леса)⁶⁸. В результате такого «анализа» Е. Н. Осадчий поместил предполагаемый центр Желвацкой волости на территорию соседней Биринской, подменив показания источника плодами собственной фантазии (см. цв. вклейку, рис. 1).

Объективным свидетельством местоположения Жолважа стало бы упоминание городища с аналогичным названием, однако оброчная книга 1628–1629 гг. сообщает лишь об одном городище в пределах Желвацкой волости — Девичьем⁶⁹. В августе 1671 г. перебравшиеся с Дона монахи основали здесь Белогорскую пустынь, о местоположении которой говорилось: «*Девичье де городище, где они ныне учали монастырь строить, от Суджи в пяти или в шести верстах, а от Мирополья то ж*»⁷⁰. В 20-х гг. XIX в. место закрытого Белогорского монастыря привлекло внимание суджанского краеведа А. И. Дмитриюкова. Позднее он напишет: «*Малое городище отстоит от первого (Большого Горнальского⁷¹. — Д. Ч.) в полуторе версты и составляло часть урочища Монастырище — это круглое меловое утесистое возвышение более 10 саж. высоты, кверху суживающееся в виде широкого отрезанного конуса и имеющее площадь около ста квадратных сажень, на которой до сокращения монастырских штатов, по словам старожил, находилась деревянная церковь и при ней фруктовый сад, соединяется оно с остальной площадью поля узким перешейком. При разрытии мною того места, где старожилы села Горнали полагают, что был алтарь первоначальной церкви, никаких вещей, ни деревянных, ни металлических, не найдено, хотя я углублялся в землю до трех аршин*»⁷².

В 1890 г. С. Н. Бельченко первым из исследователей соотнес Девичье городище с комплексом памятников в селе Горналь⁷³. Оставшийся анонимным автор опубликованных в 1894 г. «Исторических записок о городе Судже и его уезде» уже прямо ассоциировал его с Малым Горнальским городищем⁷⁴. Данное отождествление подкрепляется межевой записью 1672 г., согласно которой граница Миропольского и Суджанского уездов была проведена «*выше города Мирополя, ниже села Уйни Судженского уезду, меж Девилья⁷⁵ и Большого городища*»⁷⁶.

В трудах ряда современных исследователей фигурирует некое городище Девич-Гора, разрушенное при строительных работах⁷⁷. Под ним подразумевается монастырская территория, где

⁶⁶ Путивльская писцовая книга... № 17–19, 21–22. Р. 121–124; Яценко А. И. Указ. соч. С. 67.

⁶⁷ Обращение к методу ретроспекции позволяет думать, что биринско-желвацкая граница проходила вдоль реки Порозок (Пороз) между современными селами Битица и Могрица Сумской области: Чурсин Д. И. К вопросу о локализации... С. 22.

⁶⁸ Путивльская писцовая книга... № 3, 5–6, 10. Р. 113, 115–116, 118.

⁶⁹ Там же. № 13. Р. 119.

⁷⁰ История российской иерархии, собранная Новгородской семинарии ректором, богословии учителем и Юрьева Новгородского, ныне же ставропигиального Московского Новоспасского монастыря архимандритом, и учрежденной в Москве духовной цензуры председательствующим Амвросием. М., 1813. Ч. V. С. 76.

⁷¹ Известное со 2-й пол. XVII в. Большое Горнальское (оно же Большое Белогорское или просто Белогорское) городище датируется ранним железным веком и ранним Средневековьем: Самоквасов Д. Я. Основания хронологической классификации... С. 85; Исторические заметки о городе Судже и его уезде // Памятная книжка Курской губернии на 1894 год. Курск, 1894. 5-я паг. С. 2; Кашкин А. В. Горналь. Племенной центр или город? // Міста Давньої Русі. Київ, 2014. С. 251–253. В толще культурных напластований городища встречены отдельные обломки древнерусской круговой посуды XI–XII вв.; Куза А. В. Большое городище у с. Горналь // Древнерусские города. М., 1981. С. 10. По мнению Ю. Ю. Моргунова, в это время городище играло роль убежища: Моргунов Ю. Ю. Указ. соч. С. 143–144.

⁷² Дмитриюков А. [И.] Городища и курганы в Суджанском и Рыльском уездах // Труды Курского губернского статистического комитета. Вып. 1. Курск, 1863. С. 506.

⁷³ [Бельченко С. Н.] Археологические древности в Курской губернии // Календарь и памятная книжка Курской губернии на 1891 год. Курск, 1890. С. 92.

⁷⁴ Исторические заметки о городе Судже и его уезде. С. 2.

⁷⁵ Ошибка в печатной версии цитируемого текста. Речь идет именно о Девичьем городище: [Гумилевский Д. Г.] Историко-статистическое описание Харьковской епархии. Стб. 391, прим. 3.

⁷⁶ Окружная межа Миропольского уезда / [публ.] А. [И.] Дмитриюков // Исторические и этнографические замечания о Суджанском уезде (Курс. губ.). [Курск], 1853. 4-я паг. С. 10.

⁷⁷ Кашкин А. В., Узьянов А. А. Об одном «несостоявшемся городе» на Верхнем Псле // Проблеми ранньослов'янської і давньоруської археології Посейм'я. Білопілля, 1994. С. 16; Стародубцев Г. Ю. Исследования археологических памятников

в 1888 г. «при прорытии рвов для фундамента вновь воздвигаемой большой каменной церкви» обнаружилось «несколько костей и черепов человеческих, давних по времени, несколько битых глиняных сосудов, костяная стрела; причем под рвами оказались углубления вроде погреба». Автор «Исторических записок о Судже» считал монастырский двор составной частью Девичьего городища⁷⁸. На городище как место возведения Белогорского монастыря указывают и письменные источники. Топография комплекса позволяет предположить размещение здесь укрепленного посада («окольного города»). Удивительно, что внутреннее пространство монастыря никогда не обследовалось специалистами. Историко-культурная экспертиза не была проведена даже перед закладкой нового храма в 2018 г. Вероятно, культурный слой в этом месте считается полностью уничтоженным. Подобный вывод, не будучи подтвержден изысканиями, не может считаться корректным. Возможность обнаружения археологических остатков на монастырской территории все еще существует.

Аргументы в пользу нашей локализации Жолважа таковы. Белогорский монастырь расположен в центре бывшей Желвацкой волости и окружен со всех сторон средневековыми поселениями. Отложения культурного слоя на площадке Малого Горнальского городища относятся к раннему железному веку, раннему Средневековью, а также к XVII–XVIII (по другим данным, XVIII–XX) вв.⁷⁹ И. И. Ляпушкин и А. П. Моця выявили здесь материалы XI–XII вв.⁸⁰ Синхронные культурные остатки встречены и у монастырской стены⁸¹. С северо-западной стороны монастыря также были найдены обломки древнерусской керамики (к сожалению, не датированные)⁸². Прилегающее к городищу поселение («окольный город»?) могло оставаться обитаемым после монгольского нашествия. Данное предположение основывается на находке монеты (данга монетного двора Орду ал-Джадид), чеканенной в промежутке с 1399 по 1408 г.⁸³ Местом ее обнаружения считается само Малое городище. В действительности же данг был найден на дороге, соединяющей остатки крепости с монастырем⁸⁴. На этом участке выявлены напластования, уверенно датируемые XII–XIII вв.⁸⁵ Другие поселения с находками ордынского периода (а именно к этому времени относится летописное упоминание Жолважа) в рассматриваемом районе пока не обнаружены⁸⁶.

Горнальский археологический комплекс нуждается в дополнительном археологическом обследовании, в ходе которого особое внимание должно быть уделено двору Белогорского монастыря. До публикации результатов этих работ привязка летописного Жолважа к современному селу Горналь остается сугубо гипотетической.

***

Формальный подход к изучению древних топонимов, вырастающий из плохого понимания письменных источников, приводит к ложным локализациям, на базе которых возводятся ненадежные исторические реконструкции. К сожалению, примером именно такого подхода служат работы Е. Н. Осадчего по истории древнерусских городов Жолважа и Бирина. Анализ письмен-

---

около села Горналь Суджанского уезда в конце 20-х и первой половине 70-х гг. XIX в. // Суджа и суджане в отечественной и зарубежной истории и культуре. Курск, 2015. С. 51; Моргунов Ю. Ю. Указ. соч. С. 84.

⁷⁸ Исторические заметки о городе Судже и его уезде. С. 2.

⁷⁹ Ляпушкин И. И. Днепроовское лесостепное Левобережье в эпоху железа: археологические разыскания о времени заселения Левобережья славянами. М. — Л., 1961. № 239. С. 252; Археологическая карта России... № 945. С. 131–132; Кашкин А. В. Указ. соч. С. 253–254. В Новое время восточную часть площадки Малого Горнальского городища занимало кладбище. Около 1784 г. здесь возвели деревянную часовню, куда поместили старый иконостас: [Андриевский И. Ф.] Историческое описание Николаевской Белогорской пустыни // Курские епархиальные ведомости. 1897. № 43. Часть неофициальная. С. 867. Вероятно, информаторы А. И. Дмитрюкова называли «первоначальной церковью» именно эту часовню.

⁸⁰ Моця А. П. Об одной группе протогородов Днепроовского Левобережья // Русский сборник (Труды кафедры отечественной истории древности и Средневековья Брянского государственного университета им. акад. И. Г. Петровского). Вып. 2–3. Брянск, 2006. С. 119; Моргунов Ю. Ю. Указ. соч. С. 143.

⁸¹ Ляпушкин И. И. Указ. соч. № 239. С. 252.

⁸² Археологическая карта России... № 957. С. 134; Кашкин А. В. Указ. соч. С. 255.

⁸³ Монеты Курского края. Нумизматическое собрание Курского государственного областного музея археологии: каталог. Курск, 2016. С. 155 (КМА 145/17/2).

⁸⁴ Благодарим главного хранителя фондов Курского археологического музея А. В. Зорина за предоставленную информацию.

⁸⁵ Археологическая карта России... С. 133; Кашкин А. В. Указ. соч. С. 255.

⁸⁶ Чурсин Д. И. К вопросу о локализации... С. 27–28.

ных источников, по мнению их автора, был продуктивным методом лишь на рубеже XIX–XX вв., современный же историк должен опираться по большей части на археологические данные⁸⁷. Построения самого Осадчего, однако, во многом основаны на гипотезах исследователей XIX в., принимаемых без должной критики.

Стоит, однако, отметить, что в ряде случаев Е. Н. Осадчий позволил себе разобраться в дошедших до нас текстах, результатом чего стали убедительные локализации городов Утешков и Хотень, а также весьма остроумная гипотеза о местоположении Звенигорода-Северского⁸⁸.

References

Abakumova V. I. [Archaeological Artifacts from Glukhov (According to the Publications of “Cathedral Maidan”)]. *Arkheolohiya Pivnichno-Skhidnoyi Ukrayiny: zdobutky, suchasnyy stan ta perspektyvy: materialy III Vseukrayins’koyi naukovo-praktychnoyi konf. z mizhnarod. uchastyu (Sumy, 27 travnya 2022 r.)* [Archaeology of North-Eastern Ukraine: Achievements, Current state and Prospects: Materials of the 3rd All-Ukrainian Sci. and Pract. Conf. with International Participation (Sumy, May 27, 2022)]. Sumy: SumDPU imeni A. S. Makarenka Publ., 2022, pp. 7–9. (In Ukrainian).

Arheologicheskaya karta Rossii: Kurskaya oblast’ [Archaeological Map of Russia: Kursk Region]. Moscow: IA RAN Publ., 2000, part 2. (In Russian).

Astakhina L. Yu. *Problemy filologicheskoy dostovernosti istochnikov po russkoy istoricheskoy leksikologii: dokt. diss.* [Problems of Philological Reliability of Sources in Russian Historical Lexicology: Diss. Doc.]. Moscow: MPGU, 2016. (In Russian).

Babin I. P., Ozerov M. M. [One Step Closer to Unraveling the Mystery of the Gochevsky Settlement (What Archival Finds Told About)]. *Sobytiya i lyudi v dokumentah kurskih arhivov* [Events and People in the Documents of the Kursk Archives]. Kursk: Tsentrl reklamy “Lotsman” Publ., 2021, iss. 20, p. 6–14. (In Russian).

Bespalov R. A. *Istoriya Novosil’sko-Odoevskoy zemli do nachala XVI veka v kontekste mezhdunarodnyh otnosheniy v Vostochnoy Evrope* [The History of the Novosilsko-Odoevskaya Land until the Early 16th Century in the Context of International Relations in Eastern Europe]. Moscow; Saint Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2021. (In Russian).

Cherepanova E. A. *Mikrotoponimiya Chernigovsko-Sumskogo Poles’ya* [Microtoponymy of the Chernigov-Sumy Polesye Region]. Sumy: s. n., 1984. (In Russian).

Cherepanova E. A. *Narodnaya geograficheskaya terminologiya Chernigovsko-Sumskogo Poles’ya* [Folk Geographical Terminology of the Chernihiv-Sumy Polesye Region]. Sumy: Sumskiy pedinstitut Publ., 1984. (In Russian).

Chursin D. I. [Lipenskoe Hillfort on the Psel River and the Problem of Localization of the Lipovichsk City (Notes on the Historical Geography of the Putyvl and Rylsk Region)]. *Istoriya. Obshchestvo. Politika* [History. Society. Policy], 2021, no. 3 (19), pp. 137–155. (In Russian).

Chursin D. I. [To the Issue of Localization of Old-Russian Towns Zholvazh and Birin]. *Filo Ariadne*, 2021, no. 2 (22), pp. 8–39. (In Russian).

Ivanenko O. V. *Nazvy poselen’ Sumshchyny. Istoryko-etymologichnyy slovnyk* [Settlement Names of the Sumy Region. Historical and Etymological dictionary]. Kyiv: KMM Publ., 2016. (In Ukrainian).

Kapustin K. [M.] [Sites of Old Rus’ on the Dnieper Left Bank (Based on the 1947 Survey Materials by I. I. Lyapushkin)]. *Siveryans’kyy litopys* [Severyan Chronicle], 2015, no. 2 (122), pp. 3–11. (In Ukrainian).

Kashkin A. V. [Gornal. A Tribal Center or a City?]. *Mista Davn’oyi Rusi: zbirka naukovykh prats’ pam’yati A. V. Kuzy* [Cities of Ancient Russia: A Collection of Scientific Works in Memory of A. V. Kuza]. Kyiv: Starodavniy svit Publ., 2014, pp. 251–258. (In Russian).

Kashkin A. V., Uzyanov A. A. [About One “Failed City” on the Upper Psla]. *Problemy rann’oslov’yans’koyi i davn’orus’koyi arkheolohiyi Poseym’ya: materialy nauk. konf., prysvyach. 900-richchyu Vyra — Bilopillya* [Problems of Early Slavic and Old Rus’ Archaeology of the Seim Region: Materials of the Sci. Conf. Dedicated to the 900th Anniversary of Vir — Belopolye]. Bilopilla: IA NANU Publ., 1994, pp. 16–18. (In Russian).

⁸⁷ Осадчий Е. М. Літописні населені пункти Сумщини... С. 163–164.

⁸⁸ Осадчий Е. М. Літописні міста Сумщини. С. 230–241; Осадчий Е. М., Дегтярьов С. І. Літописне місто Хотень // Сумський історико-архівний журнал. 2022. № XXXVIII. С. 17–26.

Kovalenko V. [P.] [When was Baturyn Founded?]. *Siveriansky litopys* [Severyan Chronicle], 2016, no. 1 (127), pp. 57–65. (In Ukrainian).

Kovalenko Yu. [O.] [In Search of the Old Rus' City of Hlukhiv]. *Chernihiv u seredn'ovichniy ta rann'omoderniy istoriyi Tsentral'no-Skhidnoyi Yevropy* [Chernihiv in the Medieval and Early Modern History of East Central Europe]. Chernihiv: Desnyans'ka Pravda Publ., 2007, pp. 339–355. (In Ukrainian).

Kovalenko Yu. O. [The Volokytyne Hillfort of the 8th–13th Centuries]. *Arkheolohichny litopys Livoberezhnoi Ukrainy* [The Archaeological Chronicle of Left Bank Ukraine], 2001, no. 1 (9), p. 115. (In Ukrainian).

Kuchera M. P., Sukhobokov O. V., Belyaeva S. A. et al. *Drevnerusskie poseleniya Srednego Podneprov'ya (Arheologicheskaya karta)* [Old Rus' settlements of the Middle Dnieper Region (Archaeological Map)]. Kiev: Naukova Dumka Publ., 1984. (In Russian).

Kuchkin V. A. [Chronicled Tales about Basqaq Akhmat's Slobodas]. *Srednevekovaya Rus'* [Medieval Rus']. Moscow: Rossiyskoye universitetskoye izd-vo Publ., 1996, iss. 1, pp. 5–57. (In Russian).

Kulakovskiy P. [M.] *Chernihovo-Sivershchyna u skladi Rechi Pospolytoyi (1618–1648)* [Chernihiv-Sivershchyna as Part of the Polish-Lithuanian Commonwealth (1618–1648)]. Kyiv: Tempora Publ., 2006. (In Ukrainian).

Kuza A. V. [The Bolshoe Hillfort near the Village of Gornal]. *Drevnerusskie goroda* [Old Russian Cities]. Moscow: Nauka Publ., 1981, pp. 6–39. (In Russian).

Lensky O. V. *Istoriya Sums'koyi prykordonnoyi sluzhby* [History of the Sumy Border Service]. Sumy: Vlasne vydavnytstvo Lens'koho Publ., 2018. (In Ukrainian).

Lyapushkin I. I. *Dneprovskoye lesostepnoye Levoberezh'ye v epokhu zheleza: arheologicheskiye razyskaniya o vremeni zaseleniya Levoberezh'ya slavyanami* [The Dnieper Left Bank Forest-Steppe Region in the Iron Age: Archaeological Research on the Time of the Slavs settlement of the Left Bank]. Moscow; Leningrad: AN SSSR Publ., 1961. (In Russian).

Monety Kurskogo kraya. Numizmaticheskoe sobranie Kurskogo gosudarstvennogo oblastnogo muzeya arheologii: katalog [Coins of the Kursk region. Numismatic Collection of the Kursk State Regional Museum of Archaeology: A Catalogue]. Kursk: POLSTAR Publ., 2016. (In Russian).

Morgunov Yu. Yu. *Istoricheskaya geografiya Pereyaslavskoy zemli (Svyatoslav Igorevich — Yaropolk Vladimirovich)* [Historical Geography of the Pereyaslavl Land (Svyatoslav Igorevich — Yaropolk Vladimirovich)]. Vologda: Drevnosti Severa Publ., 2019. (In Russian).

Morgunov Yu. Yu., Pryimak V. V., Osadchiy E. M., Korotya O. V. *Horodysycha romens'ko-davn'orus'koho chasu na terytoriyi Sums'koyi oblasti* [Hillforts of the Romny Culture and Old Rus' Time on the Territory of the Sumy Region]. Kharkiv: Ekspres-Knyha Publ., 2022. (In Ukrainian).

Motsya A. P. [About One Group of Proto-Cities of the Dnieper Left Bank]. *Russkiy sbornik (Trudy kafedry otechestvennoy istorii drevnosti i Srednevekov'ya Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta im. akad. I. G. Petrovskogo)* [Russian Collection (Proceedings of the Department of National History of Antiquity and the Middle Ages, Ivan Petrovsky Bryansk State University)]. Bryansk: RIO BGU Publ., 2006, iss. 2–3, pp. 118–125. (In Russian).

Osadchij E. M. [Chronicle city of Zholvazh]. *Filo Ariadne*, 2020, no. 4 (20), pp. 12–22. (In Russian).

Osadchij E. M. [Chronicle Cities of Sumy Region]. *Horodysycha romens'ko-davn'orus'koho chasu na terytoriyi Sums'koyi oblasti* [Hillforts of the Romny Culture and Old Rus' Time on the Territory of the Sumy Region]. Kharkiv: Ekspres-Knyha Publ., 2022, pp. 218–241. (In Ukrainian).

Osadchij E. M. [Chronicled Settlements of the Sumy Region: Problems and Prospects of Research]. *Suspil'no-politychni protsesy v Ukrayini ta sviti: istoriya, problemy, perspektyvy: mater. IX Vseukr. nauk.-prakt. konf. (Sumy, 29 kvitnya 2022 r.)* [Socio-Political Processes in Ukraine and the World: History, Problems, Perspectives: Materials of the 9th All-Ukrainian Sci.-Pract. Conf. (Sumy, 29 April 2022)]. Sumi: Sums'kyy derzhavnyy universytet Publ., 2022, pp. 160–165. (In Ukrainian).

Osadchij E. M. [Research of the Archaeological Complex of the 10th–13th Centuries near the Village of Volokytyne]. *Sums'ki istoryko-krayeznavchi studiyi: zbirnyk materialiv II Vseukrayins'koyi nauk.-prakt. internet-konf.* [Sumy Historical and Local Studies: A Collection of Materials of the 2nd All-Ukrainian Sci. and Pract. Internet Conf.]. Sumy: FOP Tsyoma S. P. Publ., 2021, pp. 91–94. (In Ukrainian).

Osadchij E. M. [Routes of Communication of the Putivl District at the End of the 16th–17th Centuries]. *Pratsi Tsentru pam'yatkoznavstva* [Proceedings of the Center for Historical Studies]. Kyiv: TsP NAN Ukrainy i UTOPIK Publ., 2015, iss. 27, pp. 226–235. (In Ukrainian).

Osadchiy E. M., Degtyarev S. I. [Chronicled City of Hoten]. *Sums'kyi istoryko-arkhivnyy zhurnal* [Sumy Historical and Archival Journal], 2022, no. 38, pp. 17–26. (In Ukrainian).

Osadchiy E. M., Korotya O. V. [Catalog of Hillforts of the Romny Culture and Old Rus' Period of the Sumy Region]. *Horodyshcha romens'ko-davn'orus'koho chasu na terytoriyi Sums'koyi oblasti* [Hillforts of the Romny Culture and Old Rus' Time on the Territory of the Sumy Region]. Kharkiv: Ekspres-Knyha Publ., 2022, pp. 42–217. (In Ukrainian).

Osadchiy E. N. [Hillforts near the Village of Spasskoe in the Putyvl Seym Region]. *Putyvlskyi kraieznavchyi zbirnyk* [Putyvl Local Lore Collection]. Sumy: Universytetska Knyha, 2020, iss. 9, pp. 187–194. (In Russian).

Popov P. [M.] [Dialectological Observations on the North-Eastern Border of Ukraine (Putyvelshchyna)]. *Zapysky istorychno-filolohichnoho viddilu UAN* [Notes of the Historical and Philological Department of the Ukrainian Academy of Sciences]. Kyiv: s. n., 1926, book 7–8, pp. 410–421. (In Ukrainian).

Pryimak V. V. [Hillfort near the Village of Yemadykine in the Seim Region]. *Arkheolohichnyy litypys Livoberezhnoyi Ukrayiny* [The Archaeological Chronicle of Left Bank Ukraine], 2002, no. 1 (11), pp. 89–90. (In Ukrainian).

[Pryimak V. V.] [Sites of the Golden Horde era the Seym and Vorskla Watershed]. *Starozhytnosti zolotoordyns'koho chasu Dniprov's'koho lisostepovoho Livoberezhzhya* [Antiquities of the Golden Horde Period of the Dnieper Left-Bank Forest-Steppe region]. Kyiv; Poltava: Arkheolohiya Publ., 2004, pp. 46–74. (In Ukrainian).

Pryimak V. V., Osadchiy E. M. [The Golden Horde Burial in the Center of Sumy (On the Occasion of the 350th Anniversary of the City)]. *Arkheolohichni doslidzhennya v Ukrayini* [Archaeological Research in Ukraine]. Kyiv; Zaporizhzhia: IA NAN Ukrayiny, Dyke Pole Publ., 2006, iss. 8: 2004–2005, pp. 307–310. (In Ukrainian).

Rusyna O. V. [Volosts of the Putyvl District of the 15th — early 17th Centuries]. *Zapysky Naukovoho tovarystva imeni T. Shevchenka. Pratsi Komisiji spetsial'nykh (dopomizhnykh) istorychnykh dystsyplin* [Records of the T. Shevchenko Scientific Society. Proceedings of the Commission of Special (Auxiliary) Historical Disciplines]. Lviv: Vydavnytstvo Naukovoho tovarystva imeni T. Shevchenka Publ., 1996, vol. 231, pp. 368–379. (In Ukrainian).

Skirda V. V., Pryimak V. V. [Monumental Aspects of the History of Research of the Archaeological Complex near the Village of Nitsaha]. *Arkheolohichni doslidzhennya Bil's'koho horodyshcha — 2018* [Archaeological research of the Bilsk hillfort — 2018]. Kyiv; Kotelva: TsP NAN Ukrainy i UTOPIK Publ., 2019, pp. 220–229. (In Ukrainian).

Slyusarsky A. G. *Social'no-ekonomicheskoe razvitie Slobozhanshchiny XVII–XVIII vv.* [Socio-economic Development of Slobozhanshchina in the 17th–18th Centuries]. Kharkov: Khar'kovskoye knizhnoye izd-vo Publ., 1964. (In Russian).

Starodubtsev G. Yu. [Research of Archaeological Sites near the Village Of Gornal, Sudzhansky Uyezd in the Late 20s and the First Half of the 70s of the 19th Century]. *Sudzha i sudzhane v otechestvennoy i zarubezhnoy istorii i kul'ture* [Sudzha and Its Inhabitants in Domestic and Foreign History and Culture]. Kursk: KGU Publ., 2015, pp. 50–55. (In Russian).

Vecherskyi V. V. *Spadshchyna mistobuduvannya Ukrayiny: Teoriya i praktyka istoryko-mistobudivnykh pam'yatkookhoronnykh doslidzhen' naselenykh mist'* [The Heritage of Urban Planning of Ukraine: Theory and Practice of Historical and Urban Planning Preservation Studies of Populated Places]. Kyiv: NDITIAM Publ., 2003. (In Ukrainian).

Voitovych L. V. *Knyazha doba: portrety elity* [Princely Era in Rus': The Portraits of Ruling Elites]. Bila Tserkva: Vydavets' Oleksandr Pshonkivs'kyi Publ., 2006. (In Ukrainian).

Vorotinskaya L. S., Drobushesky A. I. [Field Research in the West of the Kursk Region]. *Arheologicheskie issledovaniya v Central'nom Chernozem'e. 2018* [Archaeological Research in the Central Chernozem Region. 2018]. Lipetsk; Voronezh: Novyy vzglyad Publ., 2019, pp. 103–105. (In Russian).

Yashchenko A. I. [Hydronymical Dictionary of Posem'ye]. *Problemy onomastiki* [Problems of Onomastics]. Vologda: s. n., 1974, pp. 3–118. (In Russian).

Zaitsev A. K. *Chernigovskoe knyazhestvo X–XIII vv.: izbrannye trudy* [Chernigov Principality of the 10th–13th Centuries: Selected Works]. Moscow: Kvadriga Publ., 2009. (In Russian).

Zvid pamiatok istorii ta kultury Ukrainy. Sumska oblast [Code of Historical and Cultural Monuments of Ukraine. Sumy Region]. Kyiv: s. n., 2017. (In Ukrainian).

УДК 94(470.313)“13/14”

DOI: 10.58529/2782-6511-2023-2-2-20-45

Лаврентьев Александр Владимирович

к. и. н., ведущий научный сотрудник Лаборатории лингво-семиотических исследований, Школа филологических наук, факультет гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Россия, Москва)

ORCID: 0000-0003-1476-0759

E-mail: laurentius@list.ru

**Рязанские владения в верховьях Дона,
«въ верхъ Дону Дубокъ» и Донской путь XIV–XV вв.***

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена недостаточно изученному вопросу о значении и месте речного пути по реке Дон в политической и экономической истории Руси XIV–XVI вв. После монгольского нашествия 1237–1240 гг. пришел в упадок традиционный речной путь, связывавший земли Руси с Причерноморьем и Византией по реке Днепр, и его сменил Донской путь. В устье Дона функционировала венецианская Тана, один из крупнейших центров международной торговли Восточной Европы. Судходство по Дону начиналось на южных, пограничных со степью землях Великого княжества Рязанского. Письменные источники сохранили описание двух маршрутов через земли Рязани на Дон, одного почти полностью речного, через верховья правых притоков реки Оки к верховьям левого притока Дона, реки Воронеж. Он описан в документах внешних сношений России с Турцией начала XVI века. Второй предполагал преодоление 140-километрового расстояния от Оки до верховьев Дона посуху, и им в 1389 г. воспользовался митрополит Пимен для поездки в Царьград. Многочисленную церковную делегацию и вооруженный отряд сопровождали поставленные на колеса тяжелые суда, спущенные в Дон в районе впадения в него реки Мокрая Табола. В устье последней располагаются два крупных комплекса поселений XIII–XIV вв., принадлежавших Рязанскому княжеству. Судя по всему, это принадлежавший Рязани город «в верх Дону Дубок», перевалочный пункт торговли по Дону, известный по письменным источникам.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Великое княжество Рязанское, Дон, Донской путь, Дубок, Тана, Азов, торговые пути, дипломатические миссии, средства передвижения, речные суда

---

* Работа выполнена в рамках проекта № 23-28-01491, поддержанного Российским научным фондом.

UDC 94(470.313)“13/14”

DOI: 10.58529/2782-6511-2023-2-2-20-45

Alexander V. Lavrentiev

Candidate of Historical Sciences, National Research University – Higher School of Economics (Russia, Moscow)

ORCID: 0000-0003-1476-0759

E-mail: laurentius@list.ru

**Ryazan Possessions in the Upper Reaches of the Don River,
«to the Top of the Don Dubok» and the Don Way of the 14th–15th Centuries**

ABSTRACT. The article is devoted to the insufficiently studied issue of the significance and place of the river route along the Don River in the political and economic history of Rus' in the 14th–16th centuries. After the 1237–1240 Mongol invasion the traditional river route that connected the lands of Rus' with the Black Sea region and Byzantium along the Dnieper River fell into decay and was replaced by the Don route. At the mouth of the Don, the Venetian Tana, one of the largest centers of international trade in Eastern Europe, functioned. Navigation along the Don began in the southern lands bordering the steppe of the Grand Duchy of Ryazan. Written sources have preserved the description of two routes through the lands of Ryazan to the Don, one of them is almost entirely riverine, through the upper reaches of the right tributaries of the Oka River to the upper reaches of the left tributary of the Don, the Voronezh River. It is described in the documents of Russia's foreign relations with Turkey at the beginning of the 16th century. The second route involved overcoming the 140-kilometer distance from the Oka to the upper reaches of the Don by land, and Metropolitan Pimen used it to travel to Constantinople in 1389. A numerous church delegation and an armed detachment were accompanied by heavy ships put on wheels, lowered into the Don at the confluence of the Mokraya Tabola River. At the mouth of the latter there are two large complexes of settlements of the 13th–14th centuries, which belonged to the Ryazan principality. Apparently, this is the city «to the top of the Don Dubok» belonging to Ryazan, a transshipment point for trade along the Don, known from written sources.

KEYWORDS: Grand Duchy of Ryazan, Don, Don way, Dubok, Tana, Azov, trade routes, diplomatic missions, vehicles, river boats

Границы Рязанской земли на севере и на юге исторически соотносились с двумя крупными водными артериями Восточной Европы: северная «тянула» к Оке, южная достигала верхнего течения Дона¹. Как в пору политической самостоятельности, «Рязанское княжество» находилось «межи Окою и Доном, рѣками великими и славными»², так и после присоединения в 1521 г. к владениям московских князей «Рязанская область» по-прежнему «расположена между Окой и рекой Танаисом»³ (см. цв. вклейку, рис. 2).

Южная периферия Рязани, земли в верховьях Дона входили в состав княжества с домонгольского времени и продолжали оставаться рязанскими позже⁴. Не позднее 1462 г. донские верховья в составе западной половины княжества перешли Москве, что было оформлено в договорной грамоте 1483 г. великого князя Ивана III с великим князем рязанским Иваном Васильевичем⁵.

Несмотря на то, что, повторимся, Рязанское княжество имело выход к двум крупным рекам, рязанские города, во всяком случае те, локализация которых не вызывает сомнений, располагались по Оке и ее правым притокам и только один находился на Дону⁶. Его название, Дубок, присутствует в одном из наиболее востребованных в историко-географических исследованиях русского средневековья памятников письменности, «А се имена вѣм градом руским, далним и ближним»⁷, обычно в историографии именуемым «Списком русских городов дальних и ближних»⁸ (далее — «Список»). В соответствии с заглавием текст содержит «имена» более чем трехсот пятидесяти «градов русских»⁹ и «въ верхъ Дону Дубокъ» включен в блок «А се Рязаньский», состоящий из названий тридцати городских поселений Великого княжества Рязанского¹⁰.

«Верх Дона» «Списка» — не аналог современного термина «Верхний Дон», под которым понимается почти 400-километровый отрезок течения реки от верховьев до впадения р. Воронеж¹¹, а некий участок реки непосредственно у истоков¹², где и надо искать рязанский «град».

Почему при названии города стоит еще и гидронимическая привязка, «въ верхъ Дону», объясняется наличием на землях Великого княжества Рязанского еще одного географического объекта с тем же названием, но расположенного на северной границе княжества, р. Оке. В докончаниях московских и рязанских великих князей 1381, 1402 и 1434 гг. присутствует обязательство московской стороны признавать рязанскими несколько «мест» по правобережью Оки, включая «Дубокъ»¹³. Окский Дубок, не город, а, возможно, волость¹⁴, как видим, фланкирует владения рязанских князей на севере, так же, как верхнедонской Дубок на юге.

Кроме «Списка» название рязанского «града» в верховьях Дона фигурирует дважды в статьях, под 6654 и 6887 гг. Никоновской летописи, свода 20–30-х гг. XVI в., но оба упоминания вызывают у исследователей серьезные сомнения в их достоверности.

¹ Иловайский Д. И. История Рязанского княжества. М., 1884. С. 164–176.

² ПСРЛ. М., 1975. Т. 32. С. 38.

³ Герберштейн Сигизмунд. Записки о Московии. В двух томах / Под ред. А. Л. Хорошкевич. М., 2008. Т. 1. С. 303.

⁴ Иловайский Д. И. Указ. соч. С. 176; Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства: Историко-географическое исследование. М., 1951. С. 202–203; Хорошкевич А. Л. О месте Куликовской битвы // История СССР. 1980. № 4. С. 97–98.

⁵ Лаврентьев А. В. После Куликовской битвы. Очерки истории Окско-Донского региона в последней четверти XIV — первой четверти XVI в. М., 2011. С. 134–141.

⁶ Тихомиров М. Н. Список русских городов дальних и ближних // Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979. С. 119. Карта № 5.

⁷ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. и с предисловием А. Н. Насонова. М., Л., 1950. С. 475–477. Входит в число статей, предваряющих текст летописи в Комиссионном списке (сер. XV в.).

⁸ Тихомиров М. Н. Указ. соч. С. 83–136. В дальнейшем цитируется по этому изданию.

⁹ В силу того, что названия некоторых из них явным образом записаны дважды, число городов колеблется от 355 до 362 (Кучкин В. А. Датировка списка «А се имена вѣм градомъ руским далним и ближним» // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2015. № 3 (61). С. 71).

¹⁰ Тихомиров М. Н. Указ. соч. С. 95.

¹¹ Долина Дона: природа и ландшафты / Под ред. Ф. Н. Милькова. Воронеж, 1982. С. 3.

¹² «Верхъ» — верховье, исток (Словарь русского языка. XI–XVII вв. М., 1975. Вып. 2. С. 101).

¹³ ДДГ. С. 29, 53, 84.

¹⁴ Об окском Дубке в связи с историей московско-рязанского пограничья см.: Темушев В. Н. Борьба за Лопастну между Москвой и Рязанью // Верхнее Подонье: Природа. Археология. История: в 2 т. Тула, 2004. Т. 2. История. Этнография. Искусствоведение. С. 48–49, 53.

В первом случае речь идет о событиях весны — лета 1146 — весны 1147 гг., княжеской усобице, в ходе которой князь Святослав Ольгович бежал из родового Чернигова на северо-восток. Подобный текст есть и в ранних летописных сводах, но только Никоновская летопись сообщает детальный маршрут бегства: князь «иде въ Рязань, и бывъ во Мченскѣ, и въ Туль, и въ Дубкѣ на Дону (здесь и далее курсив мой. — А. Л.), и въ Елць и въ Пронскѣ и приде въ Резань... и пребывъ во градъ Осетре»¹⁵.

Вставное происхождение названий всех, кроме Рязани, перечисленных Никоновской летописью городов, включая «Дубокъ на Дону», — очевидная интерполяция времени составления свода, причем, словами В. А. Кучкина, «довольно неуклюжая»¹⁶. Так что указание Никоновской летописи на существование рязанского Дубка в домонгольское время недостоверно.

Во втором случае, повествуя о погроме ордынцами осенью 1378 г. Рязани, Никоновская летопись, единственная среди прочих русских летописных сводов, сообщает, что, кроме столицы княжества, Переяславля Рязанского, «оттарове» также «взяша градъ Дубокъ и сожгоша»¹⁷.

Речь, судя по определению «градъ», явным образом идет не об окском, а о верхнедонском Дубке, однако факт его «взятия» вызывает большие сомнения. На самом деле в летописной статье названы «сожженными» всего лишь два из трех десятков рязанских «градов» «Списка», причем находившиеся на противоположных концах княжества и разделенные едва ли не полутора сотнями километров¹⁸.

Как справедливо в свое время заметил А. Н. Насонов, «приведенные (относительно Дубка. — А. Л.) известия Никоновской летописи не являются тем доброкачественным материалом, опираясь на который можно было бы делать прочные выводы»¹⁹. Так что единственным не вызывающим сомнений упоминанием рязанского «града» в верховьях Дона остается «Список».

При этом сам по себе «Список» представляет серьезную загадку: исследователи расходятся в объяснениях как его назначения, происхождения и источников, так и места составления²⁰. Единственная позиция, в которой до поры до времени мнения более-менее сходились, датировка текста, два последних десятилетия XIV — начало XV в., недавно была радикально пересмотрена. В. А. Кучкин предложил «омолодить» его почти на полвека, датировав «Список» временем «после 15 декабря 1448 г. и до весны 1449 г.»²¹.

Аргументом в пользу такой поздней даты послужило отсутствие в «Списке» рязанского города Тулы. Пытаясь объяснить ситуацию, В. А. Кучкин сослался на другой памятник аналогичного «Списку» содержания, «Список городов Свидригайло», составленный в канцелярии великого князя литовского Свидригайло Ольгердовича между 1432 и 1433 гг., в котором Тула («Tula castrum»), наоборот, присутствует.

Исследователь аргументировал датировку «Списка» концом 40-х гг. XV в., исходя из интерпретации его «тульского» фрагмента, предложенной С. В. Полеховым, недавно переиздавшим текст документа. До 1389 г. Тула, по мнению последнего, была «владением Дмитрия Донского», а к 1432 г. оказалась в руках литовских князей, принявших католичество²². «То обстоятельство, что Тулы нет в «Списке русских городов дальних и ближних», — заключил В. А. Кучкин, — можно объяснить тем, что в городе «не стояло православного храма»²³.

¹⁵ ПСРЛ. М., 2000. Т. 9. С. 171.

¹⁶ Кучкин В. А. Ранняя история города Зарайска и проблема ее источников // Зарайск: сб. статей. М., 2002. Т. 1. Исторические реалии и легенды. С. 71–72, 86–91, 101. Здесь же (С. 72–75) приведена библиография исследований, отрицающих достоверный характер географических известий этой статьи Никоновской летописи.

¹⁷ ПСРЛ. М., 2000. Т. 11. С. 43.

¹⁸ Сухопутная дорога от столицы княжества, расположенного на Оке Переяславля Рязанского, к верховьям Дона насчитывала 140 верст (Загоскин Н. П. Русские водные пути и судовое дело в допетровской России. Казань, 1910. С. 223–224).

¹⁹ Насонов А. Н. Указ. соч. С. 211. О сомнительности рязанских известий Никоновской летописи см.: там же. С. 210, 214–215.

²⁰ Подробный анализ историографии см.: Дедук А. В. «Список русских городов дальних и ближних»: история изучения // Русский книжник. М., 2014. С. 129–141.

²¹ Кучкин В. А. Датировка списка «А се имена всѣм градомъ руским далним и ближним». С. 72.

²² Полехов С. В. «Список городов Свидригайла». Датировка и публикация // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2014. № 4 (58). С. 116, 119.

²³ Кучкин В. А. Датировка списка «А се имена всѣм градомъ руским далним и ближним». С. 71.

Сюжет с политикой Гедиминовичей по отношению к православной церкви на землях Великого княжества Литовского, как будто бы не допускавшей строительства православного храма в «литовской» Туле, далеко выходит за рамки нашей темы.

Заметим только, что великие князья литовские были более чем лояльны к собственным православным подданным, совершенно не запрещая в своих владениях возведение православных храмов²⁴. Особенно это справедливо по отношению к Свидригайло Ольгердовичу, тверичу по матери, дважды женатому на православных княжнах²⁵ и, несмотря на то, что литовский князь был крещен католиком, постоянно покровительствовавшим православию в Литве²⁶. Кроме того, в ближайших окрестностях Тулы известно городище XIII–XIV вв. с тремя православными кладбищами на посаде²⁷.

Надо также отметить, что, хотя в «Списке городов Свидригайло» в качестве его владения на самом деле фигурирует «Tula castrum», это утверждение действительности не соответствует.

Во-первых, Тула в 1-й половине XV в. принадлежала не Литве, а Рязани, что известно из договорных грамот московских и рязанских князей²⁸. Во-вторых, это был не город, а тем более «крепость» («грады», деревянный и каменный, появятся «на Туле» только в 1-й четверти XVI в.²⁹), а территориально-административная единица наподобие уезда³⁰.

Таким образом, соображения, приведенные в пользу поздней даты «Списка», не представляются весомыми, в связи с чем позволим себе считать временем его составления все-таки 80–90-е гг. XIV — начало XV в. и этим же временем датировать географические реалии текста, включая упоминание Дубка.

Существование «в верхъ Дону» рязанского «града» явным образом было связано с южной торговлей Руси через владения рязанских князей.

Старейшей торговой водной магистралью, связывавшей «Русскую землю» с Причерноморьем и Византией, в домонгольское время был Днепр, и о том, что до «Батыева нашествия» 1237–1240 гг. для достижения Черного моря пользовались также и Доном, как будто бы ничего неизвестно³¹.

Во второй половине XIII в., как следствие разгрома русских земель в ходе Батыева нашествия 1237–1240 гг., Днепровский путь пришел в упадок. В. Е. Сыроечковский полагал, что в послемонгольское время южные торговые связи Руси шли по Волге через Орду и оттуда, сухопутными путями и морем, на Крым и Царьград³². Однако большинство исследователей, не отвергая наличия «волжского» направления, считают, что Днепровский путь уступил первенство другой водной магистрали, Донскому пути³³.

²⁴ Chodynski K. Kościół prawosławny a Rzeczpospolita Polska. Zarys historyczny 1370–1632. Warszawa, 1934. S. 11–49. См. также: Микульский Ю. Н. Литовский князь Витовт как православный ктитор (1392–1430 гг.) // Беларуская Даўніна. Вып. 2. Мінск, 2015. С. 27–42.

²⁵ Полехов С. В. Браки князя Свидригайло Ольгердовича // «По любви, въ правду безо всякие хитрости». Друзья и коллеги к 80-летию Владимира Андреевича Кучкина. Сб. статей. М., 2014. С. 250, 253.

²⁶ Свидригайло отличала «особенная любовь... к русским и к их религии, в коей во все продолжение жизни его не без основания попрекали ему» (Коцебу А. Свидригайло, великий князь Литовский, или Дополнение к историям Литовской, Российской, Польской и Прусской. СПб., 1835. С. 40).

²⁷ Заидов О. Н. Грунтовые могильники Старотулицкого городища // Тула историческая: прошлое и настоящее. Тула, 1997. С. 21–23; См. также: Гриценко В. П., Наумов А. Н. Древняя Тула. Проблемы локализации и истории // Тульский краеведческий альманах. 2003. № 1. С. 6–11.

²⁸ ДДГ. С. 53, 84, 143.

²⁹ Лаврентьев А. В. Два «града на Туле». К 500-летию Тульского кремля. Тула, 2020. С. 8–55.

³⁰ Он же. После Куликовской битвы... С. 182–212.

³¹ А. Л. Монгайт допускал функционирование Донского пути «в раннее время», но полагал, во-первых, что к XII в. он уже не действовал, и, во-вторых, если позже и существовал, то включал в себя только нижнее течение Дона, от устья до т. н. Переволоки, точки наибольшего сближения реки с Волгой на территории современной Волгоградской области (Монгайт А. Л. Рязанская земля. М., 1961. С. 95, 311–312).

³² Сыроечковский В. Е. Гости-сурожане. М.; Л., 1935. С. 18, 22 (Известия ГАИМК. Вып. 127).

³³ Загоскин Н. П. Указ. соч. С. 204, 206, 217; Тихомиров М. Н. Древняя Москва. XII–XV вв. М., 1947. С. 94; Он же. Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969. С. 15, 28–29, 49, 53; Кользин А. М. Торговля древней Москвы: (XII — середина XV в.). М., 2001. С. 78; Воротынцев Л. В. Русские земли в системе торговых коммуникаций татарского мира («Рах Tartarica») // Оазисы Шелкового пути: исторические истоки интеграционных процессов в Евразии. М.; Казань, 2020. С. 126–127.

Маршрут по Дону был кратчайшим в оживленных сношениях Руси с Византийской империей³⁴, для которой русские земли «были крупнейшим поставщиком пушнины, моржовых клыков... воска и меда»³⁵, и имел общерусское значение, связывая с Причерноморьем и Средиземноморьем не только владевшую Верхним Доном Рязань³⁶, но и, как подчеркивал еще Д. И. Иловайский, Москву, и Тверь, и Новгород³⁷.

Конечной точкой донского маршрута было устье реки, где при впадении Дона в Азовское море соседствовали два крупных пункта международной торговли, итальянская Тана³⁸ и золотоордынский Азак³⁹. Тана, с 20-х гг. XIV в. контролировавшая Венецией, «суждено было стать одним из магистральных перекрестков путей с Запада на Восток, с Севера на Юг и обратно, а потому история этого, казалось бы, небольшого поселения играет первостепенную роль в мировой истории»⁴⁰. От нее Азовским морем путь вел в генуэзскую Каффу (Крым) и далее Черным морем в Константинополь. Не случайно византийский хронист-современник в самых восторженных выражениях высказывается о людских и материальных ресурсах Руси⁴¹, строя свои выводы на, надо понимать, изобилии русских товаров на рынке столицы Византии.

В конце XIV в. Азак прекратил свое существование, Тана же продолжала успешно функционировать в качестве центра торговли вплоть до 3-й четверти XV в., когда на ее месте появилась турецкая крепость Азов (подробнее об этом ниже).

Торговля по Дону предполагала, естественно, движение товаров в двух направлениях, о чем мало что известно. Тем не менее именно через земли Рязанского княжества в Москву в XIV в. шел, например, импорт джучидских диргемов⁴², основного источника серебра для Руси, собственной добычей драгоценных металлов не располагавшей. Со времени великого княжения Ивана Даниловича Калиты (1328/1331–1340 гг.) и до конца XIV в. в Москве действовали итальянцы, связанные Донским путем с венецианской Таной и генуэзской Каффой в Крыму торговыми операциями по импорту русских товаров и экспорту западноевропейских⁴³.

На время составления «Списка» с упоминанием верхнедонского Дубка последние десятилетия XIV — начало XV в. приходится также большая часть из почти полутора сотен известных письменных источников дипломатических и паломнических путешествий русских людей в Византию и греков на Русь. Сохранившаяся до наших дней часть архива константинопольского патриархата свидетельствует о том, что верхушка византийского общества, и особенно церковные круги, были прекрасно информированы о событиях на Руси⁴⁴. В этих контактах определенно какую-то роль играл и Донской путь.

Кроме речной существовала и сухопутная дорога, связывавшая Русь с Причерноморьем. Она известна по источникам XVI–XVII вв. под названием Муравского шляха, и «главная полевая

³⁴ Тихомиров М. Н. Древняя Москва. С. 94; Он же. Исторические связи России со славянскими странами... С. 17, 27.

³⁵ Тихомиров М. Н. Исторические связи России со славянскими странами... С. 33.

³⁶ Многочисленные находки византийской керамической тары второй половины XIII в. выявлены при раскопках Старой Рязани (Коваль В. Ю. Восточные связи Рязанской земли по материалам импортной керамики // Великое княжество Рязанское: историко-археологические исследования и материалы. М., 2005. С. 510).

³⁷ Иловайский Д. И. Указ соч. С. 198–199. Ср.: «Танаис або Дон... впадает в... море Черное, отколя купцы Доном з Москвы и Резани... до Кафы, Перекопу, Константинополя... морем приходят» (ПСРЛ. Т. 32. С. 38).

³⁸ Скржинская Е. Ч. История Таны (XIV–XV вв.) // Барбаро и Контарини о России. К истории русско-итальянских связей XV в. Л., 1971. С. 11–20; Карпов С. П. История Таны (Азова) в XIII–XV вв. СПб., 2021. Т. 1. Тана в XIII–XIV вв. С. 49–62; Publici L. Western Immigration in the Fourteen-Century Golden Horde: The Case of Tana // Золотоордынское обозрение. 2021. Т. 9, № 1. С. 90–107.

³⁹ Об экономических связях ордынского Азака с Верхним Доном см.: Федоров-Давыдов Г. А. Клады джучидских монет (основные этапы развития денежного обращения и денежно-весовых норм в Золотой Орде) // Нумизматика и эпиграфика. М., 1960. Т. 1. С. 109.

⁴⁰ Карпов С. П. Указ. соч. С. 5.

⁴¹ «Народ россов является в высшей степени многочисленным... он владеет разнообразным богатством и... не имеет недостатка ни в чем» (Никифор Григора. История ромеев. СПб., 2017. Т. 2. Кн. 24–36. С. 94, 165).

⁴² Волков И. В. Особенности денежного обращения в Рязанско-Московском пограничье в последней четверти XIV — начале XV в. // Археология Подмосковья. 2004. № 1. С. 353–356.

⁴³ Лаврентьев А. В. Матвей и Андрей Фрязины — итальянские предприниматели на Русском Севере (в печати).

⁴⁴ Маджеска Дж. Русско-византийские отношения в 1240–1453 гг.: паломники, дипломаты, купцы // Из истории русской культуры / Сост. А. Ф. Литвина и Ф. Б. Успенский. М., 2002. Т. 2. Кн. 1. Киевская и Московская Русь. С. 361, 364–365, 369.

дорога» из Крыма к Оке⁴⁵ в XIV в. проходила по землям Великого княжества Рязанского (о нем ниже).

Бенефициаром южных торговых операций русских земель с Крымом и Византией была Рязань, одновременно имевшая и выход к Оке, и владевшая верховьями Дона. Неудивительно, что претензии на контроль за путями на юг через ее земли, речные и сухопутные, как только сложилась благоприятная ситуация, предъявила Москва.

В мае 1381 г. великий князь рязанский Олег Иванович вынужден был подписать неравноправный и унижительный договор с великим князем Дмитрием Ивановичем Донским. Кроме потери суверенитета (рязанский князь признавал «старейшинство» московского и обещал действовать исключительно в русле политики Москвы) Рязань лишалась еще и двух владений в Окско-Донском регионе, «места Тула» и «мест Талица, Выползовъ, Такасовъ»⁴⁶.

Первая, «место Тула» на правом притоке Оки, р. Упе, располагалась на конечном участке Муравского шляха, где сухопутная дорога из Крыма «подходила... к верховьям Упы, пересекала Упу... и... по правому берегу подходила к Туле. От Тулы можно было идти в любое место на среднем течении Оки»⁴⁷. Не случайно именно здесь в начале XVI в. был выстроен деревянный предшественник каменного Тульского кремля, «град деревян на Туле»⁴⁸.

Прямых указаний на использование этой сухопутной дороги в Крым ранее конца XV в. нет, но сам интерес Москвы к «месту Тула» косвенным образом свидетельствует о том, что такой путь по землям Рязанского княжества на юг существовал и ранее. И о нем известно из памятника литературы времени великого княжения Дмитрия Ивановича Донского, летописной Повести о Митяе⁴⁹.

В мае 1378 г. претендент на митрополичий стол, Михаил-Митяй, предпринял поездку из Москвы в Крым сухопутной дорогой и далее морем, от генуэзской Каффы в Константинополь. Церковная делегация, форсировав Оку у Коломны, далее проследовала «на Рязань» «и проидоша всю землю Татарскую и прїидоша к морю Кафиньскому», где в Кафе «внидоша в корабль»⁵⁰ для продолжения пути в Царьград. Сухопутный путь церковной делегации в Крым через «Рязань» и «землю татарскую» проходил, скорее всего, по маршруту будущего Муравского шляха.

Вторая заокская потеря Рязани, отошедшая по договору 1381 г. Москве, «места Талица, Выпозовъ, Такасовъ», возможно, была связана непосредственно с Донским речным путем на юг. Располагались «места», скорее всего, в верховьях р. Прони и ее левого притока, р. Рановы⁵¹, и находились на речном маршруте, соединявшем Оку через верховья правых притоков реки с левыми притоками Верхнего Дона (подробней о нем ниже).

Так что побудительные мотивы Дмитрия Донского, присоединившего в 1381 г. к московским владениям две локальные рязанские территории за Окой, скорее всего, диктовались желанием получения пошлин с торговых путей из Руси на юг, сухопутного, через рязанское «место Тула», и речного, через реки Окского бассейна на Дон. Владел московский князь «местами», впрочем, недолго. Не позднее 1386–1387 гг. Дмитрий Донской и Олег Рязанский примирились, и Верхний Дон вернулся в состав рязанских владений⁵².

⁴⁵ Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. М., 1995. С. 57.

⁴⁶ ДДГ. С. 29.

⁴⁷ Платонов С. Ф. Указ. соч. С. 57. Ср.: «А в... Упу пала... Шиворонь... А выше Шиворони... на Упе на Муравском шляху Костомаров брод, а ходят в тот брод татарове, как бывает царев ход мимо Тулу» (Книга Большому чертежу / Подгот. к печати и ред. К. Н. Сербиной. М.; Л., 1950. С. 59, прим. 1).

⁴⁸ Щепкина Е. Н. Тульский уезд в XVII веке. Его вид и население по писцовым и переписным книгам. М., 1892. С. V; Лаврентьев А. В. Два «града на Туле». С. 31.

⁴⁹ Прохоров Г. М. Повесть о Митяе // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1987. Вып. 1. (XI — первая половина XIV в.). С. 252–253.

⁵⁰ ПСРЛ. М., 2000. Т. 15. Стб. 128–129.

⁵¹ Лаврентьев А. В. После Куликовской битвы... С. 21–23. А. В. Дедуком предложена иная локализация «мест» московско-рязанского договора 1381 г. в Мещере. См.: Дедук А. В. Московско-рязанское порубежье XIV — начала XVI в.: Историко-географическое исследование (в печати; выражаю сердечную признательность автору за возможность ознакомиться с книгой в рукописи).

⁵² Лаврентьев А. В. Указ. соч. С. 55–56, 71.

Возвращаясь к речному пути из Руси на юг, отметим, что источникам известны два описания речного маршрута от Оки на Дон, один, предполагавший также преодоление значительного пространства по суше, и второй, почти целиком реками.

Описание первого присутствует в тексте Хождения митрополита Пимена в Царьград в 1389 г., составленном одним из членов церковной делегации, Игнатием Смольнянином, сопровождавшим первоиерарха в поездке из Москвы в столицу Византии⁵³.

Пимен с церковной делегацией добрались судами от Москвы до московской Коломны, далее на судах же проследовали вниз по Оке до рязанского Перевитска, а от него сухопутной дорогой до столицы Рязанского княжества, Переяславля-Рязанского, откуда великий князь Олег Иванович «отпусти боярина своего... с довольною дружиною, повелѣ насъ проводити до рѣки до Дону». Через территорию Рязанского княжества до верховьев Дона за церковной делегацией посуху следовали поставленные «на колесахъ» суда митрополичьей флотилии, «три струги да насадъ».

Достигнув Дона, путники «спустихомъ суды на рѣку... И въ второй день приїдохомъ до Чюрь Михайловыхъ... нѣкогда бо тамо... градъ былъ бяше». У «Чюрь Михайловыхъ» Пимен и провожавшая его рязанская дружина расстались, последние «отъ того мѣста возвратишася въ свояси», церковная же делегация «влѣзше в суды и поплыхомъ рѣкою Дономъ на низъ»⁵⁴.

«Чюрь Михайловыхъ» Хождения Игнатия Смольнянина, заброшенный еще в XIII в. город Чур-Михайлов, при впадении в Дон левого притока р. Кочуровки (Большой Кочур)⁵⁵, в 1389 г. был крайней южной границей владений Рязани на Верхнем Дону, почему собственно дружина Олега Ивановича и провожала митрополита со спутниками именно до него⁵⁶.

Суда, заметим, были спущены в Дон не у «Чюрь Михайловыхъ», а выше по течению реки, и митрополит Пимен со спутниками в сопровождении рязанской дружины следовал посуху за порожней флотилией вниз по левому берегу еще сутки. По подсчетам Н. П. Загоскина, суточный переход церковной делегации составлял 35 верст за световой день⁵⁷, то есть около 40 км. Так что порожние суда были спущены на воду приблизительно в 40 км выше «Чюрь Михайловыхъ», и уже на этом участке Дон был судоходен, но для порожних судов с более высокой посадкой, чем принявшие ниже по реке на борт людей и груз «три струги да насадъ».

140-верстный сухопутный маршрут Пимена через земли Великого княжества Рязанского⁵⁸ был выбран явным образом неслучайно — это был еще и визит главы церкви в одну из епархий. Исполнение архиерейских обязанностей предполагало частые остановки митрополита для служб в рязанских церквях и монастырях, раздачи милостыни, благословения духовных чад, специально выходивших для встречи Пимена по пути следования делегации, и т. п., что хорошо известно из практики патриарших поездок по России XVII в.⁵⁹

Для нашей темы особенно интересно, что поездка посуху от Оки до верховьев Дона через земли Рязани в XIV в. была вполне осуществима — реки связывала сухопутная дорога, по которой колесным транспортом можно было перевозить весьма серьезные грузы, те же суда митрополичьей флотилии (о них ниже).

Для поездок от Оки на Дон существовал и прямой водный маршрут, которым Пимен в 1389 г. вполне мог воспользоваться, однако предпочел ему, по понятным причинам, иной, но он описан только в источниках XVI в.

⁵³ Белоброва О. А. Игнатий (Смольнянин) // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Вып. 2. Вторая половина XIV–XVI в. Ч. 1. А–К. С. 395–397.

⁵⁴ ПСРЛ. Т. 11. С. 95–96.

⁵⁵ Подр. см.: Шватченко О. А. Местонахождение пограничного города-крепости Чур-Михайлова и памятники Куликовского цикла // Куликово поле. Материалы и исследования / Отв. ред. А. К. Зайцев. М., 1990 (Труды ГИМ. Вып. 73). С. 97–100. А. Л. Монгайт безосновательно считал «факт существования такого города... домислом исследователей» (Монгайт А. Л. Рязанская земля. С. 232).

⁵⁶ Лаврентьев А. В. К истории Верхнего Дона в XIV–XVI вв. // Изучение историко-культурного и природного наследия Куликова поля. М.; Тула, 1999. С. 42. (Гос. музей-заповедник «Куликово поле». Научные труды; Вып. 2); Он же. После Куликовской битвы... С. 172.

⁵⁷ Загоскин Н. П. Указ. соч. С. 223–224.

⁵⁸ См. ссылку 19 настоящей публикации.

⁵⁹ Писарев И. Домашний быт русских патриархов. Казань, 1904. С. 247–254.

В 1502 г. в наказе великого князя Ивана III вдовой великой княгине рязанской Агриппине Ивановне о «провождении» через Рязанское княжество на родину приехавших на переговоры в Москву турецких дипломатов он выглядит следующим образом: «А ехать... вверх Пронею, а от... Прони по Рановой, а из Рановой Хуптою вверх до переволоки, до Рясского поля»⁶⁰.

Начинался, как видим, полностью речной маршрут на Дон непосредственно на Оке, в устье ее правого притока, р. Прони, далее следовал вверх по течению до левого притока Прони, Рановы, потом левым притоком Рановы, р. Хуптой, к ее верховьям. В верховьях Хупты существовали «переволоки», соединявшие реки Окского бассейна с левым притоком Дона, р. Воронеж, через его верхние притоки, Становую, Ягодную, Раковую, Гушциную и Колодезную Рясы, образывавшие местность, известную русским источникам как «Рясское поле». «Переволки» через «Рясское поле»⁶¹ собственно и соединяли Оку с Доном⁶². Вообще надо заметить, что, несмотря на значительную удаленность р. Воронеж от Оки, места эти были хорошо известны в Рязани еще в домонгольское время⁶³.

Маршрут от Оки реками Проней и Воронежем в Дон описан, повторимся, один-единственный раз, но сохранились письменные подтверждения его использования не только в посольских, но и в торговых целях.

В 1501 г. «гости», два десятка купцов, москвичи, тверичи и коломничичи со слугами-«складниками» в нескольких судах (у москвичей указан «корабль их») «шли Доном... на низ, а назад шли Доном в судех... и... пограбили их на устье Вороножа татарове азовские»⁶⁴. Место для «грабежа» явным образом было выбрано неслучайно: местность на стыке бассейна Рановы и Рясского поля считалась в это время рязанскими «украинами», в этом же, 1501 г. на одном из верхних притоков Рановы, р. Верде, стояли рязанские «сторожи»⁶⁵.

Речной путь от Оки на Дон, возможно, оставил свой след в московско-рязанских договорах XV в. в виде пункта о взимании транзитной торговой пошлины с товаров, перевозимых судами. В докончаниях московских и рязанских великих князей 1402, 1434, 1447 и 1483 гг. в качестве налога на торговые операции присутствует не только «мыт с воза», но и «пошлина» с товаров, перевозимых судами, «съ лодьи с доски по альтыну, а струга с набои два альтына, а без набои денга. А князеи великих лодьи пошлин нѣтъ»⁶⁶.

Последнее указание свидетельствует о том, что освобождаемые от «мыта» великокняжеские «лодьи» были и московскими, и рязанскими, что, возможно, говорит не только о двустороннем товарообмене между княжествами по Оке и Москве-реке, но и о транзите московских судов через рязанские земли на юг по Дону.

Иные, не считая приведенных выше, документы рубежа XV–XVI вв. не содержат детальных описаний маршрута, указывая в то же время на Дон как связующую артерию Руси с Крымом⁶⁷. Отправной и конечной точкой Донского пути в это время была уже не р. Воронеж, а притоки Дона, расположенные много ниже⁶⁸, а сами путешествующие зачастую выбирали в это время

⁶⁰ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Ногайскою ордами и с Турцией. СПб., 1884. Т. 1. (Сб. РИО. Т. 41. Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными.) С. 86–89.

⁶¹ По наблюдениям Н. П. Загоскина, существовало не менее шести «версий сближения между собою рек донского и окинского бассейнов, в которых мы можем искать пункты старых волоковых передаточных сообщений Москвы с Донским... путем» (Загоскин Н. П. Указ. соч. С. 220).

⁶² Сыроечковский В. Е. Пути и условия сношений Москвы с Крымом на рубеже XVI в. // Известия АН СССР. Отд. общественных наук. 1932. № 3. С. 200, 215, 223; Кудряшов В. Н. Половецкая степь. Очерки истории географии. М., 1948. С. 88; Фехнер М. В. Торговля Русского государства со странами Востока в XVI в. М., 1952. С. 13. (Труды ГИМ; Вып. 21).

⁶³ «В Вороножь» во время конфликта с великим князем Андреем Боголюбским скрылся рязанский князь Ярополк Ростиславич, и туда же в декабре 1237 г. татарские послы вызывали на переговоры рязанского князя (ПСРЛ. М., 1962. Т. 1. Стб. 385, 514).

⁶⁴ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Ногайскою ордами и с Турцией. С. 407–411.

⁶⁵ Там же. С. 365–366.

⁶⁶ ДДГ. С. 55 (здесь вместо «лодьи» стоит ошибочное «людеи»), 86, 145, 283.

⁶⁷ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Ногайскою ордами и с Турцией. С. 106–107, 111, 293, 389.

⁶⁸ Лаврентьев А. В. После Куликовской битвы... С. 158–160.

не речной, а сухопутный путь, двигаясь степными дорогами⁶⁹, которые, надо думать, стали более-менее безопасными, в связи с чем послам и купцам предлагалось уже самим решать, «ити полем или Доном»⁷⁰.

Показательно, что много позднее, в начале XVIII в., маршрут от Оки на Дон через Проню, Рясское поле и р. Воронеж обсуждался как возможная трасса прокладки канала для соединения Центральной России с Воронежскими верфями, основанными царем Петром (в итоге, правда, был выбран иной маршрут, через Иван-озеро в верховьях Дона)⁷¹.

Отметим также, что речной путь от Оки на Дон по Проне через р. Воронеж не был единственно возможным — существовали и иные, как минимум еще один. Он описан в Книге Большому чертежу, географическом комментарии к несохранившейся карте Российского государства XVII в.⁷²

Конечной его точкой на Дону была та же р. Воронеж, начальной же, на Оке, не Проня, а другой правый приток в двух десятках километров ниже по течению, р. Пара⁷³. «Относительно весьма удобного... соединения окинского и донского бассейнов, представляемого сближением рр. Пары и Воронежа, — полагал Н. П. Загоскин, — трудно сказать что-либо определенное»⁷⁴. Никаких письменных свидетельств функционирования этого «дублера» Пронского речного пути на Дон действительно нет, но недаром цитированное выше указание Ивана III рязанской княгине о «провождении» в 1502 г. на родину турецкой миссии предписывало воспользоваться подробно расписанным в документе путем по р. Проне, явно намекая на то, что он не был единственно возможным.

Когда речной путь по Дону окончательно перестал быть актуальным, неизвестно, но о его прежнем существовании помнили еще долго. По рекам, сообщал английский дипломат Джильс Флетчер, посетивший Россию в 1588–1589 гг., «как уверяют русские, можно из... Москвы доехать до... Константинополя... перетаскивая только лодку (по их обычаю) через небольшой перешеек или узкую полосу земли... Это недавно было доказано одним посланником... который плыл сперва Москвою-рекою, потом вошел в другую, названную Окой, тут перетащил свою лодку в Дон, а отсюда уже всю дорогу плыл водой»⁷⁵.

Если первая часть свидетельства дипломата правдива, такой путь действительно, как знаем, существовал, то вторая едва ли. За предшествующие приезду Дж. Флетчера двадцать лет из Москвы в Турцию ко двору султана было отправлено три дипломатических миссии, и они действительно получали в Москве проезжую грамоту до Азова⁷⁶, однако турецкой крепости в устье Дона посланники достигали в это время не речным путем, а сухопутной дорогой, и уже из Азова турецкими судами следовали через крымскую Каффу к месту назначения, Царьграду⁷⁷.

Высказывалось мнение, что в домонгольское время существовал еще и третий речной путь из Оки на Дон. Как и описанный выше, он шел через р. Проню до ее верховьев, но далее в Дон вел не через Рясское поле, а притоком Прони, р. Улыбаш, верховья которой подходят к верховьям левого притока Дона, р. Мокрая Табола⁷⁸.

⁶⁹ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Ногайскою ордами и Турцией. С. 41, 46, 52, 57 и др.

⁷⁰ Там же. С. 312, 327, 473.

⁷¹ Юркин И. Н. Водный тракт Куликова поля. Страницы истории Ивановского канала. Тула, 2020. С. 48–50.

⁷² См. о нем: Пестерев В. В. «Большой чертеж»: возвращаясь к проблеме авторства и времени возникновения генеральной карты Московского государства // Российская история. 2022. № 6. С. 87–100.

⁷³ «А река Воронеж вытекла... от реки от Пора, а река Пора пала в Оку под Тереховом монастырем с нижней стороны» (Книга Большому чертежу. С. 82).

⁷⁴ Загоскин Н. П. Указ. соч. С. 222.

⁷⁵ Флетчер Дж. О государстве Русском / Пер. М. А. Оболенского. М., 2002. С. 20.

⁷⁶ Обзор посольских книг из фондов-коллекций, хранящихся в ЦГАДА (конец XV — начало XVIII в.) / Сост. Н. М. Рогожин. М., 1990. С. 115.

⁷⁷ См. напр.: посольский наказ 1570 г.: «Царь и великий князь Иван Васильевич... послал Ивана Новосильцова во Царьгород... А велел ему идти на Рылеск, а из Рыльска на Азов» (Статейный список И. П. Новосильцева // Путешествия русских послов XVI–XVII вв. Статейные списки / Отв. ред. Д. С. Лихачев. СПб., 2008. С. 63, 65).

⁷⁸ Шебанин Г. А. Окско-Донской путь XII — начала XIII в. в свете новых археологических данных // Куликово поле: вопросы историко-культурного наследия. Тула, 2000. С. 118–122; Он же. О владениях рязанских князей на правобережье Верхнего Дона в конце XIV — начале XVI в. // Дмитрий Донской и эпоха возрождения Руси. События, памятники, традиции. Тула, 2001. С. 166.

Никаких свидетельств в пользу существования такого речного маршрута нет, а в том, что Верхний Дон до «Батыева нашествия» был причастен к торговым операциям между русскими землями и их южными контрагентами, сомневался, о чем писалось выше, еще А. Л. Монгайт.

Возвращаясь к вопросу о местоположении близ верховьев Дона рязанского Дубка, подчеркнем, что в его локализации исследователи вполне справедливо исходили из очевидного факта, что «град» должен был быть исходным пунктом Донского пути и, так или иначе, открывать зону судоходства по реке. Но с его определением все не так просто.

В изданном в Вене в 1547 г. описании России имперский посол барон Сигизмунд Герберштейн, побывавший в России в 1517 и 1526 гг., отмечал, что «из Московии... течет Танаис по местности, которая зовется Донко («*loco qui Donco dicitur*»), где купцы, отправляющиеся в Азов, Кафу и Константинополь, грузят свои корабли» и именно «от этого места Танаис впервые, *говорят*, становится судоходным» («*qui loco Tanaim primum navigabilem esse dixi*»)⁷⁹.

Правоту слов С. Герберштейна подтверждает посольское дело 1522–1523 гг. о приеме в Москве и возвращении на родину турецкого дипломата. На церемонии «отпуска» в Кремле посол «Искинедер... говорил, чтоб великий государь (великий князь Василий III. — А. Л.) отпустил мене Доном, ино идти безстрашно Доном»; согласно пожеланию посла, дипломатическую миссию московские власти проводили до Дона, где «послы клались в суды в Донкове»⁸⁰ — явным образом «Донсо» С. Герберштейна.

«Донков» второй четверти XVI в., не город, а название местности, возможно, уменьшительная форма от гидронима «Дон», имеющая в виду скромные параметры реки в ее верховьях⁸¹. Соименный город Данков будет основан здесь только в 1568 г.⁸², а в 1615 г. его перенесут на правый берег Дона двадцатью четырьмя верстами ниже по течению⁸³ (отсюда бытующие в литературе определения «Старый» и «Новый Данков»).

Таким образом, в картине судоходства на Верхнем Дону можно наметить три пункта начала Донского пути. Первый указан в Хождении в Царьград митрополита Пимена, сутками пути, то есть условно 40 км выше «Чюр Михайловых», где на воду были спущены незагруженные суда митрополичьей флотилии, второй — собственно «Чюр Михайловых», где Пимен со спутниками «клялся в суда» и откуда они шли вниз по Дону с полной загрузкой, и третий, местность «Донко», — Данков, где, согласно сведениям С. Герберштейна, плавание по Дону начиналось, во всяком случае, в 1-й четверти XVI в. и где в 1568 г. появился соименный город.

Неудивительно, что историография, так или иначе, связывала все три пункта начала донского судоходства с Дубком «Списка», исходя из того, что «град» — его начальная точка. М. Н. Тихомиров полагал, что суда с Пименом и его спутниками были спущены на воду непосредственно у Дубка⁸⁴, «город Донков отождествляют то с Дубком, то с Чюр-Михайловом», — отмечала А. Л. Хорошкевич⁸⁵. «Чюр-Михайловых» одни исследователи считали Старым Данковым, он же «Донко» Герберштейна⁸⁶, другие предлагали идентифицировать со Старым Донковым не Чюр-Михайлов, а «верхъ Дону Дубок»⁸⁷, и т. п.

Необходимо в связи с этим отметить, что вблизи места, где в 1389 г. были спущены в Дон порожные суда Пимена и где завершалась сухопутная дорога через владения великого князя Олега

⁷⁹ Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московии. Т. 1. С. 305, 310. Свои поездки в Россию имперский дипломат совершил в 1517 и 1526 гг.

⁸⁰ Цит. по: Дунаев Б. И. Преп. Максим Грек и греческая идея на Руси в XVI в. М., 1916. С. 38, 55.

⁸¹ Автор глубоко признателен Р. Н. Кривко (ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН) за консультацию.

⁸² Загоровский В. П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. Воронеж, 1991. С. 105.

⁸³ Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 391. О расстоянии между Старым и Новым Данковым см.: Веневитинов М. А. По поводу пятисотлетия первого русского путешествия по Дону // Древности. Труды Московского археологического общества. М., 1890. Т. 14. С. 317–319.

⁸⁴ Тихомиров М. Н. Средневековая Москва в XIV–XV веках. М., 1957. С. 123. Ср.: «Пимен в 1389 г. (так в издании. — А. Л.) сел на судно, по-видимому, около древнего Дубка» (Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей / Под ред. П. В. Семенова. СПб., 1902. Т. 2. Среднерусская черноземная область. С. 270).

⁸⁵ Герберштейн Сигизмунд. Записки о Московии. Т. 2. С. 411. Прим. 502.

⁸⁶ Загоскин Н. П. Указ. соч. С. 224; Кудряшов К. В. Указ. соч. С. 20.

⁸⁷ Монгайт А. Л. Указ. соч. С. 231–232 (автор полагал Старый Донков «древним городом домонгольской поры»).

Ивановича Рязанского к верховьям Дона, приблизительно 40 км выше по течению «Чюр Михайловыхъ», как первым заметил Г. А. Шебанин, в Дон впадает левый приток реки, Мокрая Табола⁸⁸. Название последней в тексте Хождения не фигурирует, но река упоминается в документе, составленном столетие спустя после донского путешествия Пимена, московско-рязанском докончании 1483 г., причем как очень важный географический объект.

Заключенным в этом году договором между великим князем московским Иваном III и его тезкой, рязанским великим князем Иваном Васильевичем, о чем речь уже шла выше, была письменно оформлена «купля» Москвой западной половины Рязанского княжества, и верхнее течение Дона вошло в состав московских владений. Что существенно, договор описывает возникшую после покупки новую границу между Москвой и Рязанью: на севере она начиналась на Оке и тянулась на юг, «прямо к верхъ Табалом, а по Табалом на низ на Дѡн» (в московском варианте текста договора) или «на низ в Дон» (в рязанском)⁸⁹. Как видим, и столетие спустя после поездки Пимена верхнедонские владения Рязани включали в себя левое течение реки при впадении в нее «Табал» — Мокрой Таболы.

Ранее автор ошибочно полагал, что южный участок московско-рязанского пограничья 1483 г. проходил непосредственно по Мокрой Таболе⁹⁰. Однако, похоже, под «Табалами» договор московского и рязанского князей имел в виду не конкретную реку, а некое пространство на донском левобережье между двумя соименными притоками.

Согласно Книге Большому чертежу (далее — КБЧ), название «Табалы» носили не один, а два левых притока Дона: «А ниже Табалов 20 верст... пала в Дон речка другая Табалы», именуемая ниже по тексту также и «Нижними Табалами»⁹¹.

Что касается первой из «Табал» КБЧ, то это явным образом современная Мокрая Табола, вторая же соименная река, впадающая в Дон где-то ниже по течению, сегодня, надо понимать, именуется иначе. Попытаемся определить, какой из левых притоков мог быть «Другими», она же «Нижними Табалами».

КБЧ определяет расстояние между «Табалами» и «Нижними Табалами» в 20 верст. Вопрос о том, какой верстовой стандарт использовался в КБЧ и был ли это единый тип версты или же несколько, достаточно непросто⁹². В русской практике XVI–XVII вв. известны два основных типа верст: 1000-саженные, «тысячные», или «большие», и 500-саженные, «малые», или «скудные». В современных единицах измерения первая равна 2100 с небольшим метрам, вторая 1000 с небольшим⁹³. Учитывая приблизительность показаний КБЧ, первую версту можно условно считать равной 2 км, а вторую — 1 км.

Применительно, во всяком случае, к Верхнему Дону, определить, чему равно «двадцать верст», разделяющих «Табалы» и «Нижние Табалы», возможно, опираясь на расстояния между теми географическими объектами, которые указаны в КБЧ, сопоставив их с современными данными. Сразу оговоримся, что сведения, приведенные географическим справочником XVII в., не могут претендовать на высокую точность.

В КБЧ указано расстояние от расположенного близ верховьев Дона г. Епифани до г. Данкова, стоящего «на усть Вязовки», 60 верст⁹⁴. Чуть ниже Епифани в Дон впадает Федосовский ручей, в КБЧ не указанный. Если считать его речным «маркером» Епифани, то расстояние от Федосовского ручья до р. Вязовки, речного «маркера» Данкова, равно 125 км⁹⁵, и оно составляет приблизительно 60 верст. Как видим, в КБЧ верста — двухкилометровая, так что «Нижние Табалы» 20-ю верстами ниже «Табал» должны впасть в Дон, условно говоря, 40 км ниже современной Мокрой Таболы.

⁸⁸ Шебанин Г. А. Окско-Донской путь XII — начала XIII в. в свете новых археологических данных. С. 119.

⁸⁹ ДДГ. С. 285, 289.

⁹⁰ Подробнее см.: Лаврентьев А. В. После Куликовской битвы... С. 164.

⁹¹ Книга Большому чертежу. С. 78.

⁹² Белобров В. А. Традиционные русские меры длины. М., 2018. С. 193, 198–199.

⁹³ Романова Г. Я. Объяснительный словарь старинных русских мер. М., 2017. С. 80–81.

⁹⁴ Книга Большому чертежу. С. 78.

⁹⁵ Список притоков Дона с указанием расстояний от их устья до впадения реки в Азовское море, позволивший вычислить расстояния между ними, заимствован на сайте urochishe.ru/pritoki-dona/ (дата обращения: 19.05.2020). Далее в указаниях на расстояния между притоками Дона использовались данные этого ресурса.

Если отсчитать от устья последней 40 км вниз по Дону, то на этом расстоянии левых притоков нет, но немного ниже по течению в реку впадают, разделенные несколькими километрами, три: реки Круглянка (49 км от «Табал»), Рожня (55 км) и Кочуровка (58 км), современная р. Большой Кочур. Именно там находился тот самый «Чюр Михайловыхъ», где в 1389 г. Пимен со спутниками, завершив сухопутное путешествие через земли Рязанского княжества, «клялись» в «три струги да насадъ».

«Чюр Михайловыхъ» отделено, как помним, одним днем пешего перехода от р. Мокрая Табола, в районе впадения которой в Дон днем ранее на воду были спущены порожние суда митрополичьей флотилии.

Таким образом, судоходным Дон был уже при впадении в него «Табал» — Мокрой Таболы, но для судов с высокой посадкой, полноценное же судоходство для тяжело груженных судов, во всяком случае, во второй половине XIV в., начиналось 40 км ниже, от «Чюр Михайловыхъ».

В связи с последним особого внимания заслуживают суда, которыми Пимен со спутниками совершили в 1389 г. поездку по Дону через Азовское и Черное моря в Царьград, струги и насад.

А. К. Зайцев полагал, что Дон выше р. Большой Кочур не был судоходным даже для «маломерных судов»⁹⁶, коими автор, надо понимать, считал «три струги да насадъ» митрополичьей флотилии, но ни струги, ни насады к маломерным судам никак не относились.

Насад, равно как и струг, — крытые палубные гребные суда типа галер с надстройкой — «чердаком», использовавшиеся и в военных целях, и для транспортировки людей и грузов⁹⁷.

О размерах и грузоподъемности насадов и стругов XIV в. ничего неизвестно, но суда эти эксплуатировались в России и позднее. Струги XVI в., например, могли нести «по 20-ти человек с запасом»⁹⁸, а волжские струги XVII в. были длиной до 20 м и могли брать на борт до 1000 т груза⁹⁹ (Н. Я. Аристов определял их грузоподъемность еще больше, в 2000 пудов¹⁰⁰).

В нашем случае принципиально важно то, что оба типа судов, которыми митрополит Пимен воспользовался для путешествия в 1389 г. по Дону, предназначались как для речного, так и для морского «хода»: в них предстояло проделать тысячекilометровое путешествие до Константинополя.

Церковная делегация, «клавшаяся в суда» у «Чюр Михайловыхъ», разумеется, не состояла из одного Пимена и была достаточно многолюдной. В нее входили смоленский епископ Михаил, архимандрит кремлевского Спасского монастыря Сергей «да старцы его (Пимена. — А. Л.)... и протопопъ, и протодиаконъ, и иныя священники и дьяконы»¹⁰¹, по подсчетам Дж. Маджеска, не менее 17 человек¹⁰², и сопровождали их как церковные, так и светские слуги, число которых неизвестно, не считая судовой команды, «корабленщиковъ»¹⁰³. В долгое речное и морское путешествие суда везли необходимые припасы, «казну» и многое другое, без чего трехмесячное плавание в Царьград и пребывание Пимена со спутниками при константинопольском патриаршем дворе было невозможно.

Скупые сведения о главном корабле флотилии 1389 г., «насаде», на котором плыли первые лица миссии, включая митрополита¹⁰⁴, содержащиеся в Хожении (струги в тексте фигурируют один раз и никак не описаны), рисуют его совсем не «маломерным судном».

⁹⁶ Зайцев А. К. Где находилось «место, рекомое Березуй» «Сказания о Мамаевом побоище»? // Верхнее Подонье: Природа. Археология. История: в 2 т. Тула, 2004. Т. 2. История. Этнография. Искусствоведение. С. 7.

⁹⁷ Загоскин Н. П. Указ. соч. С. 390–391; Шубин И. А. Волга и волжское судоходство (История, развитие и современное состояние судоходства и судостроения). М., 1927. С. 41–42, 46–47; Хорошев В. А. Средства передвижения // Археология. Древняя Русь. Быт и культура / Отв. ред. Б. А. Колчин и Т. И. Макарова. М., 1997. С. 121.

⁹⁸ Миллер Г. Д. История Сибири. М., Л., 1937. Т. 1. Прил. С. 343–344.

⁹⁹ Тушин Ю. П. Русское плавание на Каспийском, Азовском и Черном морях (XVII век). М., 1978. С. 37.

¹⁰⁰ Аристов Н. Я. Промышленность Древней Руси. СПб., 1866. С. 97.

¹⁰¹ ПСРЛ. Т. 11. С. 96.

¹⁰² Маджеска Дж. Указ. соч. С. 368.

¹⁰³ ПСРЛ. Т. 11. С. 95–97.

¹⁰⁴ Насады на Руси служили своего рода «представительскими» судами. В насаде тверской князь Александр Михайлович со свитой отправился по Волге в столицу Орды, Сарай (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 49). В памятнике новгородской литературы 2-й пол. XV в. Повести о посаднике Добрыне сообщается, что глава администрации «Господина Великого Новгорода» переправлялся на нем «через Волхво... съ людьми своими» (Повесть о посаднике Добрыне / Подгот. текста, перевод и коммент. Л. А. Дмитриева // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV века. М., 1982. Вып. 5. С. 190).

В устье Дона, на рейде Таны «насад» служил местом ночевки делегации — его отогнали в море, «и... бысть кораблю стоящу на якорехъ». На следующий день заимодавцы из местных итальянцев, которым митрополит задолжал деньги за предыдущие путешествия в Царьград, «наскакаша въ корабль... бысть топот велій на мосту корабля», и ночевавшие в надпалубной надстройке Пимен со спутниками «изошедше на помость»¹⁰⁵.

Речь, надо думать, идет о том, что у «насада» имелась надстройка — «чердак», на крышу которой и забралась непрошеные гости путешественников. Насад, кстати, служил местом ночевки церковной делегации и в порту Царьграда.

Спущенные на воду в Москве суда, проделавшие 140-километровое сухопутное путешествие через земли Великого княжества Рязанского и вторично спущенные на воду в Дон в районе Мокрой Таболы, довели делегацию до столицы Византийской империи, где Пимен скончался. Теми же судами назад на Русь отправился новый русский митрополит Киприан, причем число пассажиров «насада» выросло за счет еще одного епископа, двух греческих церковных иерархов и брата преп. Сергия Радонежского, преп. Федора Симоновского.

На родину делегация возвращалась уже не Доном, а Черным морем, которым струги и насад, выдержав благополучно осеннюю бурю, доставили нового митрополита со спутниками до находившегося в устье Днестра г. Белгорода, откуда Киприан с церковной делегацией последовали на Русь уже сухим путем¹⁰⁶.

Так что, возвращаясь к судоходности Дона в XIV в., повторимся, что ниже Большого Кочура, предположительно «Нижних» или «Других Табал», река могла нести тяжелые груженные суда, выше же по реке — суда с менее низкой посадкой.

Говоря о донском судоходстве XIV в., важно иметь в виду, что номенклатура речных судов средневековой Руси тяжелыми стругами и насадами не исчерпывалась. Существовал и иной тип речного транспорта, широко использовавшийся для грузовых перевозок на внутренних водоемах. В русских источниках они именуется паузками, судами, специально «приспособленными к обслуживанию мелководных и порожистых водных путей». В практике речного судоходства Новгорода «речной извоз» паузками осуществлялся там, где не могли пройти суда с глубокой посадкой¹⁰⁷. Как вспомогательный вид речного транспорта они были особенно необходимы в пору сезонного обмеления рек: «В те деи поры (летом. — А. Л.)... реки мелеют, и они (торговые люди. — А. Л.) своими суды... без повозков не доходят»¹⁰⁸.

В XIV в. паузки на Руси были обязательной составной частью речных флотилий.

В 1374 г. новгородские «ушкуйники» отправились речным путем громить Поволжье, имея в составе флотилии разные по грузоподъемности суда, как «лоды... и насады... и струги», так и «павузкы»¹⁰⁹.

Паузки предназначались также для «передачи... грузов с судов более крупных типов» на берег¹¹⁰.

Захвативший в 1375 г. на городской пристани Твери трофеи в виде предназначенных к продаже грузов великий князь Дмитрий Иванович в договорной грамоте, поставившей точку в вооруженном конфликте, обещал тверскому великому князю Михаилу Александровичу «грабежь... и из лодей, и ис павозков... все отъдати... по исправѣ»¹¹¹.

В порту Твери соседствовали, как видим, два типа речных судов, крупные, «лоды», очевидно, не имевшие возможности швартоваться у городской пристани, и мелкие, «павозки», перевозившие с них товар на берег.

¹⁰⁵ ПСРЛ. Т. 11. С. 96–97.

¹⁰⁶ Там же. С. 101.

¹⁰⁷ Бережков М. О торговле Руси с Ганзой до конца XV в. СПб., 1879. С. 152; Никитский А. И. История экономического быта Великого Новгорода. М., 1893. С. 144–147.

¹⁰⁸ Введенский А. А. Торговый дом XVI–XVII вв. Л., 1924. С. 86.

¹⁰⁹ ПСРЛ. Т. 18. М., 2007. С. 114.

¹¹⁰ Загоскин Н. П. Указ. соч. С. 393; Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.; М., 1882. Т. 3. (репринт. М., 1990). С. 25.

¹¹¹ ДДГ. С. 26.

О размерах и грузоподъемности паузков XIV в., равно как и о «стругах» и «насаде» митрополита Пимена, ничего не известно. Волжские паузки XVII в., например, обладали немалой грузоподъемностью, до 50 000 пудов¹¹², и были длиной до 25 сажень¹¹³, то есть более 50 м.

В языке допетровской Руси известен, кстати, широко употреблявшийся производный от названия такого типа речного судна глагол «паузиться», отражающий технику транспортировки. Тяжело груженное судно «на мелких водах паузилося многажда», — докладывал в середине XVII в. в вотчинную контору боярина Б. И. Морозова один из управляющих¹¹⁴.

Так что сообщение Хождения Пимена в Царьград 1389 г. о «Чюр Михаиловыхъ» как начале судоходства по Дону справедливо, очевидно, только для крупных груженых судов с низкой посадкой. Речную коммуникацию выше по реке могли осуществлять паузки, в тексте не упомянутые, но в русском обиходе для транспортировки грузов использовавшиеся широко.

Возвращаясь к возможному местоположению «верхъ Дону Дубка», отметим, что он вполне мог функционировать как точка начала Донского торгового пути, располагаясь в 40 км выше р. Большой Кочур — «Нижних Табал», при впадении в Дон «Табал» — современной Мокрой Таболы.

В историографии неоднократно отмечалось, что в 1389 г., согласно Хождению митрополита Пимена, Верхний Дон выглядел безлюдным и заброшенным¹¹⁵. В это же время, в конце XIV в., приходят в упадок города Великого княжества Рязанского, расположенные вдалеке от Дона, на Оке. Раскопки в кремле Переяславля Рязанского показали, что столица княжества с конца XIV в. переживала «существенный упадок: сокращается площадь города, застройка становится менее плотной... уменьшается количество следов ремесленного производства»¹¹⁶. Аналогичное явление археологи наблюдают и в Ростиславле Рязанском, где в XV в. резко сокращается плотность застройки и уменьшается количество зданий¹¹⁷.

Рязанские поселения в междуречье Прони и Рановы, там, где действовали «переволоки» Окско-Донского пути и количество которых в XIII–XIV вв. неуклонно увеличивалось, на рубеже XIV–XV вв. были в основном оставлены¹¹⁸.

Так или иначе, но если ослабление на рубеже XIV–XV вв. экономических позиций Рязани все-таки имело место, то оно должно было неминуемо отразиться и сокращением торговли по Дону, но причины этого имели, скорее всего, не «русские» корни.

С одной стороны, 1-я пол. XV в., в связи с возросшей угрозой из степей, «в целом была временем отступления русского населения с территории нынешнего Центрального Черноземья, гибели существовавших здесь многих русских селений, расширения размеров незаселенного... Поля»¹¹⁹. Резкая активизация нападений ордынцев на южнорусские «украины» отмечена с 30-х гг. столетия¹²⁰.

С другой стороны, в середине XV в. с международной арены исчез южный торговый и политический партнер Руси, Византия, и на смену ему пришел другой, Оттоманская Порты. Европейские владения империи (с азиатскими она рассталась еще в предыдущем столетии) постоянно сокращались. К 30-м гг. XV в. от некогда огромного государства осталась небольшая территория, примыкающая к столице, а в 1453 г. пал и сам Константинополь — Царьград, и на бывших землях империи в Европе и Азии появилось новое государство, Турция, Порты русских источников.

¹¹² Дела Тайного приказа. СПб., 1907. Т. 1. Стб. 1351. (Русская историческая библиотека. Т. 21).

¹¹³ Грамотки XVII — начала XVIII века / Под ред. С. И. Коткова. М., 1969. С. 223.

¹¹⁴ Хозяйство крупного феодала-крепостника XVII в. М.; Л., 1936. Ч. 2: Хозяйство боярина Б. И. Морозова. С. 152. (Материалы по истории феодально-крепостного хозяйства; Вып. 2.)

¹¹⁵ См. напр.: Решетова А. А., Тополова О. С. О рязанских реалиях в «Хождении Игнатия Смольнянина» // Вестник РГУ им. С. А. Есенина. 2012. № 2 (35). С. 76–93.

¹¹⁶ Судяков В. В., Буланкин В. М. Культурный слой Переяславля Рязанского // Великое княжество Рязанское. Историко-археологические исследования и материалы. М., 2005. С. 257–258.

¹¹⁷ Коваль В. Ю. Планировка средневекового Ростиславля // Там же. С. 280–281.

¹¹⁸ Иванов Д. А., Стрикалов И. Ю., Челяпов В. П. Поселенческая структура XII–XV вв. междуречья Прони и Рановы // Там же. С. 357–358.

¹¹⁹ Загорский В. П. Указ. соч. С. 31; Лаврентьев А. В. После Куликовской битвы... С. 157–158.

¹²⁰ Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках: очерки социально-экономической и политической истории. М., 1960. С. 768; Зимин А. А. Витязь на распутье. Феодальная война в России XV в. М., 1991. С. 51.

Нижнедонские контрагенты русской торговли на «Донском пути», Азак и Тана, были уничтожены в 1395 г. армией Тимура. Но если золотоордынский город так и не возродился¹²¹, то венецианская торговая фактория в устье Дона, наоборот, не только не заглохла, но продолжала, о чем писалось выше, успешно действовать вплоть до окончательного разгрома в 70-х гг. XV в. Таны турками и основания в устье Дона турецкой крепости Азов. Азов, собственно, сменил Тану в качестве перевалочного пункта в торговых и дипломатических контактах Руси с Причерноморьем и Средиземноморьем.

С конца XIV по конец XV в. письменные источники не сохранили никаких указаний на существование южной торговли, возобновившейся с началом XVI столетия¹²² на фоне двух важных перемен.

Во-первых, о чем писалось выше, не позднее 1483 г. верховья Дона перешли к Москве. Когда в 1496 г. рязанские племянники Ивана III, князя Иван и Федор Васильевичи, заключили договор о разделе вотчинных земель и доходов с них, то «мыто» с «лодей и стругов» в нем, что характерно, уже не фигурирует как статья рязанских доходов с донской торговли¹²³. И хотя «лутчие и середние и черные торговые люди», занятые торговыми операциями по Дону, надо понимать, с Азовом, в Рязанском княжестве действовали и в это время¹²⁴, но тон теперь в регионе явно задавала Москва.

Во-вторых, место Византии как торгового партнера и субъекта внешней политики на юге сменила, повторимся, Турция. В 1475 г. турецкий султан совершил поход на Крым, и держава Гиреев вошла в орбиту политики Порты. Но южная торговля для Руси продолжала сохранять свое значение, и через крымскую Каффу русскому купечеству по-прежнему открывались торговые рынки, теперь не Византии, а Турции¹²⁵.

Донским путем, что характерно, регулярно пользовались и русские, и турецкие дипломаты¹²⁶. Интересно, что сопровождение отправлявшихся из Москвы в Константинополь посольств в это время доверялось хорошо ориентировавшимся на Дону «рязанским казакам», а великокняжеские грамоты паше в Азов возили подданные последних великих князей рязанских¹²⁷.

«Верхъ Дону Дубокъ», равно как и верховья Дона, к этой вторичной активизации контактов по Дону на рубеже XV–XVI вв. уже, очевидно, причастны не были, и рязанский «градъ» к этому времени прекратил свое существование в качестве перевалочного пункта донской торговли, деградировав, надо думать, в сельское поселение¹²⁸.

Полное отсутствие письменных свидетельств о жизни южных пределов Рязанского княжества времени упоминания «Списком» «верхъ Дону Дубка», последних десятилетий XIV — начала XV в., заставляет обратиться к археологическим источникам.

Как показали исследования, население почти полностью покидает Верхний Дон около времени «Батыева нашествия», при этом если жизнь позже полностью затухает на правом берегу реки, то на левом берегу Дона она уже в XIII в. возобновляется. Здесь в послемонгольское время наблюдается существенный рост как числа поселений, так и их площади¹²⁹, выявлено 62 памятника разной степени исследованности¹³⁰.

¹²¹ Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985. С. 93.

¹²² Сыроечковский В. Е. Гости-сурожане. С. 39–42; Он же. Пути и условия сношений Москвы с Крымом... С. 193–237.

¹²³ ДДГ. С. 332–341.

¹²⁴ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Ногайскою ордами и Турцией. С. 413. В Крыму известны находки монет Великого княжества Рязанского XV в. (Майко В. В. Монета Рязанского княжества в Крыму // Сугдейский сборник. Киев; Судак, 2005. Вып. 2. С. 496–505. За указание на публикацию сердечно благодарю А. В. Дедука).

¹²⁵ Сыроечковский В. Е. Пути и условия сношений Москвы с Крымом... С. 197.

¹²⁶ Дунаев Б. И. Указ. соч. С. 61–62.

¹²⁷ Иван III просил великую княгиню рязанскую разрешить в 1502 г. турецкому послу для сопровождения до Азова «на Рязани наняти казаков рязанских десять человек, которые бы Дону знали» (Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Ногайскою ордами и Турцией. С. 413).

¹²⁸ Ср.: «Процесс становления городов обратим, и не только сельское поселение может стать городом, но и город может обратиться в сельское поселение» (Рабинович М. Г. Очерки этнографии русского средневекового города. Горожане, их общественный и домашний быт. М., 1978. С. 21).

¹²⁹ Наумов А. Н. Куликово поле в XII–XX вв.: Историко-географические очерки. Тула, 2017. С. 19.

¹³⁰ Гоняный М. И. Древнерусские археологические памятники конца XII — 3-й четверти XIV в. в нижнем течении р. Мокрая Табола на Куликовом поле // Великое княжество Рязанское. Историко-археологические исследования и материалы. М., 2005. С. 362.

Среди многочисленных русских поселений верховьев Дона выделяются своими размерами два гнезда памятников на р. Мокрая Табола, ровно в тех местах, где в 1389 г. в Дон были спущены порожними суда флотилии митрополита Пимена. Оба возникли после «Батыева нашествия», на рубеже XII–XIII вв., и продолжали существовать в XIV в.

Первое, расположенное в паре километров от впадения реки в Дон у д. Исаковские Выселки, состояло из небольшой крепости, крупного неукрепленного поселения с православным кладбищем и рядом мелких поселений вокруг¹³¹.

Второе, т. н. Устьинский комплекс, отмечено непосредственно в приустьевой части Мокрой Таболы при впадении реки в Дон. Он также состоял из скромных размеров крепости, неукрепленного поселения, крупнейшего в регионе, вытянувшегося вдоль берега реки на 800 м при ширине 150–350 м и окруженного десятком более мелких поселений. В центральной части второго крупного поселения также располагалось кладбище¹³². Высказывалось предположение, что это административный центр региона¹³³ и даже, возможно, Дубок, но никаких аргументов в пользу такой идентификации приведено не было¹³⁴. Попробуем сделать это, опираясь на уже имеющиеся археологические данные.

Согласно наблюдениям М. И. Гоняного, площадь центральных неукрепленных поселений по Мокрой Таболе составляла: первого — более 11,5 га, второго — 18,8 га¹³⁵. Цифры весьма впечатляют — они сопоставимы с площадями рязанских городов домонгольского времени¹³⁶.

А. Н. Наумов, исследовавший железоделательные комплексы на поселениях по верховьям Дона, отметил, что во второй половине XIII–XIV в. число их значительно возрастает, особенно в нижнем течении Мокрой Таболы¹³⁷. Судя по масштабам производства, их продукция, товарные крицы, была ориентирована не на местное потребление, а предназначалась для реализации на внешнем рынке¹³⁸.

Маловероятно, что таковыми были русские земли на левобережье Оки. При этом в XIV в. на Нижнем Дону, в венецианской Тане, шла активная торговля железом¹³⁹, а итальянские купцы торговали им в больших объемах далеко за пределами Европы, например, в Египте¹⁴⁰.

На городской характер поселения на Мокрой Таболе могут указывать не только наличие товарного производства железа, но и следы существования здесь мастерской, которую М. И. Гоняный охарактеризовал как ювелирную¹⁴¹.

Находки (пластины меди, лом медных изделий, предназначенных для переплавки, бракованные медные нательные крестики, а также орудия нанесения орнамента на изделия) свидетельствуют о наличии здесь не собственно ювелирного производства¹⁴², а «котельного дела»,

¹³¹ Там же. С. 371–372.

¹³² Там же. С. 371, 378, 385, 394.

¹³³ Разведки в районе Куликова поля, охранные раскопки в юго-восточном Подмоскowie / Гоняный М. И. [и др.] // Археологические открытия 2001 года. М., 2002. С. 133–135.

¹³⁴ Гоняный М. И. Результаты междисциплинарных исследований на Устьинском археологическом комплексе конца XII–XIV в. на Куликовом поле // Труды 3 (19) Всероссийского археологического съезда. М., СПб., Великий Новгород, 2011. Т. 2. С. 137; Он же. Предварительные итоги археологических разведок с использованием детекторов металла на Устьинском археологическом комплексе на Куликовом поле // Труды 5 (21) Всероссийского археологического съезда в Барнауле — Белокурихе. Сб. научн. статей. Барнаул, 2017. Т. 2. С. 165–170.

¹³⁵ Гоняный М. И. Древнерусские археологические памятники конца XII — 3-й четверти XIV в. в нижнем течении р. Мокрая Табола... С. 368 (таблица).

¹³⁶ Площадь Изяславля составляла ок. 9 га, Пронска более 10 га, Ольгова 1,3 га (Куза А. В. Малые города Древней Руси. М., 1989. С. 114–115), Ростиславля — 7–8 га (Коваль В. Ю. Планировка средневекового Ростиславля. С. 264).

¹³⁷ Наумов А. Н. Черная металлургия и железообработка на сельских памятниках Куликова поля в конце XII — третьей четверти XIV в. Тула, 2008. С. 32, 34, 115.

¹³⁸ Там же. С. 116.

¹³⁹ Скржинская Е. Ч. Указ. соч. С. 20; Хаутала Р. В землях «Северной тартарии». Сведения латинских источников о Золотой Орде в правление хана Узбека (1313–1341). Казань, 2019. С. 833, 877–878.

¹⁴⁰ Хаутала Р. Указ. соч. С. 809, 820. Прим. 7.

¹⁴¹ Гоняный М. И. Следы ювелирной мастерской XIV в. на Устьинском археологическом комплексе в районе Куликова поля // Золотоордынское наследие. Материалы Второй научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды», посвященной памяти М. А. Османова. Казань, 2011. Вып. 2. С. 279–294.

¹⁴² Ювелирное дело предполагало работу с драгоценными металлами и камнями (Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М., 2015. С. 566, 568–570).

литейной мастерской по изготовлению продукции из цветных металлов¹⁴³. Наличие литейных мастерских характерно не для сельского, а для городского ремесла¹⁴⁴.

Возвращаясь к Дубку «Списка», отметим, что археологические комплексы по Мокрой Таболе вполне могут подойти на роль рязанского «града» «верхъ Дону». Сама первая столица Рязанского княжества, Старая Рязань, например, тоже состояла из двух соседствовавших «градов», первоначально появившегося Северного и вскоре отстроенного Южного, причем существовали оба параллельно и всего в течение одного столетия¹⁴⁵.

Рязанские «грады» «Списка», включая верхнедонской Дубок, полагал М. Н. Тихомиров, были небольшими укреплениями¹⁴⁶, однако словом «градъ» в русской лексике XIV в. обозначали не только ту часть города, что была защищена оборонительными сооружениями, но и примыкающие к нему посад, слободы и пригородные поселения. Описывая знаменитый московский Всесвятский пожар лета 1365 г., рогожский летописец отмечает, что «погорѣ весь градъ Москва», далее уточняя содержание определения «весь градъ», «посадъ, и Кремль, и загородие, и зарѣчье»¹⁴⁷.

Что касается такого признака города, как наличие укреплений, то таковые при обоих археологических комплексах по Мокрой Таболе имеются. Но это не располагающиеся обычно внутри города «детинцы», а два «городища», выстроенные несколько на отшибе от неукрепленных поселений, причем более чем скромных размеров, Красное городище ок. 1250 кв. м, или ок. 1/8 га, и городище при Устьинском комплексе около 900 кв. м, или менее 1/10 га¹⁴⁸.

В соотношении площадей детинцев и посадов единой закономерности археологи не прослеживают, более того, известны древнерусские города, не имевшие укреплений вообще¹⁴⁹. По наблюдениям А. В. Кузы, «детинцы» столь малой площади, 0,1–0,2 га, как на Мокрой Таболе, в древнерусских городах вообще не известны¹⁵⁰.

Если допустить, что «городища» строились с военно-оборонительными целями, как предполагается, для контроля брода через р. Мокрая Табола¹⁵¹, то возникает естественный вопрос, способны ли были два десятка вооруженных людей, а больше в них физически не поместилось бы, защитить жителей крупных по площади поселений и, в случае военной опасности, могли ли «городища», как это было во всех древнерусских городах, служить убежищем для нескольких сотен насельников предполагаемого «Дубка»? Ни то, ни другое явным образом невозможно.

Остается думать, что оборонительные функции в задачу Красного и Устьинского «городищ» не входили, но какие-то административные задачи эти скромные укрепления должны были выполнять. Возможно, «городища» были чем-то вроде таможенных пунктов, местами сбора «мыта» с проезжающих по Донскому пути, действовавшими не круглогодично, а в пору навигации. Наличие находок импортных вещей на многочисленных сельских поселениях Верхнего Дона¹⁵² должно свидетельствовать о близости их торговому пути.

Если высказанное выше предположение о том, что тяжело груженные суда шли «на низ» только от «Чюр Михайловыхъ» — «Нижних» или «Других Табал», то «Табалы» — Мокрая Табола, в районе которой Дон был судоходен для судов с высокой посадкой, с ее поселенческим комплексом близ впадения реки в Дон могла быть местом перевалки грузов на Донском пути посредством тех же паузков, о которых речь шла выше. Товары же для транспортировки их Доном на юг могли попадать

¹⁴³ Дристов Н. Я. Указ. соч. С. 117–120; Рыбаков Б. А. Указ. соч. С. 545–546, 557–560. Медный примитивного литья змеевик XIV в., кстати, был найден на Куликовом поле (Рыбаков Б. А. Указ. соч. С. 561). Не был ли он изготовлен в мастерской Устьинского комплекса?

¹⁴⁴ Куза А. В. Указ. соч. С. 121–122.

¹⁴⁵ Чернецов А. В., Стрикалов И. Ю. Старая Рязань и монголо-татарское нашествие в свете новых исследований // Русь в XIII веке. Древности темного времени. М., 2003. С. 18–20.

¹⁴⁶ Тихомиров М. Н. «Список русских городов дальних и ближних». С. 83.

¹⁴⁷ ПСРЛ. Т. 15. Стб. 80.

¹⁴⁸ Гоняный М. И. Древнерусские археологические памятники конца XII — 3-й четверти XIV в. в нижнем течении р. Мокрая Табола... С. 372, 378.

¹⁴⁹ Куза А. В. Указ. соч. С. 132–133.

¹⁵⁰ Там же. С. 264.

¹⁵¹ Гоняный М. И. Древнерусские археологические памятники конца XII — 3-й четверти XIV в. в нижнем течении р. Мокрая Табола... С. 375, 378.

¹⁵² См., напр.: Шибанин Г. А. Окско-Донской путь XII — начала XIII в. в свете новых археологических данных. С. 119.

от Оки в «верхъ Дону Дубок» той же сухопутной дорогой, которой в 1389 г. следовал к «Чюр Михайловыхъ» митрополит Пимен с поставленными на колеса судами.

Что могло заставить рязанских князей держать не имевший надежных фортификационных сооружений Дубок в качестве перевалочного пункта Донского пути непосредственно в верховьях реки, а не 40 км ниже, у «Чюр Михайловыхъ», где «кчался в суды» Митрополит Пимен, или даже еще ниже, в устье р. Воронеж, где завершался речной путь от Оки на Дон? С этой точки зрения само наименование реки, где предположительно действовал рязанский «град», представляет определенный интерес.

«Табалы» одни исследователи считают названием реки балтского происхождения¹⁵³, другие допускают тюркские корни гидронима¹⁵⁴, но оно очевидным образом было славянским, причем весьма красноречивым. В русских северных говорах известно слово «тайбола», означающее «лесные дебри, низменные болотистые места, проезжие только зимою, зимнюю и летнюю дороги вдоль берега»¹⁵⁵. Для начала Донского пути укрытые лесными массивами «Табалы» должны были представлять особое удобство как место перевалки товаров и сбора «мыта», так и для месторасположения «града».

Если высказанные выше предположения верны, то как возникновение на Мокрой Таболе предполагаемого «в верх Дону Дубка», так и исчезновение «града», сопровождавшееся запустением Верхнего Дона, тоже должны были быть связаны с донской торговлей.

Коль скоро возрождение в верховьях Дона жизни после «Батыева нашествия» можно связать с появлением в том числе и Донского пути как альтернативы захиревшему Днепровскому, о чем писалось выше, то вторичное запустение, надо думать, тоже диктовалось внешними причинами.

Хотя, по нумизматическим данным, Донской торговой путь функционировал как будто бы и в 1-й пол. XV в.¹⁵⁶, в археологической литературе время оставления русским населением верховьев Дона относят либо к рубежу XIV–XV вв.¹⁵⁷, либо к еще более ранней, причем совершенно конкретной дате, 60–70-м гг. XIV в., связывая отток русского населения с последствиями т. н. «великой замятни» в Золотой Орде¹⁵⁸. Этим выразительным словом, означающим смуту, смятение, русские летописи характеризуют кровавую борьбу за ханский трон между соперничавшими группировками ордынской знати, когда в 1360–1370-х гг. в Сарае сменилось около двух десятков ханов, время политического кризиса в державе Чингизидов¹⁵⁹, глубочайшего упадка экономики и городов, территориального распада Орды¹⁶⁰.

Почему политическая нестабильность в Орде, расположенной вдалеке от верховьев Дона, в низовьях Волги, обязательно должна была разрушительным образом сказаться на жизни юж-

¹⁵³ Топоров В. Н. Балтские следы на Верхнем Дону // Балто-славянские исследования. 1988–1996. М., 1997. С. 317.

¹⁵⁴ Ююкин М. А. Из балтийской гидронимии Верхнего Подонья // *Žmogus ir žodis / Svetimosios kalbos*. 2016. Т. 1, № 3. Р. 50.

¹⁵⁵ Подвысоцкий А. И. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885. С. 171. См. также: Максимов С. В. Год на Севере. СПб., 1859. С. 520; Ефименко П. С. Народные юридические обычаи крестьян Архангельской губернии. М., 2009. С. 269. Ср.: «Тай, или тайбола, тайга — обширные сплошные леса, непроходимая глушь» (Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1980. Т. 4. С. 385–386).

¹⁵⁶ Милованов С. И. Донской торговый путь в среднем и верхнем течении в XIV–XV вв. по нумизматическим данным // Куликово поле и Юго-Восточная Русь в XII–XIV вв. Тула, 2005. С. 136.

¹⁵⁷ Наумов А. Н. Куликово поле в XII–XX вв. Историко-географические очерки. С. 19.

¹⁵⁸ См., напр.: Шебанин Г. А. К вопросу о локализации Дорожня // Н. И. Троицкий и современные исследования историко-культурного наследия Центральной России: в 2 т. Тула, 2002. Т. 1. Археология. С. 211; Гоняный М. И., Кац М. Я., Наумов А. Н. Древнерусские археологические памятники конца XII — третьей четверти XIV в. в приустьевой части Непрядвы на Куликовом поле // Русь в XIII в. Древности темного времени. М., 2003. С. 229, 251; Гоняный М. И. Археологические памятники района Куликова поля (конец XII — третья четверть XIV в.) // Куликово поле и Донское побоище 1380 года. М., 2005. С. 105, 114 (Труды ГИМ; Вып. 150); Он же. Древнерусские археологические памятники конца XII — 3-й четверти XIV в. в нижнем течении р. Мокрая Табола... С. 385, 394; Он же. Древнерусские археологические памятники конца XII — 3-й четверти XIV вв. района Куликова поля. Тула, 2023. С. 7.

¹⁵⁹ Подробнее см.: Трепавлов В. В. Золотая Орда в XIV столетии. М., 2010. С. 51–65; Он же. Степные империи Евразии. Монголы и татары. М., 2015. С. 222–236; Почекаев Р. Ю. Золотая Орда. История в имперском контексте. СПб., 2017. С. 96–111.

¹⁶⁰ Лапшина И. Ю. К вопросу о начале «великой замятни» в Золотой Орде // Золотоордынское наследие. Материалы Второй международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды», посвященной памяти М. А. Усманова. Казань, 2011. Вып. 2. С. 105–110.

ных окраин Рязанского княжества, включая Верхний Дон, как правило, не объясняется. «Гражданская война», как охарактеризовал «великую замятню» Бертольд Шпулер¹⁶¹, вряд ли могла иметь для юга рязанских земель какие-то существенные последствия.

Во-первых, «сильный человек» времени «великой замятни», темник Мамай, даже в условиях политической нестабильности в Сарае контролировал низовья Дона и Крым¹⁶², а венецианская Тана существовала и во время ордынских «нестроений»¹⁶³. Что же до Азака, то его монетный двор постоянно чеканил монету с именами сменявших один другого в Сарае ханов¹⁶⁴ и в таком случае продолжал, вопреки потрясениям на Волге, функционировать в качестве важнейшего пункта торговли.

Во-вторых, «великая замятня» для большинства русских княжеств — время избавления от финансового и политического давления Орды, прекращения всяческих политических контактов ханов с русскими землями¹⁶⁵ и, соответственно, время их экономического и политического подъема (на него пришлось и строительство первого каменного кремля в Москве, и победное «Мамаево побоище»). Рязань являла собой исключение в силу пограничного положения и действительно испытывала на себе последствия ордынских «нестроений» в виде нападений татарских отрядов. Летописи сохранили четыре рассказа о набегах, 1365, 1373, 1377 и 1378 гг.¹⁶⁶, но, как кажется, ни один из них не мог иметь прямых последствий для Верхнего Дона. В зоне боевых действий оказывались исключительно рязанские владения на дальних от донских верховий северных границах княжества, на Оке.

В ходе набега 1365 г. был «пожжен» Переяславль Рязенский, но нападающие, заметим, не остались безнаказанными, были вскоре достигнуты и наголову разгромлены объединенной рязанско-пронской ратью¹⁶⁷. В 1373 г. «придоша Татарове...отъ Мамая на Рязань... грады пожгоша и людїи... плъниша... и поидоша въсвоеси». И в этом случае речь шла о приокских владениях Рязани: летопись сообщает, что во время нападения «князь великїи Димитрїи Московскїи, собравъ всю силу... в то время стоялъ оу Оки»¹⁶⁸.

В 1377 г. имел место знаменитый разгром «царевичем» Арапшей объединенной нижегородско-московской рати на р. Пьяне в пределах Нижегородских земель, в которой рязанцы участия как будто бы не принимали¹⁶⁹. Тем не менее в Никоновской летописи содержится известие о том, что «тое же осени» Арапша «приходилъ на Рязань изгономъ»¹⁷⁰, а новгородская летопись конкретизирует обстоятельства набега, «Татарове взяша Переяславль Рязаньскїи, а самъ князь Олегъ изъ рукъ оубъжа исстрълянь»¹⁷¹.

Такое развитие событий после Пьяны весьма вероятно¹⁷², но и в этом случае пострадали рязанские владения Олега Ивановича, расположенные вдалеке от верховьев Дона, на Оке.

Наконец, в 1378 г. Мамай, в отместку за участие в битве на Воже на стороне Москвы союзного Рязани пронского князя, «тое же осени» «Переяславль Рязаньскїи взяша и огнемъ пожгоша и волости и села повоеваша»¹⁷³. И в этом случае, как видим, от татар пострадала только северная часть земель Рязанского княжества (об очевидной недостоверности упоминания Никоновской летописью в связи с этими событиями сожжения еще и «Дубка на Дону» речь шла выше).

¹⁶¹ Шпулер Б. Золотая орда. Монголы в России. 1223–1502 гг. СПб., 2018. С. 71.

¹⁶² Трепавлов В. В. Золотая Орда в XIV столетии. С. 60. О Танае как действующем торговом центре донской торговли времени «великой замятни» см.: Скржинская Е. Ч. Венецианский посол в Золотой Орде (по надгробию Якоро Корнаро, 1362 г.) // Византийский временник. 1973. Т. 35. С. 111–116.

¹⁶³ Скржинская Е. Ч. История Таны (XIV–XV вв.). С. 13; подр. см.: Карпов С. П. Указ. соч. С. 152–159.

¹⁶⁴ Шпулер Б. Указ. соч. С. 72–73.

¹⁶⁵ Лапшина И. Ю. Указ. соч. С. 106.

¹⁶⁶ Селезнев Ю. В. Русско-ордынские конфликты XIII–XV веков. Справочник. М., 2010. С. 80, 83, 92, 99.

¹⁶⁷ ПСРЛ. Т. 15. Стб. 80.

¹⁶⁸ Там же. Стб. 104.

¹⁶⁹ Там же. Стб. 119.

¹⁷⁰ Там же. Т. 11. С. 28–29.

¹⁷¹ Там же. М., 2000. Т. 4. Ч. 1. С. 308 (Новгородская четвертая летопись).

¹⁷² Лаврентьев А. В. После Куликовской битвы... С. 15.

¹⁷³ ПСРЛ. Т. 15. Стб. 135.

Разумеется, ситуация нестабильности на Оке не способствовала транзиту русских товаров на юг через Рязанское княжество, но и вряд ли имела для нее одномоментные разрушительные последствия. К тому же, с приходом в 1381 г. к власти Тохтамыша, в Орде наступила, пусть и недолгая, политическая стабилизация¹⁷⁴. Когда в 1389 г., на десятый день плавания по Дону, «три струги и насадъ» митрополита Пимена достигли татарских кочевий, то путников ожидал вполне мирный прием, «оть татаръ никто же... пообидѣ, точию возпросиша ны... ничтоже пакости творяху, и млеко намъ даяху, и аще с миромъ въ тишинѣ плавахомъ»¹⁷⁵.

Таким образом, нет оснований напрямую связывать затухание жизни на Верхнем Дону с ордынской «замятней» 60–70-х гг. XIV в.¹⁷⁶ Скорее всего, речь шла о падении в XV в. значения донской торговли вследствие усиления, с одной стороны, давления из степей, и с другой, после перехода верховьев Дона к Москве и последовавших вскоре освобождения Руси от ордынского ига существенных внешнеполитических перемен на ее южных окраинах, развитии альтернативных, в первую очередь сухопутных дорог, в Причерноморье.

References

Belobrov V. A. *Traditsionnyye russkiye mery dliny* [Traditional Russian Measures of Length]. Moscow: Sam poligrafist Publ., 2018. (In Russian).

Belobrova O. A. [Ignatius (Smolnyanin)]. *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi* [Dictionary of Scribes and Booklore of Ancient Rus']. Leningrad: Nauka Publ., 1988, iss. 2. The second half of the 14th–16th century, part 1. A–K, pp. 395–397. (In Russian).

Cherepnin L. V. *Obrazovaniye Russkogo tsentralizovannogo gosudarstva v XIV–XV vekakh: ocherki sotsial'no-ekonomicheskoy i politicheskoy istorii* [Formation of the Russian Centralized State in the 14th–15th Centuries: Essays On Socio-Economic and Political History]. Moscow: Izd-vo sotsial'no-ekonomicheskoy literatury Publ., 1960. (In Russian).

Chernetsov A. V. [The Problem of Evaluation of Historic Significance of the Mongol-Tatar Invasion as a Chronological Marker]. *Rus' v XIII veke: Drevnosti temnogo vremeni* [Rus' in the 13th Century. Inquiries into the Archaeology of the “Dark Ages”]. Moscow: Nauka Publ., 2003, pp. 12–17. (In Russian).

Chernetsov A. V., Strikalov I. Yu. [Staraya Ryazan and the Mongol-Tatar Invasion in the Light of New Investigations] *Rus' v XIII veke: Drevnosti temnogo vremeni* [Rus' in the 13th Century. Inquiries into the Archaeology of the “Dark Ages”]. Moscow: Nauka Publ., 2003, pp. 18–33. (In Russian).

Chodynski K. *Kościół prawosławny a Rzeczpospolita Polska. Zarys historyczny 1370–1632* [The Orthodox Church and the Republic of Poland. Historical Outline 1370–1632]. Warszawa: S. n., 1934. (In Polish).

Deduk A. V. [“List of Russian Cities Near and Far”: The History of the Study]. *Russkiy knizhnik* [Russian Scribe]. Moscow: Pashkov dom Publ., 2014, pp. 129–141. (In Russian).

Dolina Dona: priroda i landshafty [The Don River Valley: Nature and Landscapes]. Voronezh: Izd-vo Voronezhskogo un-ta Publ., 1982. (In Russian).

Efimenko P. S. *Narodnyye yuridicheskiye obychai krest'yan Arkhangel'skoy gubernii* [Folk Legal Customs of the Peasants of the Arkhangelsk Province]. Moscow: OGI Publ., 2009. (In Russian).

Egorov V. L. *Istoricheskaya geografiya Zolotoy Ordy v XIII–XIV vv.* [Historical Geography of the Golden Horde in the 13th–14th Centuries]. Moscow: Nauka Publ., 1985. (In Russian).

Fedorov-Davydov G. A. [Treasures of the Jochid Coins (The Main Stages in the Development of Monetary Circulation and Monetary Norms in the Golden Horde)]. *Numizmatika i epigrafika* [Numismatics & Epigraphy]. Moscow: Nauka Publ., 1960, vol. 1, pp. 94–192. (In Russian).

¹⁷⁴ Селезнев Ю. В. Тохтамыш — последний хан единой Орды // Вопросы истории. 2010. № 2. С. 125–126.

¹⁷⁵ ПСРЛ. Т. 11. С. 96.

¹⁷⁶ Ср. наблюдение А. В. Чернецова касательно гибели древнерусских населенных пунктов в результате событий 1237–1240 гг.: «В течение длительного времени монголо-татарское нашествие было для многих археологов... хронологическим рубежом», однако «мы должны ясно отдавать себе отчет в том, что устанавливаемая археологически дата гибели большинства... городищ слишком широка для того, чтобы связывать каждое такое событие с... нашествием» (Чернецов А. В. К проблеме оценки исторического значения монголо-татарского нашествия как хронологического рубежа // Русь в XIII веке. Древности темного времени. М., 2003. С. 13).

Fekhner M. V. *Torgovlya Russkogo gosudarstva so stranami Vostoka v XVI v.* [Trade of the Russian State with the Countries of the East in the 16th Century]. Moscow: GIM Publ., 1952. (Proceedings of State historical museum; iss. 21). (In Russian).

Fletcher G. *O gosudarstve Russkom* [About the Russian State]. Moscow: Zakharov Publ., 2002. (In Russian).

Gonyany M. I. [Ancient Russian Archaeological Sites of the Late 12th – 3rd Quarter of the 14th Century in the Lower Reaches of the Mokraya Tabola River on the Kulikovo Field]. *Velikoye knyazhestvo Ryazanskoye: Istoriko-arkheologicheskiye issledovaniya i materialy* [The Grand Duchy of Ryazan: Historical and Archaeological Research and Materials]. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli Publ., 2005, pp. 361–396. (In Russian).

Gonyany M. I. [Archaeological Sites of the Kulikovo Field (End of the 12th — Third Quarter of the 14th Century)]. *Kulikovo pole i Donskoye poboishche 1380 goda* [Kulikovo Field and the Donskoy Battle of 1380]. Moscow: GIM Publ., 2005, pp. 96–165. (Proceedings of State historical museum; iss. 150). (In Russian).

Gonyany M. I. [Preliminary Results of Archaeological Surveys Using Metal Detectors at the Ustyinsky Archaeological Complex on the Kulikovo Field]. *Trudy V (XXI) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s"yezda v Barnaule — Belokurikhe* [Proceedings of the 5th (21st) All-Russian Archaeological Congress in Barnaul — Belokurikha]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta Publ., 2017, vol. 2, pp. 165–170. (In Russian).

Gonyany M. I. [Results of Interdisciplinary Research at the Ustyinsky Archaeological Complex of the Late 12th–14th Century on the Kulikovo Field]. *Trudy III (XIX) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s"yezda* [Proceedings of the 3rd (19th) All-Russian Archaeological Congress]. Moscow; Saint Petersburg; Veliky Novgorod: IIMK RAN Publ., 2011, vol. 2, pp. 136–137. (In Russian).

Gonyany M. I. [Traces of a Jewelry Manufactory of the 14th Century at the Ustinsky Archaeological Complex in the Kulikovo Field Area]. *Zolotoordynskoye naslediyе. Materialy Vtoroy Mezhdunar. nauch. konf. "Politicheskaya i sotsial'no-ekonomicheskaya istoriya Zolotoy Ordyy", posvyashchennoy pamyati M. A. Usmanova* [Golden Horde Heritage. Materials of the Second International Sci. Conf. "Political and Socio-Economic History of the Golden Horde", Dedicated to the Memory of M. A. Usmanov]. Kazan: OOO "Foliant", Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT Publ., 2011, iss. 2, pp. 279–294. (In Russian).

Gonyany M. I. *Drevnerusskiye arkheologicheskiye pamyatniki kontsa XII — 3-y chetverti XIV v. rayona Kulikova polya* [Ancient Russian Archaeological Sites of the Late 12th – 3rd Quarter of the 14th Century of the Kulikovo Field Area]. Tula: ANO "Tretiy put" Publ., 2023. (In Russian).

Gonyany M. I., Dvurechensky O. V., Zaidov O. N., Shebanin G. A. [Exploration in the Kulikovo Field Area, Security Excavations in the South-Eastern Moscow Region]. *Arkheologicheskiye otkrytiya 2001 goda* [Archaeological discoveries of 2001]. Moscow: Nauka Publ., 2002, pp. 131–135. (In Russian).

Gonyany M. I., Kats M. Ya., Naumov A. N. [Ancient Russian Archaeological Sites of Late 12th — Third Quarter of the 14th cc. at the Nepryadva River Estuary in the Kulikovo Field]. *Rus' v XIII v. Drevnosti temnogo vremeni* [Rus' in the 13th Century. Inquiries into the Archaeology of the "Dark Ages"]. Moscow: Nauka Publ., 2003, pp. 228–252. (In Russian).

Gritsenko V. P., Naumov A. N. [Ancient Tula. Problems of Localization and History]. *Tul'skiy krayevedcheskiy al'manakh* [Tula Local History Almanac], 2003, no. 1, pp. 6–11. (In Russian).

Hautala R. *V zemlyakh "Severnoy tartarii". Svedeniya latinskikh istochnikov o Zolotoy Orde v pravleniye khana Uzbeka (1313–1341)* [In the Lands of the "Northern Tartary". Information from Latin Sources about the Golden Horde during the Reign of Khan Uzbek (1313–1341)]. Kazan: Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT Publ., 2019. (In Russian).

Ivanov D. A., Strikalov I. Yu., Chelyapov V. P. [Settlement Structure of the 12th–15th Centuries of the Pronya and Ranovy Interfluves]. *Velikoye knyazhestvo Ryazanskoye: Istoriko-arkheologicheskiye issledovaniya i materialy* [The Grand Duchy of Ryazan: Historical and archaeological research and materials]. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli Publ., 2005, pp. 357–358. (In Russian).

Karpov S. P. *Istoriya Tany (Azova) v XIII–XV vv.* [History of Tana (Azov) in the 13th–15th Centuries]. Saint Petersburg: Aleteyya Publ., 2021, vol. 1. Tana in the 13th–14th centuries. (In Russian).

Khoroshev V. A. [Means of Transportation]. *Arkheologiya. Drevnyaya Rus': Byt i kul'tura* [Archaeology. Ancient Rus': Life and Culture]. Moscow: Nauka Publ., 1997, pp. 120–129. (In Russian).

Khoroshkevich A. L. [About the Place of the Kulikovo Battle]. *Istoriya SSSR* [History of the USSR], 1980, no. 4, pp. 92–106. (In Russian).

Kolyzin A. M. *Torgovlya drevney Moskvy: (XII — seredina XV v.)* [Trade of Ancient Moscow: (12th — Mid-15th century)]. Moscow: S. n., 2001. (In Russian).

Koval V. Yu. [Eastern Connections of the Ryazan Land Based On Imported Ceramics]. *Velikoye knyazhestvo Ryazanskoye: Istoriko-arkheologicheskkiye issledovaniya i materially* [The Grand Duchy of Ryazan: Historical and Archaeological Research and Materials]. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli Publ., 2005, pp. 480–520. (In Russian).

Koval V. Yu. [Planning of Medieval Rostislavl]. *Velikoye knyazhestvo Ryazanskoye: Istoriko-arkheologicheskkiye issledovaniya i materially* [The Grand Duchy of Ryazan: Historical and Archaeological Research and Materials]. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli Publ., 2005, pp. 262–287. (In Russian).

Kuchkin V. A. [Dating of the List “And These are the Names of all Russian Cities Near and Far”]. *Drevnyaya Rus'. Voprosy mediyevistiki* [Old Russia. The Questions of Middle Ages], 2015, no. 3 (61), pp. 70–72. (In Russian).

Kuchkin V. A. [Early History of the Zaraysk city and the Problem of its Sources]. *Zaraysk* [Zaraysk]. Moscow: Drevlekhranilishche Publ., 2002, vol. 1, pp. 40–113. (In Russian).

Kudryashov V. N. *Polovetskaya step': Ocherki istorii geografii* [Polovtsian Steppe: Essays on the History of Geography]. Moscow: Geografizdat Publ., 1948. (In Russian).

Kuza A. V. *Malyye goroda Drevney Rusi* [Small Towns of Ancient Rus']. Moscow: Nauka Publ., 1989. (In Russian).

Lapshina I. Yu. [On the Issue of the Beginning of the “Great Troubles” in the Golden Horde]. *Zolotoordynskoye naslediyе. Materialy Vtoroy Mezhdunar. nauch. konf. “Politicheskaya i sotsial'no-ekonomicheskaya istoriya Zolotoy Ordyy”, posvyashchennoy pamyati M. A. Usmanova* [Golden Horde Heritage. Materials of the Second International Sci. Conf. “Political and Socio-Economic History of the Golden Horde”, Dedicated to the Memory of M. A. Usmanov]. Kazan: OOO “Foliant”, Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT Publ., 2011, iss. 2, pp. 105–110. (In Russian).

Lavrentiev A. V. [On the History of the Upper Don in the 14th–16th Centuries]. *Izucheniye istoriko-kul'turnogo i prirodnogo naslediya Kulikova polya* [Study of the Historical, Cultural and Natural Heritage of the Kulikovo Field]. Moscow; Tula: S. n., 1999, pp. 40–72. (State Museum-Reserve “Kulikovo field”. Scientific works; iss. 2). (In Russian).

Lavrentiev A. V. *Dva “grada na Tule”. K 500-letiyu Tul'skogo kremlya* [Two “Towns on Tula”. To the 500th Anniversary of the Tula Kremlin]. Tula: Gosudarstvennyy muzey-zapovednik “Kulikovo pole” Publ., 2020. (In Russian).

Lavrentiev A. V. *Posle Kulikovskoy bitvy: Ocherki istorii Oksko-Don'skogo regiona v posledney chetverti XIV — pervoy chetverti XVI v.* [After the Kulikovo Battle. Essays on the History of the Oka-Don Region in the Last Quarter of the 14th — the First Quarter of the 16th Century]. Moscow: Kvadriga Publ., 2011. (In Russian).

Maiko V. V. [Coin of the Ryazan Principality in the Crimea]. *Sugdeyskiy sbornik* [Sougdaia collection]. Kyiv; Sudak: “Akademperiodika” Publ., 2005, iss. 2, pp. 496–505. (In Russian).

Majeska J. [Russian-Byzantine Relations in 1240–1453: Pilgrims, Diplomats, Merchants]. *Iz istorii russkoy kul'tury* [From the History of Russian Culture]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2002, vol. 2, book 1. Kievan and Moscow Rus', pp. 358–373. (In Russian).

Mikul'skiy Yu. N. [Lithuanian Prince Vitovt as an Orthodox Ktitor (1392–1430)]. *Belaruskaja Daŭnina* [Belarusian Ancient times]. Minsk: S. n., 2015, iss. 2, pp. 27–42. (In Russian).

Milovanov S. I. [Don Trade Route in the Middle and Upper Reaches in the 14th–15th Centuries According to Numismatic Data]. *Kulikovo pole i Yugo-Vostochnaya Rus' v XII–XIV vv.* [Kulikovo Field and South-Eastern Rus' in the 12th–14th Centuries]. Tula: Infra Publ., 2005, pp. 134–144. (In Russian).

Mongait A. L. *Ryazanskaya zemlya* [Ryazan Land]. Moscow: izd-vo AN SSSR Publ., 1961. (In Russian).

Nasonov A. N. *“Russkaya zemlya” i obrazovaniye territorii Drevnerusskogo gosudarstva: Istoriko-geograficheskoye issledovaniye* [“Russian Land” and the Formation of the Territory of the Ancient Russian State: Historical and Geographical Research]. Moscow: izd-vo AN SSSR Publ., 1951. (In Russian).

Naumov A. N. *Chernaya metallurgiya i zhelezoobrabotka na sel'skikh pamyatnikakh Kulikova polya v kontse XII — tret'yey chetverti XIV v.* [Ferrous Metallurgy and Ironworking at the Rural Sites of the Kulikovo Field at the End of the 12th — Third Quarter of the 14th Century]. Tula: Levsha Publ., 2008. (In Russian).

Naumov A. N. *Kulikovo pole v XII–XX vv.: Istoriko-geograficheskie ocherki* [Kulikovo Field in the 12th–20th Centuries: Historical and Geographical Essays]. Tula: Alfa Print Publ., 2017. (In Russian).

Pesterev V. V. [Bol'shoy Chertezh: Returning to the Problem of Authorship and Dating of the General Map of the Tsardom of Muscovy]. *Rossiiskaia Istorii* [Russian History], 2022, no. 6, pp. 87–100. (In Russian).

Pochekaev R. Yu. *Zolotaya Orda. Istoriya v imperskom kontekste* [Golden Horde. History in an Imperial Context]. Saint Petersburg: Eurasia Publ., 2017. (In Russian).

Polekhov S. V. [Marriages of Prince Svidrigailo Olgerdovich]. *“Po lyubvi, v pravdu bezo vsyakiye khitrosti”*. *Druz'ya i kollegi k 80-letiyu Vladimira Andreyevicha Kuchkina* [“For Love, In Truth, Without Any Tricks.” Friends and Colleagues to the 80th Anniversary of Vladimir Andreevich Kuchkin]. Moscow: Indrik Publ., 2014, pp. 235–268. (In Russian).

Polekhov S. V. [The List of Svitrigaila's Towns. Dating and Edition]. *Drevnyaya Rus'. Voprosy mediyevistiki* [Old Russia. The Questions of Middle Ages], 2014, no. 4 (58), pp. 111–125. (In Russian).

Prokhorov G. M. [The Tale of Mityai]. *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi* [Dictionary of Scribes and Booklore of Ancient Rus']. Leningrad: Nauka, Leningr. otd-niye Publ., 1987, iss. 1. The 11th — the first half of the 14th century, pp. 252–253. (In Russian).

Pubblici L. Western Immigration in the Fourteen-Century Golden Horde: The Case of Tana. *Zolotoordynskoye obozreniye* [Golden Horde Review], 2021, vol. 9, no. 1, pp. 90–107. DOI: 10.22378/2313-6197.2021-9-1.90-107 (In English).

Rabinovich M. G. *Ocherki etnografii russkogo srednevekovogo goroda. Gorozhane, ikh obshchestvennyy i domashniy byt* [Essays on the Ethnography of a Russian Medieval City. Citizens, Their Social and Domestic Life]. Moscow: Nauka Publ., 1978. (In Russian).

Reshetova A. A., Topolova O. S. [Ryazan Realia in 'The Journey of Ignatius of Smolensk to Constantinople']. *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S. A. Yesenina* [Bulletin of Ryazan State University Named for S. A. Yessenin], 2012, no. 2 (35), pp. 76–93. (In Russian).

Romanova G. Ya. *Ob"yasnitel'nyy slovar' starinnykh russkikh mer* [Explanatory Dictionary of Ancient Russian Measures]. Moscow: Izd-vo un-ta Dmitriya Pozharskogo Publ., 2017. (In Russian).

Rybakov B. A. *Remeslo Drevney Rusi* [Handicraft of Ancient Rus']. Moscow: Nauka Publ., 2015. (In Russian).

Seleznev Yu. V. [Tokhtamysh — the last Khan of the United Horde]. *Voprosy istorii* [Issues of History], 2010, no. 2, pp. 122–131. (In Russian).

Seleznev Yu. V. *Russko-ordynskiye konflikty XIII–XV vv.* [Russian-Horde Conflicts of the 13th–15th Centuries]. Moscow: Kvadriga Publ., 2010. (In Russian).

Shebanin G. A. [About the Possessions of the Ryazan Princes on the Right Bank of the Upper Don at the End of the 14th — Beginning of the 16th Century]. *Dmitriy Donskoy i epokha vrozhdeniya Rusi. Sobytiya, pamyatniki, traditsii* [Dmitry Donskoy and the Era of the Revival of Rus'. Events, Monuments, Traditions]. Tula: Tul. Poligrafist Publ., 2001, pp. 162–171. (In Russian).

Shebanin G. A. [The Oka-Don Route of the 12th — Early 13th Century in the Light of New Archaeological Data]. *Kulikovo pole: voprosy istoriko-kul'turnogo naslediya* [Kulikovo Field: Questions of Historical and Cultural Heritage]. Tula: Tul. Poligrafist Publ., 2000, pp. 118–122. (In Russian).

Shebanin G. A. [To the Question of the Localization of Dorozhen]. *N. I. Troitskiy i sovremennyye issledovaniya istoriko-kul'turnogo naslediya Tsentral'noy Rossii: v 2 t.* [N. I. Troitsky and Modern Studies of the Historical and Cultural Heritage of Central Russia: in 2 vols.]. Tula: INFRA Publ., 2002, vol. 1, pp. 209–213. (In Russian).

Shpuler B. *Zolotaya orda. Mongoly v Rossii. 1222–1502 gg.* [Golden Horde. Mongols in Russia. 1222–1502]. Saint Petersburg: Eurasia Publ., 2018. (In Russian).

Shubin I. A. *Volga i volzhskoye sudokhodstvo (Istoriya, razvitiye i sovremennoye sostoyaniye sudokhodstva i sudostroyeniya)* [The Volga and the Volga Navigation (History, Development and Current State of Navigation and Shipbuilding)]. Moscow: Transpechat' Publ., 1927. (In Russian).

Shvatchenko O. A. [Location of the Border City-Fortress Chur-Mikhailov and Monuments of the Kulikovo Cycle]. *Kulikovo pole: Materialy i issledovaniya* [Kulikovo Field: Materials and Researches]. Moscow: GIM Publ., 1990, pp. 97–100. (Proceedings of State historical museum; iss. 73). (In Russian).

Skrzhinskaya E. Ch. [History of Tana (14th–15th Centuries)]. *Barbaro i Kontarini o Rossii. K istorii russko-ital'yanskikh svyazey XV v.* [Barbaro and Contarini about Russia. On the History of Russian-Italian Relations in the 15th Century]. Leningrad: Nauka Publ., 1971, pp. 11–20. (In Russian).

Skrzhinskaya E. Ch. [The Venetian Ambassador to the Golden Horde (According to the Tombstone of Yacoro Kornaro, 1362)]. *Vizantiyskiy vremennik* [Byzantine Chronicle], 1973, vol. 35, pp. 111–116. (In Russian).

Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. [Dictionary of the Russian Language of the 11th–17th Centuries]. Moscow: Nauka Publ., 1975, iss. 2. (In Russian).

Sudakov V. V., Bulankin V. M. [The Cultural Layer of Pereyasavl Ryazan]. *Velikoye knyazhestvo Ryazanskoye: Istoriko-arkheologicheskiye issledovaniya i materialy* [The Grand Duchy of Ryazan: Historical and Archaeological Research and Materials]. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli Publ., 2005, pp. 241–261. (In Russian).

Syroechkovsky V. E. [Ways and Conditions of Relations Between Moscow and Crimea at the Turn of the 16th Century]. *Izvestiya AN SSSR. Otdeleniye obshchestvennykh nauk* [Proceedings of the Academy of Sciences of the USSR. Department of Social Sciences], 1932, no. 3, pp. 193–237. (In Russian).

Syroechkovsky V. E. *Gosti-surozhane* [Guests-Surozhans]. Moscow; Leningrad: State Gosudarstvennoye sotsial'no-ekonomicheskoye izd-vo Publ., 1935. (Bulletin of the State Academy of the History of Material Culture named after N. Ya. Marr; iss. 127). (In Russian).

Temushev V. N. [The Struggle for Lopastna between Moscow and Ryazan]. *Verkhneye Podon'ye: Priroda. Arkheologiya. Istoriya: v 2 t.* [The Upper Don Region: Nature. Archaeology. History: in 2 vols.]. Tula: Infra Publ., 2004, vol. 2, pp. 44–56. (In Russian).

Tikhomirov M. N. [The “List of Russian Cities Far and Near”]. *Tikhomirov M. N. Russkoye letopisaniye* [Tikhomirov M. N. Russian chronicle-writing]. Moscow: Nauka Publ., 1979, pp. 83–136. (In Russian).

Tikhomirov M. N. *Drevnyaya Moskva. XII–XV vv.* [Ancient Moscow. 12th–15th Centuries]. Moscow: MGU Publ., 1947. (In Russian).

Tikhomirov M. N. *Istoricheskiye svyazi Rossii so slavyanskimi stranami i Vizantiyey* [Historical Relations of Russia with the Slavic Countries and Byzantium]. Moscow: Nauka Publ., 1969. (In Russian).

Tikhomirov M. N. *Rossiya v XVI stoletii* [Russia in the 16th Century]. Moscow: Izd-vo AN SSSR Publ., 1962. (In Russian).

Tikhomirov M. N. *Srednevekovaya Moskva v XIV–XV vekakh* [Medieval Moscow in the 14th–15th Centuries]. Moscow: Izd-vo AN SSSR Publ., 1957. (In Russian).

Toporov V. N. [Baltic Traces on the Upper Don]. *Balto-slavyanskiye issledovaniya. 1988–1996* [Balto-Slavic Studies. 1988–1996]. Moscow: Indrik Publ., 1997, pp. 311–324. (In Russian).

Trepavlov V. V. *Stepnyye imperii Evrazii. Mongoly i tatory* [The Steppe Empires of Eurasia. Mongols and Tatars]. Moscow: Kvadruga Publ., 2015. (In Russian).

Trepavlov V. V. *Zolotaya Orda v XIV stoletii* [The Golden Horde in the 14th Century]. Moscow: Kvadruga Publ., 2010. (In Russian).

Tushin Yu. P. *Russkoye plavaniye na Kaspiyskom, Azovskom i Chernom moryakh (XVII vek)* [Russian Navigation in the Caspian, Azov and Black Seas (17th Century)]. Moscow: Nauka Publ., 1978. (In Russian).

Volkov I. V. [Peculiarities of Money Circulation in the Ryazan-Moscow Border Area in the Last Quarter of the 14th — Early 15th Century]. *Arkheologiya Podmoskov'ya* [Archaeology of the Moscow Region], 2004, no. 1, pp. 353–356. (In Russian).

Vorotyntsev L. V. [Russian Lands in the System of Trade Communications of the Tatar world (“Pax Tartarica”)]. *Oazisy Shelkovogo puti: istoricheskiye istoki integratsionnykh protsessov v Evrazii* [Oases of the Silk Road: Historical Origins of Integration Processes in Eurasia]. Moscow; Kazan: Islamskaya kniga Publ., 2020, pp. 126–127. (In Russian).

Vvedenskiy A. A. *Torgovyy dom XVI–XVII vekov* [Trading House of the 16th–17th Centuries]. Leningrad: Voyennaya tipografiya Publ., 1924. (In Russian).

Yurkin I. N. *Vodnyy trakt Kulikova polya: Stranitsy istorii Ivanovskogo kanala* [The Water Tract of the Kulikovo Field: Pages of the History of the Ivanovo Canal]. Tula: Gosudarstvennyy muzey-zapovednik “Kulikovo pole” Publ., 2020. (In Russian).

Yuyukin M. [From the Baltic Hydronymy of the Basin of the Upper Don]. *Žmogus ir žodis / Svetimosios kalbos* [Man and the Word / Foreign languages], 2016, vol. 1, no. 3, pp. 50–56. (In Russian).

Zagorovskiy V. P. *Istoriya vkhozheniya Tsentral'nogo Chernozem'ya v sostav Rossiyskogo gosudarstva v XVI veke* [The History of the Entry of the Central Chernozem Region into the Russian State in the 16th Century]. Voronezh: Izd-vo Voronezhskogo un-ta Publ, 1991. (In Russian).

Zaidov O. N. [Ground Burial Grounds of the Starotulitsky Settlement]. *Tula istoricheskaya: proshloye i nastoyashcheye* [Historical Tula: Past and Present]. Tula: TulGU Publ., 1997, pp. 21–23. (In Russian).

Zaitsev A. K. [Where was the “place named Berezuy” “Tales of the Mamaev Battle”?]. *Verkhneye Podon'ye: Priroda. Arkheologiya. Istoriya: v 2 t.* [The Upper Don Region: Nature. Archaeology. History: in 2 vols.]. Tula: Infra Publ., 2004, vol. 2, pp. 5–12. (In Russian).

Zimin A. A. *Vityaz' na rasput'ye: Feodal'naya voyna v Rossii XV v.* [The Knight at the Crossroads: Feudal War in Russia in the 15th Century]. Moscow: Mysl' Publ., 1991. (In Russian).

УДК 94(470.333):528.94

DOI: 10.58529/2782-6511-2023-2-2-46-67

Грязнов Анатолий Леонидович

старший научный сотрудник НП «НИЦ «Древности» (Россия, Вологда)

ORCID: 0000-0001-9183-2010

E-mail: rubicon-2@yandex.ru

Сергеев Антон Вадимович

кандидат исторических наук, заведующий кафедрой «Промышленной безопасности» ЧОУ ДПО «Институт промышленной безопасности, охраны труда и социального партнерства» (Россия, Санкт-Петербург)

ORCID: 0000-0002-3255-5743

E-mail: sergeev1967@inbox.ru

**Реконструкция и картографирование родового землевладения
на примере Стародубских Рюриковичей**

АННОТАЦИЯ. В статье анализируются общие тенденции и особенности эволюции родового землевладения Стародубских Рюриковичей. Особенность эволюции родового княжеского землевладения в Стародубском уезде заключалась в минимальном влиянии опричнины и Указа 1579/80 г. о выкупе казной княжеских вотчин. Этот процесс преимущественно определяли ограничение наследования выморочных владений князьями боковых линий и практика передач земель монастырям в обеспечение спасения души. Действие естественных демографических факторов усиливали войны, эпидемии, сокращавшие численность фамилий. Тенденция разрушения крупных вотчинных комплексов местных княжеских фамилий проявилась вполне отчетливо уже в конце XVI в. Возвышение Пожарских и Ромодановских, сохранение высокого положения Хилковыми и Татевыми создали здесь в первой половине XVII в. условия для «ренессанса» родового княжеского землевладения. Построенные карты иллюстрируют изменения размеров владений, состава землевладельцев рассматриваемого района в середине XVI в. и в 1620-х гг.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: князья Стародубские, социальный статус, служба, землевладение, поместье, вотчина

UDC 94(470.333):528.94

DOI: 10.58529/2782-6511-2023-2-2-46-67

Anatoly L. Gryaznov

Research Center «Antiquities» (Russia, Vologda)

ORCID: 0000-0001-9183-2010

E-mail: rubicon-2@yandex.ru

Anton V. Sergeev

Candidate of Historical Sciences, Institute of Industrial Safety, Labor Protection and Social Partnership (Russia, St. Petersburg)

ORCID: 0000-0002-3255-5743

E-mail: sergeev1967@inbox.ru

Reconstructing and Mapping Ancestral Land Tenure by the Example of the Starodub Rurikids

ABSTRACT. The article analyzes the general tendencies and peculiarities of the evolution of the Starodub Rurikids family landownership. The specifics of the evolution of the princely family landownership in Starodub uyezd consisted in minimal influence of the oprichnina and the 1579/80 decree on the redemption of the princely fiefdoms by the treasury. This process was mainly determined by the restriction of the inheritance of escheat possessions by the princes of lateral lines and the practice of land transfers to monasteries to ensure the salvation of the soul. The effects of natural demographic factors were intensified by wars and epidemics which reduced the number of families. The tendency of destroying large patrimonial complexes of local princely surnames manifested itself quite clearly already in the end of the 16th century. The rise of the Pozharsky and Romodanovsky families, the maintenance of a high position by the Khilkovs and Tatevs created here in the first half of the 17th century conditions for the "renaissance" of the patrimonial princely land tenure. The constructed maps illustrate the changes in the size of possessions, the composition of landowners of the considered area in the mid-16th century and in the 1620s.

KEYWORDS: princes Starodubsky, social status, service, land tenure, estates, fiefdoms

К началу XVI в. из Стародубской ветви Рюриковичей выделились 15 фамилий (рис. 1)¹. В биографическом аспекте историками лучше других изучены Пожарские² и Ромодановские³. Немало ценных сведений о районах расположения, размерах вотчин, поместий лиц княжеских фамилий содержат исследования В. Б. Кобрин⁴, О. А. Шватченко⁵, А. П. Павлова⁶. Исследование эволюции структур землевладения в Стародубском уезде осуществлено М. И. Давыдовым⁷. Изменения территориальной организации Стародубского и смежных с ним районов рассмотрены А. Ю. Кабановым⁸. Ряд работ, имеющих непосредственное отношение к рассматриваемой теме, опубликован авторами настоящей статьи⁹.

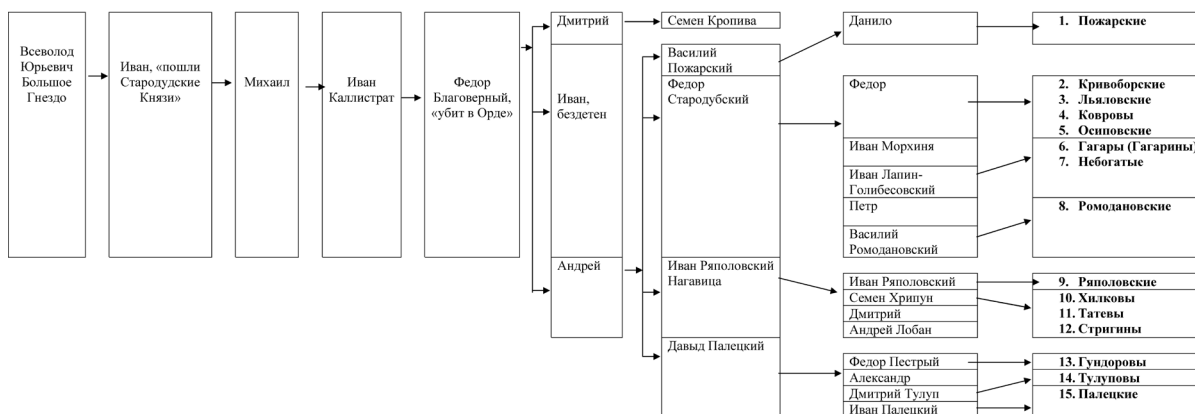

Рис. 1. Родословная Стародубских Рюриковичей

Несмотря на сравнительную изученность истории Стародубской ветви Рюриковичей, немало ее аспектов остаются мало исследованными. Задача предлагаемой статьи заключается в систематизации и расширении сведений об эволюции землевладения князей Стародубских, выяснении общих тенденций и особенностей этого процесса, картографировании отдельных этапов, а также специальное рассмотрение действия Указа 1579/80 г., в оценке реализации которого разошлись точки зрения А. П. Павлова и М. И. Давыдова.

Необходимые для предпринятого исследования данные получены из трех групп источников. Выяснение состава фамилий, социального статуса князей осуществлялось с помощью перечней

¹ Родословная книга князей и дворян российских и выезжих. М., 1787. Ч. 2. С. 58–85.

² Эскин Ю. М. Дмитрий Михайлович Пожарский. М., 2013; В тени великого родственника: князя Дмитрий и Роман Лопата-Пожарские // Кабанов А. Ю., Семененко А. М. Ивановский край в Смутное время. Иваново, 2010. С. 197–199.

³ Назаров В. Д. Князя Ромодановские в эпоху становления Российского централизованного государства // Государев двор в истории России XV–XVII столетий. Владимир, 2006. С. 32–84; Поляков И. А. Род князей Ромодановских в XVII в. и их книжное собрание: дис. ... к. и. н. СПб., 2020.

⁴ Кобрин В. Б. Власть и собственность в средневековой России (XV–XVI вв.). М., 1985.

⁵ Шватченко О. А. Эволюция светских феодальных вотчин в России в конце XVI — начале XVIII в.: дис. ... д. и. н. М., 1997.

⁶ Павлов А. П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). СПб., 1992; Он же. Думные и комнатные люди царя Михаила Романова: просопографическое исследование. СПб., 2019. Т. 1–2.

⁷ Давыдов М. И. Стародуб Ряполовский в XIII–70-х гг. XVI в.: политическое развитие, административно-территориальное устройство, эволюция структур землевладения: дис. ... к. и. н. Владимир, 2004.

⁸ Кабанов А. Ю. Территориальная реорганизация Суздальского уезда во второй половине XVI — начале XVII века: создание новых уездов // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2017. № 1. С. 15–22.

⁹ Грязнов А. Л. Суздальский уезд в первой трети XVII в.: Атлас. Владимир, 2014; Сергеев А. В. Стародубские Рюриковичи в Тысячной книге 1550 г. и Дворовой тетради начала 1550-х гг. // Клио. 2018. № 8 (140). С. 36–48; Он же. Князя Пожарские в Русском государстве XVI–XVII вв.: политическая деятельность и землевладение // Клио. 2018. № 9 (141). С. 75–87; Он же. Политическая деятельность и землевладение княжеской аристократии Московского государства XVI в.: князя Палецкие // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2019. № 3 (77). С. 43–59; Он же. Эволюция территориальных княжеских объединений Суздальских и Стародубских Рюриковичей в конце XV–XVI в. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. М., 2019. Вып. 6. С. 82–86; Он же. Князя Гагарины в Русском государстве XVI–XVII вв. // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXXII Международной научной конференции. Москва, 11–12 апр. 2019 г. М., 2019. С. 362–364; Он же. Место Стародубских Рюриковичей в служилом сословии Московского государства второй трети XVI в. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2021. № 1. С. 23–32.

(«реестров») Государева двора, родословных книг; при изучении характера и эволюции княжеского землевладения использовались писцовые книги, актовый материал, экономические примечания к Планам Генерального межевания; в биографических, генеалогических изысканиях — документы монастырских архивов.

Определить основные районы землевладения лиц княжеских и нетитулованных фамилий для середины XVI в. можно по Тысячной книге 1550 г. и Дворовой тетради 1550-х гг. (далее — ДТ), запись в которые осуществлялась, как правило, по уездам, где располагались земельные владения, с которых несли службу лица, включенные в эти источники¹⁰. Также сведения о службе в составе Государева двора, районах землевладения лиц княжеских фамилий содержат Боярские списки¹¹.

Состав княжеских семей позволяют установить **родословные книги**¹².

Сопоставление сведений **писцовых материалов**¹³ с родословными книгами, актами дает возможность изучить эволюцию землевладения княжеских фамилий. В актах упоминаются вотчины и поместья, иные сведения, отсутствующие в других источниках. Особую ценность представляют «духовные» грамоты, поскольку «это единственная разновидность актов, из которой можно получить сведения о всех владениях служилого человека»¹⁴.

Ключом к решению проблемы определения состава территории — как мельчайших владений, так и целых уездов — являются **планы Генерального межевания** (непосредственно планы конкретных дач и их совокупность, сведенная в Генеральные уездные планы). Генеральное межевание зафиксировало владельческий статус практически всей территории Европейской части Российской империи, в том числе бывших уездов Замосковского края XVI–XVII вв. В Экономических примечаниях к планам Генерального межевания была зафиксирована топонимическая номенклатура (названия жилых селений, пустошей, множества сенокосных угодий, рек, речек и ручьев), а на планах были отражены границы каждого владения во второй половине XVIII в.

Памятники монастырских архивов. Записи вкладных книг¹⁵, синодиков¹⁶ позволяют уточнить родословные, установить время смерти или пострижения отдельных лиц, выявить брачные связи между семьями, содержат сведения о земельных вкладах.

Методика картографирования. Общепринятый способ определения территории и границ вотчинных и поместных комплексов заключается в отождествлении топонимов, упоминаемых в источниках, с топонимами, обнаруживаемыми на картах XIX–XX вв. Кардинальным образом расширение топонимической номенклатуры достигается за счет использования в историко-географических исследованиях Планов Генерального межевания и Экономических примечаний к ним. Большинство топонимов, зафиксированных Экономическими примечаниями, — пустоши, не отраженные непосредственно на планах и потому не попавшие на более поздние карты. Сопоставление данных экономических примечаний и уездных планов позволяет определить не только местоположение пустошей и жилых поселений, но и зафиксировать границы земельных угодий, «тянувших к ним». Практически все эти топонимы (жилые поселения и пустоши) обнаруживаются в писцовых и переписных книгах XVII в. Таким образом, сведения письменных источников позволяют произвести надежное сопоставление с топонимической номенклатурой географических карт.

К концу XVIII в. на прежней территории Замосковского края четко выделялись три основных типа земельной собственности. Первый — это бывшие монастырские вотчины, находившиеся к тому моменту в ведении Коллегии экономии. Они обычно достигали значительных размеров и по большей части состояли из сплошных земельных массивов. Второй тип — дворянские имения. Как правило, земельные дачи, принадлежавшие частным владельцам, были невелики по размерам. Примерно половина из них состояла из одной деревни или пустоши. Причем даже

¹⁰ Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. М.; Л., 1950.

¹¹ Станиславский А. Л. Труды по истории государева двора в России XVI–XVII вв. М., 2004. С. 191–431.

¹² Родословная книга князей и дворян российских и выезжих. М., 1787. Ч. 1–2; РГАДА. Ф. 181. Оп. 2. № 173. Родословная книга князя А. И. Лобанова и др.

¹³ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 11320. Писцовая книга Суздальского уезда и др.

¹⁴ Кобрин В. Б. Указ. соч. С. 14.

¹⁵ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987 (далее — ВКТСМ) и др.

¹⁶ ОР РГБ. Ф. 304/III. № 25. Синодик Троице-Сергиева монастыря (далее — С–25).

для таких маленьких дач была характерна высокая доля совладений. Третий тип владений — бывшие дворцовые волости, как остававшиеся во владении царской семьи, так и пожалованные к тому времени крупным сановникам. Этот тип владений даже в сравнении с бывшими монастырскими вотчинами отличался большей величиной каждого отдельного комплекса и целостностью территории.

Важным является и то, что для монастырских вотчин и дворцовых волостей характерна стабильность состава и границ на протяжении XVII–XVIII вв. После ограничительных мер последней трети XVI в. рост владений духовных феодалов практически прекратился. В тех же случаях, когда властям того или иного монастыря удавалось обойти запрет, в их архивах откладывалась документация, описывавшая ход этого процесса. Для дворцового же землевладения в указанное время именно несущественные изменения границ и состава были крайне редки.

Исходя из вышеизложенного, наиболее оправданным подходом к реконструкции владельческих комплексов XVI–XVII вв. представляется следующая последовательность действий. По планам Генерального межевания определяются границы монастырских вотчин во второй половине XVIII в. Жилые поселения этих вотчин соотносятся с монастырскими селами и деревнями, занесенными в писцовые и переписные книги XVII в. Затем сведения писцовых книг соотносятся с топонимами, упоминаемыми в актах XVI–XVII вв. На этом этапе важна реконструкция владельческой истории каждого вотчинного комплекса. Это позволяет более точно соотнести одноименные или созвучные названия поселений. Аналогичным образом анализируются территории дворцовых волостей. Следующий этап — соотнесение оставшейся территории с поместьями и вотчинами служилых людей по писцовым книгам XVII в. Здесь сложность заключается в том, что частные владения в XVII–XVIII вв. подверглись большему запустению, чем монастырские вотчины. Соответственно доля жилых поселений, зафиксированных на картах XIX–XX вв., сравнительно низка. Локализация поселений позднейших светских владений позволяет определить территорию и наметить границы практически каждого поместья и вотчины XVII в. Реконструированная таким образом территория владельческих комплексов первой трети XVII в. соотносится со сведениями актов о владельческих комплексах XVI в. На основании этого сравнения и данных генеалогии реконструируется владельческая история всего изучаемого региона. Сохранившиеся разъезжие грамоты и межевые описания XVI–XVII вв. в целом ряде случаев дают возможность проверить верность произведенных отождествлений и подтвердить или уточнить преемственность границ владений XVI, XVII и XVIII вв.

Изложенная методика была апробирована на писцовых материалах Суздальского уезда¹⁷ и при реконструкции родового землевладения отдельных фамилий Белозерских князей¹⁸.

***

В соответствии с основными политическими процессами второй трети XVI — первой трети XVII в. в эволюции княжеского землевладения Стародубских Рюриковичей выделим хронологические «срезы»: 1500–1565 гг.; 1565–1610 гг.; 1610–1630 гг. Верхнюю границу первого периода определяют введение опричнины в 1565 г. и связанные с этим крупные изменения в княжеском землевладении, а также перемещения многих фамилий из одних регионов в другие. Во втором этапе к 1610 г. истек срок 40 лет, в течение которого можно было добиваться возвращения вотчины¹⁹, а в политическом отношении — приход к власти «боярского правительства». В создавшихся условиях некоторые князья предпринимали попытки вернуть земли, утраченные во второй половине XVI в.

Картина землевладения в **Стародубском** уезде к концу XV в. представлена на отдельной карте (см. цв. вклейку, рис. 3).

¹⁷ Грязнов А. Л. Методика реконструкции владельческих комплексов XVI–XVII вв. и практические аспекты ее реализации (на примере западной половины Опольского стана Суздальского уезда) // Суздальский сборник за 2014 год. Сборник научных статей. Владимир, 2015. С. 41–90.

¹⁸ Грязнов А. Л. Родовое землевладение князей Шелешпальских в XV–XVI вв. // Историческая география. М., 2014. Т. 2. С. 105–151; Он же. «В Пошехонье на Ухтоме» и Ухтомская волость: XVI — начало XVII века // Историческая география. М., 2016. Т. 3. С. 318–346.

¹⁹ Этот срок был установлен Судебником 1550 г. (Судебники XV–XVI веков. СПб., 2015. С. 171–172, 297–319. Ст. 85).

1500–1565 гг. Преуспевшие на службе в Государевом дворе фамилии Ряполовских, Стригиных, Хилковых, Татевых, Ромодановских владели большими вотчинными комплексами. Размножившиеся и не слишком продвинувшиеся по службе Пожарские, Кривоборские, Льяловские, Ковровы, Гундоровы, Тулуповы являлись мелкими и средними землевладельцами. Больше других измелчали владения Гагариных, что вынудило их в первой половине XVI в. перейти на поместья в другие районы, полностью потеряв связи с «родовым гнездом». Палецким во второй трети XVI в. удалось сделать успешную служебную карьеру. Как младшим в «родословной лестнице» им изначально могло достаться небольшое владение, которое делилось между сыновьями и внуками князя И. Д. Палецкого. Косвенно о недостаточном обеспечении родовыми владениями Палецких свидетельствует служба князей этой фамилии с земель, расположенных в иных районах²⁰. Сведения о владениях Палецких в «родовом гнезде» сохранились плохо. Упоминание о них содержит духовная грамота Ивана Грозного 1572 г.²¹ В стане Демин Суздальского уезда располагалась вотчина (село и 7 пустошей) князя Андрея Дмитриевича Палецкого, частично лежавшая в 1620-х гг. в «порозжих землях»²².

Сведения актового материала и некоторых других источников дают основание заключить, что во второй трети XVI в. все фамилии Стародубских Рюриковичей (кроме Гагариных) сохраняли поземельные связи с «родовым гнездом». Отмеченный факт стал одним из главных критериев реконструкции утраченной в ДТ части Стародубского «Княжеского списка»²³. Некоторые князья из Льяловских, Ромодановских, Палецких имели «служебную прописку» (по терминологии В. Д. Назарова) по другим уездам (Московскому, Бежецкому Верху, Костромскому, Вяземскому, Новгородскому), поскольку размер находившихся в их распоряжении родовых вотчин не был достаточным для обеспечения потребностей службы, что вынуждало приобретать земли в иных местах. Так, в ДТ князь В. И. Тулупов числился «по Вязьме»²⁴, и в писцовых книгах 1620-х гг. сохранились сведения о бывших Вяземских поместьях князя Владимира и его племянника князя Бориса Давыдовича²⁵. Другие Тулуповы служили с новгородских поместий в Шелонской²⁶ и Бежецкой пятинах²⁷.

У брата князя Василия Ивановича Голибесовского Голицы было пять сыновей, указанных в родословной под фамилией **Небогатые**, но в данном случае «род не пошел», поскольку все они записаны без потомства²⁸. Как и Гагарины, Небогатые утратили поземельные связи с «родовым гнездом» в конце XV — начале XVI в. и приобрели поместья, вероятно, в Тверском или Клинском уездах²⁹. О князе Семене Васильевиче известно, что он был новгородским помещиком³⁰.

Основателем фамилии князей **Осиповских** был младший брат князя Андрея Кривоборского Петр Федорович. Время его жизни — середина XV в. Потомки князя Петра именовались по родовой вотчине в Стародубском уезде селу Осипову³¹. В свите Ивана III в Новгородском походе 1495 г. был указан сын князя Петра — Иван Слепой Осиповский³². Его сын князь Василий не раз получал воеводские назначения и отмечался разрядами 1540-х гг.³³ По родословным он считался

²⁰ Сергеев А. В. Политическая деятельность и землевладение... С. 55–56.

²¹ «Село Палех, что было княз Дмитриевых детей Палецкого» (Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950. С. 435).

²² РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 11319. Л. 234.

²³ Сергеев А. В. Стародубские Рюриковичи в Тысячной книге 1550 г. и Дворовой тетради... С. 36–48.

²⁴ Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь... С. 188.

²⁵ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 619. Л. 1090 об.; 1104 об.

²⁶ Новгородские писцовые книги, изданные Императорскою Археологическою комиссиею. СПб., 1905. Т. 5. Стб. 31, 154–155, 518; Самоквасов Д. Я. Архивный материал: Новооткрытые документы поместно-вотчинных учреждений Московского государства XV–XVII столетий. М., 1905. Т. 1. С. 34–36; Акты служилых землевладельцев. М., 2008. Т. 4. С. 229–230. № 309.

²⁷ Писцовые книги Новгородской земли. М., 2001. Т. 3. С. 224.

²⁸ Родословная книга князей и дворян российских и выезжих... Ч. 2. С. 72.

²⁹ Сергеев А. В. Представители княжеских фамилий Московского государства XVI–XVII веков во вкладных книгах Иосифо-Волоколамского монастыря // Преподобный Иосиф Волоцкий и его обитель. М., 2017. Вып. 4. С. 340–341.

³⁰ Зимин А. А. Формирование боярской аристократии во второй половине XV — первой трети XVI века. М., 1988. С. 36.

³¹ Эскин Ю. М. Указ. соч. С. 11.

³² Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 26 (далее — РК1598).

³³ РК1598. С. 99, 102, 105, 109, 112, 113, 117.

бездетным, поскольку не имел сыновей, но известно о двух его дочерях³⁴. Отсутствие мужского потомства у князя Василия подтверждается видом вклада: вотчина в Стародубе Ряполовском село Завражье с деревнями³⁵. Его кончину можно датировать 1548–1550 гг.³⁶

Князья М. И. и А. И. **Стригины** сохраняли земли в «родовом гнезде»³⁷. Кроме того, у них имелись большие владения в Ростовском уезде³⁸ и, возможно, в иных местах. Трудно определить судьбу родовой вотчины князя А. И. Стригина, умершего в 1570 г. Его дочь стала супругой князя С. Д. Куракина, и часть родительской земли могла перейти к этой фамилии, а остальное было «взято на государя» или осталось «на прожиток его супруге». В «ретроспективном» слое писцовой книги 1620-х гг. «отложились» сведения о крупной (не менее 660 четей) Стародубской вотчине вдовы А. И. Стригина княгини Фетиньи³⁹.

1565–1610 гг. Перемещения служилых землевладельцев из одних районов в другие во время опричнины сравнительно мало затронули князей Стародубских. Большая часть Стародубского уезда не была взята в опричину, поэтому масштабных выселений и конфискаций княжеских земель не происходило. «Поволжская ссылка» в начале опричнины была мероприятием скоротечным. Почти все отправленные в Поволжье князья (А. И. Стригин, Н. М. Льяловский, А. И., В. И., Ф. И. Кривоборские, И. А., П. А., И. С. Ковровы, А. А., И. Ф., Н. И., В. И. Ромодановские, Р. И., А. И., И. В. Гундоровы, П. Т., Ф. И., С. Б., М. Б. Пожарские и несколько других) вернулись в 1566 г. в прежние владения в «родовом гнезде»⁴⁰.

Некоторые вотчины **Гундоровых** для каких-то целей понадобились царю и были у них «отписаны», но с «компенсацией» из выморочных владений лиц этой же фамилии. Таким образом, родовые владения Гундоровых сократились вместе с уменьшением численности фамилии.

В результате опалы **Тулуповых** около 1575 г. их стародубская вотчина, очевидно, была «взята на государя». В 7080 (1571/72) г. князь Борис Давыдович в обеспечение поминания «по себе и своих родителях» передал Троице-Сергиеву монастырю (далее — ТСМ) вотчину в Стародубе⁴¹. В писцовой книге 1620-х гг. сохранилось указание на наличие в составе вотчины ТСМ приселка, «что было село Воскресенское княже Борисовская вотчина княж Давыдова сына Тулупова»⁴². Однако было ли это сельцо оставшейся частью старинной вотчины Тулуповых или досталось князю Борису как выморочное владение близкой родни Гундоровых, однозначно решить сложно. Село Воскресенское располагалось по разным берегам реки Шижехты⁴³, и его «половины» могли принадлежать Тулуповым и Гундоровым. Косвенным указанием на то, что Тулуповы своей частью владели исстари, является упоминание села в грамоте ТСМ как целого владения, а не «половины».

Около 1579–1580 гг. выбыли из политической жизни **Палецкие**⁴⁴, и их владения в «родовом гнезде», ставшие выморочными, очевидно, были «взяты на государя».

По мнению А. П. Павлова, значительное влияние на эволюцию землевладения князей Стародубских оказал Указ 1579/80 г., предусматривавший выкуп княжеских родовых вотчин с выплатой денежных компенсаций⁴⁵. Сведения о нем сохранились из-за земельных опера-

³⁴ ВКТСМ. С. 113, 123.

³⁵ ВКТСМ. С. 123; ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 522. Л. 114–115; Кн. 531. Л. 1222–1222 об. № 217.

³⁶ В синодике на расположенном рядом с поминанием князя В. Осиповского листе сделана помета: «Лета 7058» (С–25. Л. 205).

³⁷ Акты Суздальского Спасо-Евфимиева монастыря 1506–1608 гг. М., 1998 (далее — АСЕМ). С. 181, 185, 251, 291–295; РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 11320. Л. 714 об.–721 об.; 1230 об.–1234; 1535 об.–1537 об.

³⁸ Писцовые материалы Ростовского уезда XVII в. 1629–1631 гг. М., 2012. С. 348–349, 371–379.

³⁹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 11320. Л. 1230 об.–1234; 1535 об.–1537 об.

⁴⁰ Сильнее всего это репрессивное мероприятие повлияло на полностью оторвавшихся от «родового гнезда» Гагариных. Многие из них выслались в Поволжье в 1565 г., и после «амнистии» 1566 г. некоторые были задержаны здесь. Возвратившиеся князья вместо уже отписанных поместий в Вяземском и Клинском уездах получили земли в Верейском, Рязанском, других районах.

⁴¹ ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 522. Л. 145–146; Кн. 531. Л. 1085 об.–1086 об.

⁴² РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 11320. Л. 1432–1432 об.

⁴³ Грязнов А. Л. Суздальский уезд в первой трети XVII в. Л. 10, кв. В.

⁴⁴ Сергеев А. В. Политическая деятельность и землевладение... С. 54–55.

⁴⁵ Павлов А. П. Думные и комнатные люди царя Михаила Романова... Т. 2. С. 56.

ций княгини У. Гундоровой⁴⁶. Вместе с тем А. П. Павлов отмечал, что «после смерти Грозного указ 1579/80 г. прекратил действие, а затем часть старинных вотчин постепенно возвратилась прежним владельцам»⁴⁷. М. И. Давыдовым была предложена отличная от точки зрения А. П. Павлова оценка реализации Указа 1579/80 г.: «...известна лишь одна сделка такого рода: княгиня Ульяна Григорьевна Гундорова в том же 1579/80 г. по собственной инициативе продала казне село Антилохово, которое за 7 лет до того сама же отказала братии Спасо-Евфимиева монастыря. Что толкнуло княгиню на совершение мошенничества, мы не знаем. Впрочем, важно даже не это, а то, что скупка верховной властью владений на территории региона производилась не в принудительном порядке, а по желанию самих вотчинников. И последние, думается, едва ли были заинтересованы в скорой потере остатков своих «латифундий» (в случае с У. Г. Гундоровой перед нами вполне понятное исключение, не требующее дополнительных пояснений)»⁴⁸.

Таким образом, вопрос о степени реализации указа 1579/80 г. тесно связан с выяснением эволюции землевладения Стародубских Юриковичей. Рассмотрим его действие на этот процесс «пофамильно».

На протяжении XVI в. вотчины князей **Пожарских** дробились в результате семейных разделов и частично перешли по завещаниям во владение ТСМ и Спасо-Евфимиева монастыря. Князья отдельных линий не раз осуществляли выкуп родовых земель, но все же их владения сокращались⁴⁹. Большая вотчина князя Федора Даниловича, очевидно, еще в XV в. была разделена на 5 частей между его сыновьями, от которых пошли линии Пожарских. К концу 1570-х гг. фамилия заметно сократилась. Из старшей линии оставался князь Ф. И. Меньшого, вероятно, владевший небольшой родовой вотчиной. Остальные земли этой линии, по-видимому, были завещаны Спасо-Евфимиеву монастырю. Данной грамотой 1572/73 г. князь Ф. И. Меньшого передал этой обители владения «в Мугрееве», составлявшие вотчину его отца, согласно завещанию родителя⁵⁰. Время кончины князя Ф. И. Меньшого можно датировать концом 1570-х — серединой 1580-х гг. В более поздних источниках он не упоминался. Судьба его части родовой вотчины неизвестна. Она могла быть «взята на государя» или перейти по завещанию в монастырь.

Из второй линии Пожарских в 1560-х — 1580-х гг. служил князь П. Т. Щепя. В 1568/69 г. он передал Спасо-Евфимиеву монастырю вотчину в обеспечение поминания родителей⁵¹. Князь П. Т. Щепя участвовал в оформлении грамот своей родни в 1557/58–1571/72 гг.⁵² В списке «выборных» дворян 1590-х гг. он числился «по Белой» с окладом 500 четей. В 1603 г. князь П. Т. Пожарский был записан «по Луху»⁵³. Известно о его Нижегородском (57 четей) и Костромском поместьях⁵⁴. Его кончину можно датировать первым десятилетием XVII в. Оставалась ли за ним родовая вотчина? А. П. Павлов интерпретировал приведенные данные как доказательство реализации Указа 1579/80 г. Принудительным выкупом родовых земель у князя П. Т. Пожарского ученый объяснял его переход на службу с владений, расположенных в других районах⁵⁵. Следует отметить, что «Государевым разрядом»⁵⁶ князь П. Т. Щепя был отмечен только в 1597/98 г.⁵⁷ К разрядным службам он, как и другие Пожарские, в XVI в. привлекался нечасто и ранее указанного времени не упоминался. Единственной известной его «опалой» была непродолжительная

⁴⁶ АСCEM. С. 436–438.

⁴⁷ Павлов А. П. Государев двор... С. 155.

⁴⁸ Давыдов М. И. Указ. соч. С. 187.

⁴⁹ Давыдов М. И. Указ. соч. С. 143–149.

⁵⁰ АСCEM. С. 342–343. № 180.

⁵¹ АСCEM. С. 313–314. № 156.

⁵² АСCEM. С. 228–231, 259–260, 308–313, 323–324, 328–331, 333–334, 372–373.

⁵³ Станиславский А. Л. Указ. соч. С. 275, 354.

⁵⁴ Анпилогов Г. Н. Нижегородские документы XVI века (1588–1600 гг.). М., 1977. С. 154; Антонов А. В. Нижегородские поместные акты конца XVI — начала XVII века // Русский дипломатарий. М., 1999. Вып. 5. С. 222; Записные вотчинные книги Поместного приказа 1626–1657 гг. М., 2010. С. 107.

⁵⁵ Павлов А. П. Государев двор... С. 157–158.

⁵⁶ О первичности «Государева разряда» и вторичности связанных с ним «частных» редакций разрядных книг, которые перерабатывали его текст, см.: Анхимюк Ю. В. Частные разрядные книги с записями за последнюю четверть XV — начало XVII века. М., 2005. С. 43–72, 413.

⁵⁷ РК1598. С. 543.

ссылка в Поволжье в 1565–1566 гг. Старший из сыновей князя П. Т. Щепы Дмитрий Лопата в 1604 г. состоял в чине жильца и служил с Галичского поместья (около 200 четей)⁵⁸. Второй его сын князь Иван упоминался в выборе «по Владимиру»⁵⁹ в Боярских списках 1599 и 1603 гг.⁶⁰ Как и отец, князь Иван получил поместье в Нижегородском уезде. В 1596 г. он просил отделить ему в счет оклада (300 четей) часть поместья умершего Якова Болтина (191 четь), при этом особо отметив, что «за ним деи помесья нет нигде». Его поместный оклад составлял 300 четей и в 1604 г.⁶¹ Поместья сына князя И. П. Пожарского Федора располагались в Нижегородском уезде (329 четей) и в Подмоскovie (100 четей). Ему принадлежала вотчина (80 четей) в «родовом гнезде». Общий размер его владений составлял 509 четей⁶². Третий сын князя П. Т. Щепы Роман Перелыга упоминался на разных службах после 1613 г.⁶³ В 1620-х гг. за ним числилась часть родовой вотчины (108 четей) отца князя Петра Тимофеевича — 1/3 села Троецкого на пруде (2/3 села были в вотчине Спасо-Евфимиева монастыря)⁶⁴.

С большой вероятностью можно полагать, что часть фамильной вотчины досталась князю П. Т. Щепе Пожарскому наряду с землями в иных местах. Изменение «служебной прописки» князя П. Т. Щепы и его сыновей могло быть вызвано недостаточным для обеспечения потребностей службы размером остававшейся у них части родовой вотчины, которая делилась между князьями старшего поколения и частично перешла Спасо-Евфимиеву монастырю. Так, сын двоюродного брата князя П. Т. Щепы Иван в 1568/69 г. передал этой обители деревни «по отце своего душе князя Петра Борисовича и по деда своего душе княж Борисове». Сохранилась «духовная» грамота самого князя Ивана Петровича с описанием его вотчинных владений, доставшихся от отца и деда⁶⁵.

Таким образом, известных сведений о князьях этой линии не достаточно для определенного утверждения, что остатки родовой вотчины были у них принудительно «выкуплены» в начале 1580-х гг.

Третья линия Пожарских прекратилась около 1557 г.⁶⁶

Из четвертой линии в 1580 г. могли оставаться на службе князя Семен и Михаил Борисовичи. В 1565–1566 гг. оба находились в ссылке в Свияжске, но после «амнистии» 1566 г. вернулись назад, в Стародубский уезд⁶⁷. В 1577/78 г. князь Семен оформил «данную» грамоту Спасо-Евфимиеву монастырю на деревни «в Мугрееве» «по своим родителям»⁶⁸. В эту обитель он также передал «деловую», что «делили есмь ту отчинку меж себя з братом своим со князем Михаилом Борисовичем Пожарским». Скончались князья Семен и Михаил Борисовичи, вероятно, в 1580-х гг., не оставив потомства⁶⁹. Вотчины князей С. Б., М. Б. Пожарских как выморочные могли быть «взяты на государя».

Из пятой линии Пожарских в конце 1570-х гг. были живы князь М. Ф. Пожарский и, возможно, его отец князь Ф. И. Третьяков. О сохранении вотчин князьями этой линии имеются определенные данные. Сын М. Ф. Пожарского князь Дмитрий передал «по приказу отца своего» в Спасо-Евфимиев монастырь «вотчинную свою деревенку в Стародубе в Ряполовском Три Дворища»⁷⁰.

⁵⁸ Станиславский А. Л. Указ. соч. С. 387.

⁵⁹ К этому времени территория Стародубского уезда вошла в Суздальский, но часть могла отойти к Владимирскому (Кабанов А. Ю. Территориальная реорганизация Суздальского уезда во второй половине XVI — начале XVII века. С. 17). Возможно, как раз здесь оказался вотчинный «жребий» родовой вотчины И. П. Пожарского. Если так, то служба «по Владимиру» свидетельствует о сохранении за ним доли отцовской вотчины.

⁶⁰ Станиславский А. Л. Указ. соч. С. 254, 260.

⁶¹ Станиславский А. Л. Указ. соч. С. 366; Анпилогов Г. Н. Указ. соч. С. 133, 134; Антонов А. В. Нижегородские поместные акты... С. 219.

⁶² Сташевский Е. Д. Землевладение московского дворянства в первой половине XVII века. Нижний Новгород, 2012. С. 176–177.

⁶³ В тени великого родственника... С. 197–199.

⁶⁴ АСЕМ. № 194. С. 359; № 212. С. 385; № 263. С. 496; РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 11320. Л. 1077–1080 об.

⁶⁵ АСЕМ. С. 312–313, 323–324.

⁶⁶ Сергеев А. В. Князья Пожарские в Русском государстве... С. 81–82.

⁶⁷ Список с писцовой и межевой книги города Свияжска и уезда письма и межевания Н. В. Борисова и Д. А. Кикина (1565–1567 гг.). Казань, 1909. С. 24, 80, 82, 83.

⁶⁸ АСЕМ. С. 372–373.

⁶⁹ В одном из неопубликованных списков родословной книги сообщается, что сын князя Михаила Митька (Дмитрий? Никита?) был «зарезан на кабаке». Возможно, это случилось еще при жизни его родителя (Бычкова М. Е. Родословные книги XVI–XVII вв. как исторический источник. М., 1975. С. 51).

⁷⁰ АСЕМ. С. 435–436.

Дочь князя М. Ф. Пожарского княжна Дарья Михайловна стала женой князя Н. А. Хованского. 4 июня 1608 г. князь Д. М. Пожарский оформил «данную» грамоту Спасо-Евфимиеву монастырю на деревни в Стародубе Рязановском «по зяте по своему по князе Никите Ондреевиче Хованском, во иноцех иноке старце Нифонте»⁷¹. В 1620-х гг. в Стародубряполовском стане в состав владений боярина князя Д. М. Пожарского входили: село Волосьнино (Мугреево тож), 30 деревень, 2 починка, 21 пустошь (отца и деда родовая вотчина); Слободка Холм (вотчина «за царя Василия осадное сидение»); сельцо Фалелеево; 4 пустоши (вотчина родовая, что была князя Петра Тимофеевича Пожарского). Общий размер владения составлял 727 четей⁷².

Таким образом, после раздела вотчины князя Ф. Д. Пожарского на 5 частей каждая из них к середине XVI в. распалась еще на 2–4, по числу его внуков. Большинство из них мужского потомства не оставили, и вследствие этого значительная часть родовых земель ушла в монастыри (главным образом в Спасо-Евфимиев), а также в другие фамилии при наследовании по женским линиям. Как следует из отрывочных данных «Боярской книги 1556 г.», в середине XVI в. размер вотчин у Пожарских составлял 100–200 четей, а большая часть земельных владений была поместной (300–500 четей)⁷³. Ими приобретались приданные вотчины и поместья за пределами «родового гнезда». В конце XVI в. у Пожарских размер земельных владений составлял около 400–600 четей, включая остатки родовых вотчин, прожиточные поместья, земли, приобретенные в результате брачных союзов. Эволюция землевладения Пожарских в «родовом гнезде» определялась в большей мере демографическими факторами. Прямых сведений о применении к ним Указа 1579/80 г. нет. Определенные данные о сохранении родовых вотчин есть для князей младшей линии фамилии, а спорным может считаться случай князя П. Т. Щепы и его сыновей. Владения других Пожарских к 1580 г. или перешли по завещаниям в монастыри, или оказались «выморочными», что позволяло забирать их «на государя».

Из пяти князей **Кривоборских** на службе к 1580 г. оставались трое. Всех пережил князь Федор Иванович. Его духовная грамота датирована 1586/87 г.,⁷⁴ но умер он гораздо позже, вероятно, в первые годы XVII в., поскольку был жив во время составления завещания своей супруги княгини Марьи в 1599/1600 г. Как выясняется из «духовной» грамоты князя Федора, после гибели его брата князя Василия в 1579 г. осталась дочь княжна Настасья, которую взял на воспитание дядя — Василий Меньшой, вскоре также умерший. Дальнейшей судьбой племянницы занимался сам князь Федор, обеспечивший приданым и устроивший ее замужество. Брак княжны состоялся около 1583 г. Ее отец князь Василий Большой владел вотчиной в Белозерском уезде⁷⁵. Князь Федор завещал Спасо-Евфимиеву монастырю сц. Нестеровское и сц. Игумново. Как следует из ретроспективных указаний в писцовой книге 1620-х гг., указанные села и деревни числились в вотчинах его братьев Василия Большого и Василия Меньшого⁷⁶. Ко времени составления завещания братьев князя Федора не было в живых и один из его племянников — Иван — также скончался⁷⁷. Жене князя Федора Марье в счет истраченного приданого супруг оставил свою вотчину с. Овсяниково⁷⁸. Это владение действительно принадлежало князю Федору, как следует из записи писцовой книги 1620-х гг.⁷⁹

Кроме духовной, сохранилась данная грамота князя Ф. И. Кривоборского Спасо-Евфимиеву монастырю на сц. Нестеровское, которую также следует датировать серединой 1580-х гг.⁸⁰ Вклад давался в обеспечение денежного долга и поминания князей Кривоборских.

Ретроспективные указания писцовой книги 1620-х гг. подтверждают сведения о вотчинах Кривоборских в Стародубском уезде⁸¹, почерпнутые из актов. Кроме вотчин, у князя Василия

⁷¹ АСЕМ. С. 510.

⁷² РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 11320. Л. 1024–1045, 1055–1058 об., 1074–1077.

⁷³ Антонов А. В. «Боярская книга» 1556/57 года // Русский дипломатарий. М., 2004. Вып. 10. С. 88–101.

⁷⁴ АСЕМ. С. 431–433. № 228.

⁷⁵ АСЕМ. С. 431–433. № 228.

⁷⁶ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 11320. Л. 763–765; 775–778; 785–788 об.; 923–925 об.; 936 об.–940 об.; 944 об.–949 об.

⁷⁷ АСЕМ. С. 432.

⁷⁸ АСЕМ. С. 432.

⁷⁹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 11320. Л. 722–729 об.; 742 об.–746 об.; 757–763; 855–856 об.

⁸⁰ АСЕМ. С. 433–434. № 229.

⁸¹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 11320. Л. 714 об.–721 об.; 722–729 об.; 742 об.–746 об.; 757–763; 825–827; 855–856 об.; 912 об.–917; 936 об.–940 об.; 949 об.–951; 1241–1243; 1243–1248 об.; 1524 об.–1527; 1538 об.–1542 об.

Кривоборского (Большого?) в «родовом гнезде» было поместье (с. Крутое)⁸². Помимо того, у Кривоборских имелась значительная вотчина в Белозерском уезде, частью отданная ТСМ и ушедшая в приданое за дочерью князя Василия Большого. Общий размер и структура их земельных владений были примерно такими же, как у Пожарских: небольшие (200–300 четей) вотчины и поместья. Исчезновение родового землевладения этой фамилии произошло вследствие ее угасания. Кривоборские владели родовой вотчиной непрерывно и, по-видимому, нераздельно. Сходную оценку эволюции землевладения Кривоборских привел А. П. Павлов⁸³. Следов действия указа 1579/80 г. в данном случае не усматривается.

В начале 1570-х гг. скончался князь Никита Стародубский-Льяловский, заранее оформивший «данную» грамоту ТСМ «по родителям своим по отце по князе Михаиле и по матери княгине Настасье», датированную 7079 (1570/71) г.⁸⁴ В 1571/72 г. князь Иван Никитич Стародубский по отце и по себе передал ТСМ купленную вотчину в Стародубе Ряполовском треть сц. Пантелеева без деревень, «что отец мой ту третку селца купил у княж Ондреевы княгини у Марьи у тетьки наши»⁸⁵. Кроме 1/3 сц. Пантелеева ТСМ передавалось сц. Хмелеватое. Через несколько лет, в 1577/78 г., он же с матерью княгиней Аграфеной передали (подтвердили передачу?) ТСМ вотчины «во Владимирском уезде и в Стародубе Ряполовском сельцо Хмелеватое с пустошами»⁸⁶. В Боярском списке 1588–1589 гг. «Иван княж Никитин сын Стародубской» отмечен как служивший в «выборе» «по Твери»⁸⁷. «Служебная прописка» князя Ивана Стародубского по Твери не обязательно свидетельствует о полной утрате родовой вотчины. В предшествующие десятилетия князь этой фамилии служили с земель, располагавшихся под Москвой (село Льялово), хотя имели родовую вотчину в Стародубе. Вполне возможно, что после земельных вкладов в ТСМ по умершей родне и без того небольшое родовое владение Льяловских сократилось до размеров, непригодных для несения службы, и князь Иван «выхлопотал» себе поместье в Тверском уезде. Не исключено, что остававшуюся у него часть родовой вотчины он передал по Указу 1579/80 г. царю за денежное вознаграждение. Эта сделка могла быть добровольной и взаимовыгодной. Впрочем, определенных сведений как об утрате вотчины князем И. Н. Стародубским, так и о сохранении ее нет.

По мнению А. П. Павлова, «князя Ковровы-Кривоборские еще в 60–70-е гг. XVI в. передали свои основные родовые вотчины — села Коврово, Андреевское и Васильевское — в монастыри. К 1620-м гг. Ковровы сохранили (или вернули) только небольшую вотчину в Стародубе — сельцо Новоселки (всего 67 четв.)»⁸⁸.

В 1566/67 г. оформил «данную» грамоту Спасо-Евфимиеву монастырю на родительскую вотчину село Рождественое с деревнями князь И. С. Ковров⁸⁹. Передача ее в эту обитель могла быть вызвана как исполнением воли отца, высказанной в завещании, так и отсутствием прямых наследников у самого князя Ивана, а также начинавшимся «опричным террором» и стремлением обеспечить спасение души.

В 1571/72 г. вдова князя В. И. Коврова княгиня Марья передала Спасо-Евфимиеву монастырю родовую вотчину мужа с. Андреевское⁹⁰. Следовательно, до 1570-х гг. этими землями владел князь В. И. Ковров. В 1573/74 г. «князь Микита княж Иванов сын Ондреевича Коврова» передал Спасо-Евфимиеву монастырю несколько пустошей⁹¹ в обеспечение поминания родителей. Перечисленные в «данной» грамоте владения составляли часть прежней вотчины князя И. А. Коврова⁹².

⁸² РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 11320. Л. 763–765; 775–778; 785–788 об.; 923–925 об.; 944 об.–949 об.

⁸³ Павлов А. П. Государев двор... С. 154–156.

⁸⁴ ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 531. Л. 1220 об.–1222.

⁸⁵ ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 531. Л. 1215–1216.

⁸⁶ ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 531. Л. 1098–1099.

⁸⁷ Станиславский А. Л. Указ. соч. С. 353.

⁸⁸ Павлов А. П. Государев двор... С. 155.

⁸⁹ АСЕМ. С. 280–281. № 143.

⁹⁰ АСЕМ. С. 322–323. № 165.

⁹¹ АСЕМ. С. 346–347. № 184.

⁹² АСЕМ. С. 367–368. № 198.

В 1576/77 г. двоюродный брат Никиты князь Иван Осипович передал в Суздальский Спасо-Евфимьев монастырь пустое сц. Шешовка с пустошами и угожьями⁹³.

Косвенно о сохранении Ковровыми поземельных связей с «родовым гнездом» после 1580 г. свидетельствует «послушество» князя Ивана Осиповича при составлении «данной» грамоты Спасо-Евфимиеву монастырю Софьи Никифоровны Кожиной 1587/88 г. и в «записи» князя Ивана Давыдовича Гундорова 1593/94 г. той же обители с обязательством не вступаться в земли возле монастырского села Антилохова⁹⁴.

В последних десятилетиях XVI в. на службе в Государевом дворе состоял только князь Ф. П. Ковров, и фамилия продолжалась в XVII в. по этой линии. Его троюродные Юрий, Александр Васильевичи и двоюродные братья Никита Иванович, Иван Осипович, вероятно, умерли в последних десятилетиях XVI — начале XVII в. Об их потомстве сведений нет. Князь Ф. П. Ковров служил в 1589 г. «по Суздалю», в состав которого к этому времени вошел Стародубский уезд⁹⁵. Небольшая родовая вотчина (67 четей) у него оставалась⁹⁶. А. П. Павлов, как отмечено выше, не исключал возможности непрерывного владения Ковровыми вотчинами в «родовом гнезде», но одновременно указывал на то, что они могли вернуть утраченное ранее. «Послушество» двоюродных братьев князя Ф. П. Коврова при оформлении земельных сделок в Стародубском уезде в 1580-х, 1590-х гг. свидетельствует о непрерывности владения князьями этой фамилии землями в «родовом гнезде». Сокращение их владений было связано с постепенным угасанием фамилии.

В целом приведенная А. П. Павловым история землевладения **Ромодановских** во второй трети XVI — первой трети XVII в. согласуется с данными источников и вполне корректно описывает эту эволюцию⁹⁷. Ромодановские, оказавшиеся на грани угасания к 1580 г., вероятно, удержали небольшую часть прежде обширных владений фамилии, переданных старшими родственниками в ТСМ и, возможно, другие обители. Выдающаяся служебная карьера князей Григория и Ивана Петровичей, дальнейшая успешная деятельность их сыновей подняла социальный статус фамилии, дала им возможность осуществить последовательное возвращение прежних родовых земель, оказавшихся во владении у разных лиц и «во Дворце». В первой половине XVII в. князьями разных ветвей Рюриковичей более или менее удачно осуществлялось возвращение потерянных земель в «родовых гнездах». Ромодановские реализовывали это «возрождение» более последовательно и успешно, чем князья других фамилий. В истории их землевладения 1580-х гг. следов действия Указа 1579/80 г. не наблюдается. Постепенное сокращение большой вотчины этой фамилии происходило вследствие угасания отдельных линий. Выморочные владения переходили к монастырям.

В 1579/80 г.⁹⁸ княгиня Настасья с сыном князем Савой (Богданом) дали в ТСМ крупный номинальный вклад — вотчину в Стародубе Ряполовском, половину сельца Шустова и 22 пустоши, которые муж княгини князь П. С. Ромодановский получил от дяди князя И. В. Телеляша. Возможно, в публикации ВКТСМ дата вклада указана неточно, поскольку «данная» грамота датирована 1569/70 г.⁹⁹ К этому времени сестры князя Савы (Богдана) и брат князь Михаил умерли. После кончины князя Савы, случившейся, вероятно, в 1570-х — 1580-х гг., эта линия фамилии угасла и, возможно, еще оставшаяся у него часть вотчины Ромодановских ушла в монастыри или государю.

Сын двоюродного брата князя Савы (Богдана) князь Афанасий Андреевич Нагаев пал в сражении с крымскими татарами под Москвой в мае 1571 г.¹⁰⁰ Возможно, его дети погибли

⁹³ АСЕМ. С. 365–366. № 196.

⁹⁴ АСЕМ. С. 446, 467. № 236, 247.

⁹⁵ Станиславский А. Л. Указ. соч. С. 261, 342.

⁹⁶ Этой вотчиной в 1620-х гг. владели вдова княгиня Федосья «княж Федоровская жена Коврова с детьми» князьями Иваном, Федором, Михаилом. В писцовой книге владение характеризовалось как «деда их князя Петра и отца их Федора вотчина» (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 11320. Л. 995–998).

⁹⁷ Павлов А. П. Государев двор... С. 155–156.

⁹⁸ ВКТСМ. С. 77. В. Д. Назаровым, вероятно, по ошибке, указанный земельный вклад датирован 1561/62 г. (Назаров В. Д. Указ. соч. С. 64).

⁹⁹ ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 545. Л. 164–165 об.; Описание грамот Коллегии экономии. М., 2020. Т. 3. С–Я. С. 158. № 59/11838 (1569/70 г.).

¹⁰⁰ РК1598. С. 231; Памятники истории русского служилого сословия / Составитель А. В. Антонов. М., 2011. С. 209–210.

в московском пожаре 1571 г., поскольку вдова князя Афанасия, приняв постриг под именем Евфимья, сделала в ТСМ между июнем и августом 1571 г. по свекрам, мужу и детям крупный земельный вклад — «вотчину в Стародубе Ряполовском» село Татарово с 47-ю деревнями¹⁰¹. Таким образом, за Нагаевыми сохранялась часть старинной родовой вотчины, выделенной еще их деду князю Василию Семеновичу дядей князем И. В. Телеляшем¹⁰². Третья линия Ромодановских пресекалась в 1571 г., и их земли перешли ТСМ.

Князь Федор Борисович Ромодановский «вышел из службы» около 1555 г., но его кончина датируется только 1573 г.¹⁰³ В Синодике ТСМ отмечено поминание «князя инока Феодорита (Ромодановской)», на том же листе немного ранее записан его брат Петр Меньшой¹⁰⁴. По датам на полях рукописи кончина обоих случилась между 1570/71–1572/73 гг. Третий их брат князь Иван Борисович в 1567/68 г. передал в ТСМ вотчину в Дмитровском уезде сц. Халезево¹⁰⁵.

Таким образом, к середине 1570-х гг. из Ромодановских оставались только двое юных сыновей князя П. Б. Меньшого. Они, вероятно, наследовали лишь остаток прежней «латифундии» князя И. В. Телеляша, доставшийся их родителю. Нет уверенности, что ими наследовались части дядей, которые те могли передать в ТСМ, но даже если допустить, что как ближайшая родня они получили «вотчинные жеребьи» князей И. Б., Ф. Б. Ромодановских, то и в этом случае размер владения окажется не очень велик. Учитывая набожность князя Ф. Б. Ромодановского, его ранний «уход из мира»¹⁰⁶, более вероятно, что свои земли он завещал монастырям.

Часть вотчины Ромодановских, принадлежавшая князю из старшей линии Антону Михайловичу, с большой долей вероятности была завещана им ТСМ, где он провел монахом последние годы жизни¹⁰⁷.

А. П. Павлов констатировал наличие вотчин в «родовом гнезде» у князей **Хилковых** «еще до Смуты». Ученый справедливо заключил, что трудно оценить, «в какой мере вотчинное землевладение Хилковых в Стародубе было затронуто действием указа 1579/80 г.»¹⁰⁸.

По мнению М. И. Давыдова, «в 1563/64 г. в казну было отписано село Ивановское — вотчина боярина Дмитрия Ивановича Хилкова (скорее всего, эта конфискация имела место вскоре после опалы и казни князя). Однако уже к середине 70-х гг. XVI в. село Ивановское/Новое вновь вернулось к Хилковым — детям Дмитрия Василию и Андрею; тогда же у них становится известной еще одна пожарская латифундия — село Иваново». Село Иваново в 1566 г. упоминалось в числе владений, перешедших «под юрисдикцию» Владимира Старицкого¹⁰⁹.

В 1620-х гг. Хилковы сохраняли земли в «родовом гнезде». За князьями В. Д. и А. Д. Хилковыми в Стародубряполовском стане Суздальского уезда числилась запустевшая вотчина (15 пустошей, бывших деревнями; 208 четей)¹¹⁰. А. П. Павлов по поводу этой записи отметил, что «часть вотчинной земли князей В. Д. и А. Д. Хилковых, числившейся за ними в старых писцовых книгах 1574/75 г. (15 пустошей 208 четв. земли), в 1620-х гг. их сыновьям уже не принадлежала»¹¹¹. Указанное владение лежало в «порозжих землях», но время его запустения, причины, по которым оно не наследовалось сыновьями князей В. Д., А. Д. Хилковых, могли быть разными. Непосредственной связи с Указом 1579/80 г. в данном случае не усматривается. В 1620-х гг. Хилковы не только владели вотчиной отца и деда, но являлись крупными землевладельцами в данном районе. Прежняя родовая вотчина князей В. Д. и А. Д. Хилковых, с. Иваново, было в совместном владении сыновей князя Андрея Бориса, Ивана и Петра (по-видимому, их брата Федора в 1620-х гг. не было

¹⁰¹ ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 531. Л. 1054 об.

¹⁰² Назаров В. Д. Указ. соч. С. 64–65.

¹⁰³ Список погребенных в Троицкой Сергиевой Лавре, от основания оной до 1880 года. Нижний Новгород, 2012. С. 76–77.

¹⁰⁴ С–25. Л. 97 об.

¹⁰⁵ Описание грамот Коллегии экономии. Т. 1. С. 705; ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 521. Л. 89–91 об.

¹⁰⁶ Поляков И. А. Указ. соч. С. 54.

¹⁰⁷ Назаров В. Д. Указ. соч. С. 61; Список погребенных. С. 76–77. № 816.

¹⁰⁸ Павлов А. П. Государев двор... С. 157.

¹⁰⁹ Давыдов М. И. Указ. соч. С. 137; Духовные и договорные грамоты... № 103. С. 424.

¹¹⁰ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 11320. Л. 1021–1024.

¹¹¹ Павлов А. П. Государев двор... С. 157.

в живых)¹¹². Еще часть родового владения, бывшая прежде за братьями князьями В. Д. и А. Д. Хилковыми, в 1620-х гг. числилась за князьями Андреем¹¹³ и Иваном Васильевичами¹¹⁴.

Из приведенных данных можно заключить, что вотчина князя Д. И. Хилкова была в 1564 г. отписана «на государя», но потом возвращена его сыновьям, которые владели ею нераздельно. Деление произошло только между внуками князя Д. И. Хилкова. Общий размер его вотчины составлял не менее 2000 четей.

Известные факты об эволюции землевладения Хилковых не позволяют заключить, что Указ 1579/80 г. каким-либо существенным образом повлиял на этот процесс.

Кроме Стародубской «латифундии» у Хилковых имелись земли в Дмитровском и Коломенском уездах¹¹⁵.

О землевладении **Татевых** А. П. Павлов заключил: трудно сказать, владел ли Стародубской вотчиной в «досмутное время» князь Б. П. Татев, но его двоюродные братья «вотчин в Стародубском у. в конце XVI в. не имели»¹¹⁶. М. И. Давыдов писал, что «вотчину Татевых в Пожаре составляли села Сарыево, Павловское, Чмутово, Федоровское и Алферовское. Впервые они упоминаются в 1566 г. без указания имен их владельцев. Лишь привлечение данных позднейших источников позволяет установить принадлежность этих сел Татевым»¹¹⁷. На основе сведений, приведенных исследователем, эволюция землевладения Татевых может быть описана следующим образом. Крупная вотчина князя И. Ф. Татя была разделена между тремя его сыновьями. Выморочная часть с центром в селе Сарыево князя Федора Ивановича отошла в дворцовые земли. Часть князя П. И. Татева сохранялась за его потомками в XVI — первой трети XVII в. М. И. Давыдов выявил факт, косвенно подтверждающий владение князем Б. П. Татевым Стародубской вотчиной в 1590-х гг.: в грамоте 1592 г. упоминался приказчик «стародубской латифундии князя Бориса»¹¹⁸. Что случилось с долей А. И. Татева? К сожалению, выявленных данных недостаточно для определенного вывода о сохранении или утрате сыновьями князя А. И. Татева части родовой вотчины. Сын князя Ф. А. Татева Иван в начале XVII в. владел небольшим (111 четей) поместьем в соседнем Суздальском уезде¹¹⁹. Князю Ф. А. Татеву принадлежала большая вотчина в Ростовском уезде, но обстоятельства ее приобретения установить не удалось. Не ясно также, где располагались земли братьев князя Ф. А. Татева Семена и Ивана. Влияние Указа 1579/80 г. на утрату сыновьями князя А. И. Татева своего «жеребья» родовой вотчины маловероятно, поскольку, по оценке М. И. Давыдова, вотчина Татевых целиком сохранилась в линии князя Б. П. Татева (кроме выморочной части князя Ф. И. Татева)¹²⁰, но не исключено. Скорее всего, уход князей младшей линии Татевых из Стародубского уезда был обусловлен обменом «вотчинных жеребьев» на Ростовскую вотчину. Известно, что отец князя Б. П. Татева князь Петр Иванович держал в закладе часть Ростовской вотчины своего троюродного брата князя А. И. Стригина¹²¹. Возможно, им была приобретена крупная вотчина, позднее обменная самим князем Петром или его сыном Борисом на «жеребьи» князя А. И. Татева и его сыновей.

¹¹² Село Иваново, деревня, 24 пустоши; 873 чети (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 11320. Л. 1012 об.–1021).

¹¹³ 1/2 села Ивановского (Новое тож) на реке Таре, 3 деревни, 11 пустошей; 545 четей (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 11320. Л. 998 об.–1006).

¹¹⁴ 1/2 села Ивановского (Новое тож) на реке Таре, 3 деревни, 11 пустошей 541 четь (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 11320. Л. 1006–1012 об.).

¹¹⁵ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 627. Л. 648–650 об.; Кн. 203. Л. 5 об.–11; Л. 462–466; Кн. 204. Л. 128 об.–132.

¹¹⁶ Павлов А. П. Государев двор... С. 157.

¹¹⁷ Давыдов М. И. Указ. соч. С. 137, 139.

¹¹⁸ «Село Павловское в писцовых книгах XVII в. показано бывшей родовой вотчиной князей Федора и Ивана-Сергея Борисовичей Татевых, скончавшихся в 1630 г. Очевидно, ранее оно числилось за их отцом — Борисом Петровичем: по косвенным данным, землевладение последнего на территории региона прослеживается еще с конца XVI в. — в 1592 г. упоминается приказчик стародубской латифундии князя Бориса Четвертый Иванов» (Давыдов М. И. Указ. соч. С. 139).

¹¹⁹ В писцовой книге 1620-х гг. отмечено поместье (111 четей) малолетнего внука Ф. И. Татева князя Степана «с матерью вдовой княгиней Овдотьей, что было за отцом его» (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 11318. Л. 11 об.; 825 об.).

¹²⁰ «Произошедшие на рубеже XV–XVI вв. существенные изменения в структурах землевладения Пожара, по сути, никак не отразились на развитии прочих вотчин Ряполовских (тех, что остались в руках представителей данного рода): за все XVI столетие Хилковы и Татевы утратили лишь одно владение — село Сарыево, сохранив свои фамильные земли на территории волости практически в полном объеме» (Давыдов М. И. Указ. соч. С. 139).

¹²¹ Сергеев А. В. Княжеское землевладение в Ростовском уезде в XVI — начале XVII в. // История и культура Ростовской земли. 2015. Ростов, 2016. С. 66–80; Писцовые материалы Ростовского уезда... С. 573–576.

А. П. Павловым была отмечена тенденция сокращения владений **Гундоровых** в «родовом гнезде» во второй половине XVI в., но вместе с тем констатировано сохранение у них земель в этом районе (473 чети)¹²². Конечно, в сравнении с первоначальным размером вотчина значительно уменьшилась, но указанный «остаток» нельзя считать незначительным. М. И. Давыдовым эволюция землевладения Гундоровых была подробно прослежена до 1580 г.¹²³

Вернувшийся из Поволжья по амнистии 1566 г. князь И. В. Гундоров получил 25 мая 1568 г. выморочную вотчину «дяди» (двоюродного брата отца) князя Ф. А. Гундорова — 1/2 с. Воскресенского, которой после смерти супруга владела вдова княгиня Офросинья, скончавшаяся или ушедшая в монастырь к этому времени¹²⁴. В 1572/73 г. князь И. В. Гундоров передал часть этой вотчины Спасо-Евфимиеву монастырю в качестве поминального вклада по себе и «родителям»¹²⁵. Вскоре князь И. В. Гундоров скончался или постригся, поскольку в 1573 г. другая часть этой вотчины («в Земенках») была передана по царскому указу его троюродным братьям князьям Никите и Силе Григорьевичам «против» их «старые вотчины» «отца благословленья»¹²⁶.

Князь Давыд Васильевич как землевладелец Стародубского уезда упоминался в «деловых» грамотах троюродных братьев князей С. Г. и Н. Г. Гундоровых, оформленных между 1566–1573 гг.¹²⁷

Еще один вернувшийся из Поволжской ссылки 1565–1566 гг. Гундоров, князь Роман Иванович, скончался к началу 1570-х гг. К этому времени умер и его дядя князь Федор Андреевич. Их вотчины были переданы, согласно указу царя, князьям Никите и Силе Гундоровым в качестве компенсации за взятые у них части родовой вотчины¹²⁸. Эти владения являлись выморочными.

Князья Никита и Сила Григорьевичи в 1566 г. владели отцовской вотчиной «в Стародубе в Ряполовском» (села Всегодич, Юрьевское, Залесье с деревнями). В состав этих владений вошел «жребий» их брата князя Ивана Григорьевича, погибшего около 1558 г. Его доля была поделена между братьями¹²⁹. Как отмечено выше, эти земли были взяты «на государя» около 1568 г. и вместо них они получили компенсацию из выморочных вотчин Гундоровых других линий. К братьям князьям Никите и Силе перешли частично вотчины князей И. В., Ф. А., Р. И. Гундоровых. Как можно заключить из поминальной записи княгини Ульяны, жены князя Силы, его брат князь Никита умер между 1568–1572 гг.

После кончины князя Силы Гундорова около 1572 г. его вдова княгиня Ульяна «по душам мужа своего князя Силы Григорьевича да деверя своего князя Никиты Григорьевича, и за их долг за полтора ста рублей» передала Спасо-Евфимиеву монастырю «село Онтилохово... да деревня Борисково Осетровская, да церьковная деревня Макарова»¹³⁰. Тогда же ею была дана во Владимирский Рождественский монастырь другая часть вотчины мужа «по ево духовной»¹³¹. В 1574/75 г. княгиня оформила еще одну грамоту Спасо-Евфимиеву монастырю на вотчинные владения супруга «за долг мужа своего»¹³². Поскольку у братьев князя Силы потомства не осталось и у него самого были только дочери, 4-я линия Гундоровых вскоре угасла.

¹²² «В доопричный период обширными родовыми вотчинами владели князья Гундоровы. Только в духовной Ивана IV перечислены их села — Антилохово, Воскресенское, Новые Земенки, Старые Меховицы, Юрьевское и Залесье. Значительная часть этих вотчин сосредоточилась в 1570-х гг. в руках кн. С. Г. Гундорова (более 2000 четв. земли). В 1579/80 г. эти вотчины у вдовы С. Г. Гундорова были взяты в казну и пошли в поместную раздачу — в 1628–1630 гг. бывшие вотчины ее мужа находились за помещиками и во владении церкви. В XVII в. за разными представителями рода Гундоровых числилось всего лишь 473 четв. вотчинной земли в Стародубе» (Павлов А. П. Государев двор... С. 156).

¹²³ Давыдов М. И. Указ. соч. С. 121–122, 134–135, 152–156, 180–181.

¹²⁴ АСЕМ. С. 306–307. № 150.

¹²⁵ АСЕМ. С. 336–337. № 175. Другая часть этого владения (села Воскресенского) находилась у князя Б. Д. Тулупова.

¹²⁶ «В Стародубе в Ряполовском, против села Всегодич да против села Юрьевского, да против села Залесья, и приселков, и деревень» (АСЕМ. С. 274–278. № 140, 141).

¹²⁷ АСЕМ. С. 274–278. № 140, 141.

¹²⁸ «Княжо Романова село Меховицы Старое... дяди моего вотчина княжо Федорова село Онтилохово...» (АСЕМ. С. 274–278. № 140, 141).

¹²⁹ АСЕМ. № 107, 140.

¹³⁰ АСЕМ. № 179.

¹³¹ Кистерев С. Н. Владимирский Рождественский монастырь в документах XVI — начала XVII века // Русский дипломатический. М., 2000. Вып. 6. С. 116.

¹³² АСЕМ. № 187.

Таким образом, в начале 1570-х гг. пресеклись все линии Гундоровых, кроме старшей. Примерно 3/4 их вотчинных владений ушли по завещаниям в Спасо-Евфимиев и Владимирский Рождественский монастыри или были взяты «на государя».

Из Гундоровых в 1570-х — 1580-х гг. продолжал служить числившийся еще в ДТ¹³³ сын князя И. В. Гундорова Андрей Иванович. В 1579/80 г. он подтвердил передачу, сделанную его отцом, половины села Воскресенского с деревнями Спасо-Евфимиеву монастырю, оформив отступную запись¹³⁴. Служба князя А. И. Гундорова продолжалась в последних десятилетиях XVI в. Сохранил ли он земли в «родовом гнезде»? Косвенные данные позволяют ответить на этот вопрос утвердительно. В 1586/87 г. князь Андрей послушествовал при составлении «духовной» грамоты своего дальнего родственника князя Ф. И. Кривоборского. Этот факт указывает на сохранение им связей с «родовым гнездом»¹³⁵. Размер оставшегося у него вотчинного «жребия» был невелик, о чем свидетельствует смена «служебной прописки». В Боярском списке 1589 г. князь А. И. Гундоров числился «по Рязани» с окладом 550 четей, чем объясняется его служба в Шацке на южной границе. В 1604 г. отмечены «по Бежецкому Верху» князя Андрея Ивановича Гундорова 13 человек конных¹³⁶. Следовательно, кроме поместья в Рязани он владел еще землями в Бежецком Верху, и размер его владений был значительным — составлял не менее 1300 четей¹³⁷.

Конечно, действие указа 1579/80 г. в случае князя А. И. Гундорова нельзя исключить полностью, но все же на сокращение размеров его родовой вотчины в большей мере влияли иные обстоятельства. Отмеченное выше его послушество при составлении завещания князя Ф. И. Кривоборского, очевидно, было обусловлено не столько отдаленным родством, сколько наличием земельных владений в том же районе. Служебная карьера князя А. И. Гундорова после смерти Ивана Грозного пошла вверх. Вполне можно допустить, что у него имелась возможность вернуть «изъятую» по Указу 1579/80 г. часть родовой вотчины, если такое «изъятие» было. К сожалению, «духовная» князя А. И. Гундорова не сохранилась или пока не найдена, и неизвестно, кому он завещал свои земли.

Остатки некогда большой вотчины Гундоровых в XVII в. оставались в распоряжении внуков и правнуков князя Д. В. Гундорова. В «Бархатной книге» в данном поколении родословная Гундоровых приведена неверно. Точнее, она воспроизведена в «Лобановском родословце»¹³⁸. Единственный сын князя Давыда Иван имел прозвище Безногий, объясняющее его отсутствие на службе в 1580-х гг., хотя ранее он упоминался разрядами¹³⁹. Вероятно, князь И. Д. Гундоров получил серьезное ранение или вследствие болезни «выбыл из службы». За ним и его сыновьями сохранился «вотчинный жребий» князя Давыда, равнявшийся примерно 500 четям. Поскольку у князя И. Д. Безногого было пятеро сыновей¹⁴⁰, этой земли им было мало для обеспечения службы. В XVII в. часть прежней вотчины князя Силы на правах поместья была передана сыновьям князя И. Д. Безногого.

Сохранившиеся акты позволяют проследить этапы сокращения вотчинного комплекса Гундоровых в 1565–1580-х гг. Какого-либо существенного действия Указа 1579/80 г. в данном процессе не наблюдается. О самом Указе 1579/80 г. известия сохранились в связи с передачей вдовой князя Силы Гундорова части вотчины супруга Спасо-Евфимиеву монастырю. Как отмечено выше, М. И. Давыдов охарактеризовал действия княгини как «мошенничество», но едва ли это выглядело так в глазах ее современников. Она просто сумела с выгодой для себя использовать решение

¹³³ Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь... С. 188.

¹³⁴ АСЕМ. № 210.

¹³⁵ АСЕМ. № 228.

¹³⁶ Станиславский А. Л. Указ. соч. С. 227, 408.

¹³⁷ Согласно «Уложению о службе 1556 г.» «с вотчин и с поместья уложеную службу учини же: со ста четвертей добрые угожей земли человек на коне и в доспехе полном, а в далной поход о дву конь» (Полное собрание русских летописей. Т. 13. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М., 2000. С. 268–269).

¹³⁸ РГАДА. Ф. 181. Оп. 2. № 173. Л. 141–141 об.; См. также: Любимов С. В. Опыт исторических родословий: Гундоровы, Жижемские, Несвицкие, Сибирские, Зотовы и Остерманы. Пг., 1915. С. 7–8. К сожалению, погрешности в родословной Гундоровых имеются в обоих указанных источниках, хотя не столь существенные, как в «Бархатной книге».

¹³⁹ РК1598. С. 268.

¹⁴⁰ РГАДА. Ф. 181. Оп. 2. № 173. Л. 141–141 об.; Любимов С. В. Указ. соч. С. 7–8. С. В. Любимов не учел Ивана Меньшого, а в «Лобановском родословце» нет Семена.

казны о выкупе вотчин князей Стародубских и, возможно, погасила таким способом денежный долг супруга перед монастырем. М. И. Давыдов, по-видимому, справедливо заключил, что подразумевался добровольный, а не принудительный выкуп земель Стародубских Рюриковичей. В любом случае на эволюцию землевладения князей этой ветви Указ 1579/80 г. повлиял мало, если повлиял вообще. Бесспорных примеров принудительного выкупа княжеских вотчин в соответствии с данным указом неизвестно. В нескольких случаях (в старших линиях фамилий Пожарских, Гундоровых) его применение можно предполагать, но и здесь действие распространилось (если распространилось) только на часть той или иной фамилии. На эволюцию родового землевладения князей Стародубских гораздо в большей степени повлияло «сужение» большинства княжеских родословных в последней трети XVI в. в результате гибели князей в почти непрерывно ведшихся войнах, сопутствовавших им эпидемий и (в меньшей мере) опричных репрессий. Выморочные княжеские владения, как правило, передавались монастырям, частично попадали в дворцовые земли, после чего иногда шли «в роздачу» помещикам. Механизм сохранения родовых вотчин князьями Стародубскими выработан не был, хотя отдельные примеры выкупа, раздела «жеребьев» умерших родственников известны. Еще важнее тот факт, что выработке и действию указанного механизма препятствовало правительство. Особенно в опричный и постопричный периоды. Если говорить о влиянии опричнины на родовое княжеское землевладение, то оно заключалось в «блокировке механизмов» сохранения родовых вотчин. Несомненно стремление князей удержать или вернуть родовые земли. Условия для осуществления этого стремления появились в период Смуты. После 1610 г. отдельными княжескими фамилиями были предприняты действия в этом направлении, но успех сопутствовал не всем. В ветви Стародубских Рюриковичей наиболее последовательно и успешно возвращение «в род» утраченных во второй половине XVI в. земель осуществили Ромодановские. Сходные действия были предприняты Пожарскими, Гундоровыми и князьями иных ветвей Рюриковичей (Бахтеяровыми-Ростовскими, Прозоровскими-Ярославскими и др.).

1610–1630 гг. В Стародубском уезде тенденция постепенного разрушения крупных вотчинных комплексов местных княжеских фамилий проявилась вполне отчетливо уже в конце XVI в. Однако возвышение Пожарских, Ромодановских, сохранение высокого положения Хилковыми, Татевыми создало здесь условия для «ренессанса» родового княжеского землевладения.

Князья всех оставшихся фамилий Стародубских Рюриковичей были среди землевладельцев этого района в 1620-х гг. (см. цв. вклейку, рис. 4).

Благодаря заслугам князя Дмитрия Михайловича Пожарские в XVII в. вошли в число крупнейших землевладельцев Московского государства. В Мыцком стане Суздальского уезда его вотчина «за царя Василия осадное сидение» составляла 887 четей и включала: село Нижний Ландех, 14 деревень, 8 починков, 10 пустошей¹⁴¹. Небольшое поместье (69 четей) князя Д. М. Пожарского располагалось в соседнем Лухском уезде — 5 пустошей¹⁴². Ему принадлежали земли в Дмитровском, Клинском, Коломенском, Московском, Медыньском, Звенигородском, Нижегородском уездах¹⁴³. Всего вотчинных и поместных владений за ним числилось 7715 четей, а с учетом поместий, располагавшихся в разных местах, общий размер его владений достигал 9900 четей и по сравнению с концом XVI в., когда едва составлял 600 четей, вырос в 15 раз.

Сыну князя Д. М. Пожарского стольнику Петру Дмитриевичу принадлежали бывшая суздальская вотчина (400 четей) Ивана Щелкалова в станах Тейков и Сахтыш¹⁴⁴ и поместье (120 четей) в Мыцком стане¹⁴⁵. Четвероюродный брат князя Д. М. Пожарского Роман Петрович Перелыга располагал частью родовой вотчины¹⁴⁶ и поместьем (201 четь) в Лухском уезде¹⁴⁷.

¹⁴¹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 11319. Л. 731–752, 772–783 об.

¹⁴² РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 680. Л. 272.

¹⁴³ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 628. Л. 124; Эскин Ю. М. Указ. соч. С. 185; Русский биографический словарь. Т. 14. Плавильщиков — Примо. СПб., 1905. С. 243; Шватченко О. А. Указ. соч. С. 242–244.

¹⁴⁴ С. Пирево (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 11318. Л. 335–346).

¹⁴⁵ Село, 3 деревни, починок, слободка, 120 четей (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 11319. Л. 752).

¹⁴⁶ 1/3 села Троицкого (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 11320. Л. 1077–1080 об.). Часть с. Троицкого принадлежала деду Р. Перелыги князю Т. Ф. Пожарскому. 2/3 села уже к 1576 г. были в вотчине Спасо-Евфимиева монастыря (АССЕМ. № 11. С. 27; № 154. С. 311; № 194. С. 359; № 212. С. 385; № 263. С. 496; РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 11320. Л. 1078–1078 об.).

¹⁴⁷ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 680. Л. 322.

Остававшиеся самой многочисленной фамилией Стародубских Рюриковичей **Гагарины** служили с поместий, расположенных в других уездах, но в первые десятилетия XVII в. князь Андрей Романович получил в Шуйском уезде поместье (119 четей), а за участие в Московском «осадном сиденье в королевичев приход» часть (25 четей) была дана ему в вотчину¹⁴⁸.

Боярин князь Г. П. **Ромодановский** умер ко времени описания Суздальского уезда в 1620-х гг. В писцовой книге отмечена его прежняя вотчина (75 четей)¹⁴⁹. Дочери князя Евфросинии Григорьевне было выделено «на прожиток» (52 чети) из Стародубского отцовского поместья¹⁵⁰.

Племянник князя Г. П. Ромодановского стольник князь Иван Иванович владел крупной (2210 четей) Стародубской вотчиной¹⁵¹. В писцовой книге отмечено, что указанная «родовая вотчина была за боярином князем Григорием и князем Иваном Петровичами Ромодановскими». Князь И. П. Ромодановский погиб в 1607 г., следовательно, совместное владение братьев началось ранее этого времени. Это известие писцовой книги может рассматриваться как косвенное указание на непрерывность владения вотчиной братьями и еще раз показывает, что Указ 1579/80 г. на эволюции землевладения Ромодановских не отразился. Данное владение, вероятно, составляло «жеребий» князя П. Б. Меньшого.

Часть старинной родовой вотчины князя Г. П. Ромодановского перешла его семи сыновьям, владевшим ею в 1620-х гг. «вопче». Стольники князя В. Г. Большой, И. Г. Большой, П. Г., В. Г. Меньшой, Ф. Г., И. Г. Меньшой и их младший брат князь Г. Г. Ромодановский, еще не имевший чина, владели небольшим (46 четей) «вотчинным жребием» родителя¹⁵².

Основные владения Г. П. Ромодановского (2589 четей) числились за его старшими сыновьями стольниками князьями В. Г. Большим, И. Г. Большим, П. Г., В. Г. Меньшим. Часть этой «латифундии» уже включала прежнюю вотчину князя М. Ю. Ромодановского¹⁵³. Таким образом, князь Г. П. Ромодановский положил начало возрождению родовой вотчины, успешно продолженной его сыновьями в последующие десятилетия. Перечисленные стольники унаследовали «выслуженную вотчину» (110 четей) отца «за Московское осадное сидение королевичева прихода»¹⁵⁴.

Сыновей князя Д. И. **Хилкова** Василия и Андрея Дмитриевичей не было в живых ко времени описания Суздальского уезда в 1620-х гг. Их дети наследовали родовые земли Хилковых¹⁵⁵. Несложно оценить размер вотчины князя Д. И. Хилкова, унаследованной его сыновьями и разделенной внуками, — 2167 четей.

Вероятно, ко времени земельного описания 1620-х гг. сыновья князя Б. П. **Татева** скончались, и их вотчина была передана ТСМ. В писцовой книге в Стародубряполовском стане упоминается только 46 пустошей (411 четей) из «порозжих земель», которыми совместно «на оброке» владели стольник князь Федор (Борисович?) Татев и Прокофий Измайлов¹⁵⁶. «Племянник» князя Ф. Б. Татева по линии троюродного брата князя Ивана Федоровича («убит в Можайску» в 1534 г.) Степан Иванович «с матерью вдовой княгиней Овдотьей» владел отцовским поместьем в Суздальском уезде¹⁵⁷.

Таким образом, старинные вотчины Татевых около 1630 г. стали выморочными.

Сыновьям князя И. Д. Безногого в 1620-х гг. принадлежали остатки родовой вотчины и пожалованные поместья из прежней вотчины **Гундоровых**. Вотчинный «жеребий» князя Д. В. Гундорова и его сына И. Д. Безногого, по-видимому, наследовался его сыновьями. Князю И. И. Гундорову принадлежала «старинная вотчина, была за вдовой княгиней Овдотьей князь Давыдовую

¹⁴⁸ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 11329. Л. 106–108, 179 об.–180 об.

¹⁴⁹ С. Кляземское Городище (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 11320. Л. 860–866 об.).

¹⁵⁰ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 11320. Л. 951–953.

¹⁵¹ С. Алатор Теренинское селище, а Окишино и Богородицкое тож (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 11320. Л. 1099 об.–1128 об.).

¹⁵² Пог. Богоявленская слободка, 4 пустоши (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 11320. Л. 1169–1174).

¹⁵³ 5 жеребьев с. Петровского (Пазухино тож) с деревнями и пустошами (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 11320. Л. 1129–1169).

¹⁵⁴ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 11320. Л. 1254 об.–1257 об.

¹⁵⁵ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 11320. Л. 998 об.–1024.

¹⁵⁶ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 11320. Л. 1543 об.–1551 об.

¹⁵⁷ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 11318. Л. 11 об.; 825 об.

княгиней Гундорова да за его дедом князь Иваном князь Давыдовым сыном Гундорова»¹⁵⁸; князь Гаврило Иванович владел старинной вотчиной (114 четей)¹⁵⁹.

Часть прежней вотчины князя Силы находилась в поместьях за князьями И. И. Гундоровым (Меньшим?) (143 чети)¹⁶⁰ и Гаврилой Ивановичем (143 чети)¹⁶¹. Князь Семен Иванович владел вотчиной (104 чети)¹⁶². За ним же в поместье (143 чети) числилась часть вотчины князя Силы Григорьевича, принадлежавшая еще его отцу (князю И. Д. Безногому)¹⁶³.

Ко времени описания в 1620-х гг. брата князей И. И., Г. И., С. И. Гундоровых Федора, по-видимому, не было в живых, и его доля числилась за сыновьями. Недоросли Григорий, Никита (Микита) Федоровичи наследовали поместье отца, выделенное ему из бывшей вотчины князя Силы Гундорова¹⁶⁴. Небольшая часть вотчины князя И. Д. Безногого (69 четей) была в совместном владении князей Григория, Никиты, Степана Федоровичей и их сестры «девки княжны Дарьи», «князь Ивановыми, Гавриловыми, Семеновыми племянники деда и отца их вотчина»¹⁶⁵. Часть вотчины князя Федора Ивановича (288 четей) была отдана его вдове княгине Татьяне¹⁶⁶.

Еще часть прежней вотчины (541 четь) князя Силы Гундорова не была ни за кем записана (лежала в «порозжих землях»?)¹⁶⁷.

Сведения писцовой книги Суздальского уезда 1620-х гг. позволяют оценить размер вотчин князя И. Д. Безногого (761 четь) и Силы Гундоровых (827 четей). Таким образом, в распоряжении князей Д. В. и С. Г. Гундоровых были примерно равные вотчинные части (по 800 четей). При этом значительная доля вотчин князя Силы и его родни перешла монастырям.

Приведенные сведения, казалось бы, дают сравнительно подробную картину эволюции родового вотчинного землевладения князей Стародубских. Тем не менее существует значительный потенциал для детализации и, самое главное, поднятия и решения ряда важных вопросов, связанных с направлениями эволюции родового княжеского землевладения и выявления влияющих на эти процессы факторов. Речь в данном случае идет о возможностях, открывающихся при картографировании сведений, содержащихся в писцовых книгах 1620-х гг.

На первоначальном этапе ставится задача локализации топонимов, связанных с конкретными княжескими вотчинами (в первую очередь это населенные пункты и пустоши). Сведения о них обнаруживаются как непосредственно в картографических материалах, так и в Экономических примечаниях к Планам Генерального межевания. На следующем этапе определяются границы межевых дач, в которых располагались эти населенные пункты и пустоши. Вотчины состояли из разного числа населенных пунктов и разного числа межевых «дач». Тем не менее всех их удастся локализовать и реконструировать. Наиболее показательна в этом плане реконструкция вотчины Ивана, Гаврилы и Семена Ивановичей Гундоровых с центром в селе Старые Зименки. Она состояла из более чем двадцати пунктов. Часть их была в писцовой книге записана за одним из братьев, а часть указана как совместное владение (в долях). Доли братьев примыкают друг к другу и образуют единое целое. Очевидно, что именно в таком виде, скорее всего, эта вотчина некоторое время назад принадлежала их отцу — князю Ивану Гундорову (см. *цв. вклейку, рис. 5*).

По такой же методике локализуются и остальные владельческие комплексы князей Стародубских на территории Стародуба в период составления писцовой книги.

Уже по этой карте (см. *цв. вклейку, рис. 4*) видно, насколько существенными были утраты родовых вотчин у всех фамилий князей Стародубских. Однако писцовая книга содержит еще один важный пласт информации — данные о вотчинах духовных корпораций. Локализация этих

¹⁵⁸ Жеребей с. Старых Зименок; 186 четей (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 11320. Л. 971 об.–980). В писцовой книге, вероятно, допущена неточность: князь Иван Давыдович был отцом, а не дедом князя И. И. Гундорова.

¹⁵⁹ 1/2 села Старых Зименок (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 11320. Л. 980 об.–987).

¹⁶⁰ 1/2 села Меховиц; 143 чети (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 11320. Л. 677–684).

¹⁶¹ 1/2 села Меховиц; 143 чети (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 11320. Л. 684–690 об.).

¹⁶² 1/2 села Старых Зименок (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 11320. Л. 987–992).

¹⁶³ Два жеребья сц., что была дер. Мансуриха (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 11320. Л. 690 об.–696 об.).

¹⁶⁴ 2 деревни (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 11320. Л. 696 об.–697 об.).

¹⁶⁵ 2 деревни, пустошь (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 11320. Л. 992–995).

¹⁶⁶ Сц. Дорожаево (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 11320. Л. 706 об.–714 об.; 1535–1535 об.).

¹⁶⁷ Сц., 3 деревни, 32 пустоши (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 11320. Л. 702–706 об.; 866 об.–875).

владений не просто отражает ситуацию, сложившуюся к 1620-м гг., но и показывает территории, с которыми связано большинство сохранившегося актового материала XV–XVI вв. (как правило, это акты, отражающие переход княжеской вотчины во владение духовной корпорации).

Существенным штрихом, необходимым для полноты картины, является локализация дворцовых владений. В писцовых книгах они не отражались, но состав и границы определяются по другим источникам. Совместив карты, получаем территорию, по которой или известна владельческая судьба вотчины и обстоятельства ее выхода из ветви Стародубских князей, или же эта вотчина оставалась за ними (см. цв. вклейку, рис. 6).

Остальные (не закрашенные) земли — это поместья или вотчины других светских землевладельцев, когда-то тоже принадлежавшие Стародубским Рюриковичам, но по тем или иным причинам утраченные. Если размеры таких утрат можно определить, оперируя сведениями писцовой книги, то их расположение и сосредоточение выясняется только в результате картографирования.

***

Можно сделать вывод, что, как и в иных районах с родовым княжеским землевладением (Ростовским, Ярославским, Суздальским, Белозерским, Оболенским, Мосальским и др.), в Стародубском уезде оно постепенно «деградировало». Только 4 из 15 фамилий Стародубских Рюриковичей (рис. 1) удержали крупные владения в «родовом гнезде» в 1620-х гг. Остальные пресекались к этому времени, покинули «родовое гнездо», как Гагарины, или их землевладение в этом районе, как у Ковровых, Татевых, находилось в стадии исчезновения.

Старинным вотчинным комплексом, сохранившимся с середины XVI в., были только земли Хилковых. Пожарские, Ромодановские «восстановили» родовые вотчины благодаря выдающейся служебной деятельности князей Д. М. Пожарского, Г. П. Ромодановского. Гундоровы к сохранившейся у них небольшой части родовых земель сумели присоединить на правах поместья только относительно малую часть прежней фамильной вотчины.

Перешли «во Дворец» или монастыри большинство вотчинных комплексов Стародубских Рюриковичей, существовавших в середине XVI в. Особенность эволюции родового княжеского землевладения в данном случае заключалась в минимальном влиянии «внешних» политических факторов (земельные конфискации времени опричнины, указ 1579/80 г.). Данный процесс преимущественно определяли ограничения наследования выморочных вотчин князьями боковых линий¹⁶⁸, передача земель монастырям для обеспечения спасения души. Фактическое отрицание майората (вотчина делилась между всеми прямыми наследниками поровну), эффективной практики родового выкупа, приводили к исчезновению больших владений на протяжении жизни двух — четырех поколений (примером могут быть Ромодановские и др.). Действие естественных демографических факторов усиливали войны, эпидемии, заметно сокращавшие численность фамилий.

References

Anhimyuk Yu. V. *Chastnyye razryadnyye knigi s zapisyami za poslednyuyu chetvert' XV — nachalo XVII veka* [Private Rank Books with Records for the Last Quarter of the 15th — Early 17th Century]. Moscow: Drevlekhranilishche Publ., 2005. (In Russian).

Bychkova M. E. *Rodoslovnyye knigi XVI–XVII vv. kak istoricheskiy istochnik* [Genealogical Books of the 16th–17th Centuries as a Historical Source]. Moscow: Nauka Publ., 1975. (In Russian).

Davydov M. I. *Starodub Ryapolovskiy v XIII — 70-kh gg. XVI v.: politicheskoye razvitiye, administrativno-territorial'noye ustroystvo, evolyutsiya struktur zemlevladieniya: kand. diss.* [Starodub Ryapolovsky in the 13th — 70s of the 16th Century: Political Development, Administrative-Territorial Structure, Evolution of Land Tenure Structures: Diss. Cand.]. Vladimir, 2004. (In Russian).

Eskin Yu. M. *Dmitriy Mikhailovich Pozharskiy* [Dmitry Mikhailovich Pozharsky]. Moscow: Zebra-E Publ., 2013. (In Russian).

¹⁶⁸ Ограничения при наследовании княжеских вотчин предусматривал указ 1562 г. (Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века: тексты. Л., 1986. С. 55–56).

Gryaznov A. L. ["In the Poshekhonie on the Ukhtoma" and the Ukhtomskaia Volost' in the Sixteenth — Early Seventeenth Centuries]. *Istoricheskaya geografiya* [Historical Geography]. Moscow: Akvilon Publ., 2016, vol. 3, pp. 318–346. (In Russian).

Gryaznov A. L. [Methodology for the Reconstruction of Property Complexes in the 16th–17th Centuries and Practical Aspects of Its Implementation (On the Example of the Western Half of the Opol'skiy Stan of the Suzdal Uezd)]. *Suzdal'skiy sbornik za 2014 god* [Suzdal Collection for 2014]. Vladimir: Tranzit-IKS Publ., 2015, pp. 41–90. (In Russian).

Gryaznov A. L. [The Ancestral Landownership of Princes Sheleshpalskie in the Fifteenth and Sixteenth Centuries]. *Istoricheskaya geografiya* [Historical Geography]. Moscow: Akvilon Publ., 2014, vol. 2, pp. 105–151. (In Russian).

Gryaznov A. L. *Suzdal'skiy uyezd v pervoy treti XVII v. Atlas* [Suzdal Uezd in the First Third of the 17th Century. An Atlas]. Vladimir: Tranzit-IKS Publ., 2014. (In Russian).

[In the Shadow of a Great Relative: Princes Dmitry and Roman Lopata-Pozharsky]. *Kabanov A. Yu., Semenenko A. M. Ivanovskiy kray v smutnoye vremya* [Kabanov A. Yu., Semenenko A. M. Ivanovo Region in the Time of Troubles]. Ivanovo: Izd-vo Ivanovo Publ., 2010, pp. 197–199. (In Russian).

Kabanov A. Yu. [Territorial Reorganization of the Suzdal Uyezd in the Second Half of the 16th and Early 17th Century: Creation of the New Uyezds]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod], 2017, no. 1, pp. 15–22. (In Russian).

Kobrin V. B. *Vlast' i sobstvennost' v srednevekovoy Rossii (XV–XVI vv.)* [Power and Property in Medieval Russia (15th–16th Centuries)]. Moscow: Mysl' Publ., 1985. (In Russian).

Nazarov V. D. [The Romodanovsky Princes in the Era of the Formation of the Russian Centralized State]. *Gosudarev dvor v istorii Rossii XV–XVII stoletiy. Materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Sovereign's Court in the History of Russia of the 15th–17th Centuries. Materials of the International Sci.-Pract. Conf.]. Vladimir: Izdatel' A. Vokhmin Publ., 2006, pp. 32–84. (In Russian).

Pavlov A. P. *Dumnyye i komnatnyye lyudi tsarya Mikhaila Romanova: prosopograficheskoye issledovaniye* [Duma and Room People of Tsar Mikhail Romanov: A Prosopographic Study]. Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin Publ., 2019, vol. 1–2. (In Russian).

Pavlov A. P. *Gosudarev dvor i politicheskaya bor'ba pri Borise Godunove (1584–1605 gg.)* [Sovereign's Court and Political Struggle under Boris Godunov (1584–1605)]. Saint Petersburg: Nauka Publ., 1992. (In Russian).

Polyakov I. A. *Rod knyazey Romodanovskikh v XVII v. i ikh knizhnoye sobraniye: kand. diss.* [The Family of the Romodanovsky Princes in the 17th Century and Their Book Collection: Diss. Cand.]. Saint Petersburg, 2020. (In Russian).

Sergeev A. V. [Evolution of the Territorial Princely Associations of the Suzdal and Starodub Rurikids at the End of the 15th–16th Centuries]. *Rus', Rossiya: Srednevekov'ye i Novoye vremya* [Rus', Russia: Middle Ages and Modern Times]. Moscow: Izd-vo Moskovskogo universiteta Publ., 2019, iss. 6, pp. 82–86. (In Russian).

Sergeev A. V. [Political Activity and Land Tenure of the Princely Aristocracy of the Muscovy State of the 16th Century: Princes Paletsky]. *Drevnyaya Rus'. Voprosy mediyevistiki* [Old Russia. The Questions of Middle Ages], 2019, no. 3 (77), pp. 43–59. DOI: 10.25986/IRI.2019.77.3.005 (In Russian).

Sergeev A. V. [Princely Land Tenure in the Rostov Uezd in the 16th — Early 17th Centuries]. *Istoriya i kul'tura Rostovskoy zemli. 2015* [History and Culture of the Rostov Land. 2015]. Rostov: Gosudarstvennyy muzey-zapovednik "Rostovskiy kreml'" Publ., 2016, pp. 66–80. (In Russian).

Sergeev A. V. [Princes Gagarins in the Russian State of the 16th–17th Centuries]. *Vspomogatel'nyye istoricheskiye distsipliny v sovremennom nauchnom znanii: Materialy XXXII Mezhdunar. Nauch. konf. Moskva, 11–12 apr. 2019 g.* [Auxiliary Historical Disciplines in Modern Scientific Knowledge: Proceedings of the 32nd International Sci. Conf. Moscow, April 11–12, 2019]. Moscow: RGGU Publ., 2019, pp. 362–364. (In Russian).

Sergeev A. V. [Princes Pozharsky in the Russian State of the XVI–XVII Centuries: Political Activity and Land Tenure]. *Klio* [Clio], 2018, no. 9 (141), pp. 75–87. (In Russian).

Sergeev A. V. [Representatives of the Princely Families of the Moscow State of the 16th–17th Centuries in the Deposit Books of the Joseph-Volokolamsk Monastery]. *Prepodobnyy Iosif Volotskiy i yego*

obitel' [Reverend Joseph Volotsky and His Monastery]. Moscow: Dobraya Mysl' Publ., 2017, iss. 4, pp. 326–374. (In Russian).

Sergeev A. V. [Starodub Rurik Dynasty in the “Tsyachnaya kniga” of 1550 and in the “Dvorovaya Tetrad” of the Beginning of 1550-s]. *Klio* [Clio], 2018, no. 8 (140), pp. 36–48. (In Russian).

Sergeev A. V. [The Place of Starodub Rurikovich in the Service Class of the Moscow State in the Second Third of the 16th Century]. *Sovremennaya nauka: aktual'nyye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnyye nauki* [Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series: “Humanities”], 2021, no. 1, pp. 23–32. DOI: 10.37882/2223-2982.2021.01.29 (In Russian).

Shvatchenko O. A. *Evolutsiya svetskikh feodal'nykh votchin v Rossii v kontse XVI — nachale XVIII v.: dokt. diss.* [The Evolution of Secular Feudal Estates in Russia in the Late 16th — Early 18th Century: Diss. Doc.]. Moscow, 1997. (In Russian).

Stanislavsky A. L. *Trudy po istorii gosudareva dvora v Rossii XVI–XVII vv.* [Works on the History of the Sovereign's Court in Russia in the 16th–17th Centuries]. Moscow: RGGU Publ., 2004. (In Russian).

Stashevsky E. D. *Zemlevladieniye moskovskogo dvoryanstva v pervoy polovine XVII veka* [Land Tenure of the Moscow Nobility in the First Half of the 17th Century]. Nizhny Novgorod: NIEL Publ., 2012. (In Russian).

Zimin A. A. *Formirovaniye boyarskoy aristokratii vo vtoroy polovine XV — pervoy treti XVI veka* [Formation of the Boyar Aristocracy in the Second Half of the 15th — the First Third of the 16th Century]. Moscow: Nauka Publ., 1988. (In Russian).

УДК 94(470.311):528.94

DOI: 10.58529/2782-6511-2023-2-2-68-75

Чернов Сергей Заремович

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии РАН (Россия, Москва)

ORCID: 0009-0006-0578-8564

E-mail: chernovaz@mail.ru

Реконструкция полей Городка Радонежа по состоянию на 1617 г.

АННОТАЦИЯ. В статье предлагается реконструкция полей древнего Радонежа (Сергиево-Посадский городской округ Московской области), зафиксированных описанием 1617 г. Установлено, что в 1617 г. распаивалась площадь (278,4 га), которая лишь на 50 га превышала размеры полей села Городок (ныне село Радонеж) в XX в. (229 га). Кроме того, в пределах земельной дачи села Городок Радонеж располагались заброшенные пашни, обозначенные писцами как «перелогом и лесом поросло» площадью 346,5 десятины, что составляет 376 гектаров. Эти заброшенные пашни удалось частично локализовать благодаря плану 1768 г. и военной съемке 1852–1853 гг. К селу Городок Радонеж были также приписаны 12 пустошей, большая часть которых локализована. Как показало ботаническое описание, в зоне заброшенных пашен 1617 г. произрастают вторичные леса. На территориях, не затронутых распашкой, сохраняется естественный породный состав растительности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Радонеж, средневековые поля, генеральное межевание, военная съемка 1852–1853 гг., состав растительности, локализация

UDC 94(470.311):528.94

DOI: 10.58529/2782-6511-2023-2-2-68-75

Sergey Z. Chernov

Doctor of Historical Sciences, Institute of Archaeology of the RAS (Russia, Moscow)

ORCID: 0009-0006-0578-8564

E-mail: chernovaz@mail.ru

The Reconstruction of the Fields of Ancient Radonezh as of 1617

ABSTRACT. The article proposes the reconstruction of the fields of ancient Radonezh (Sergiev Posad city district of Moscow region), recorded by the 1617 description. It was established that in 1617 an area of 278.4 hectares was plowed, which was only 50 hectares larger than the size of the fields of the village of Gorodok (now the village of Radonezh) in the 20th century (229 ha). In addition, within the boundaries of the lands of the village of Gorodok Radonezh, there were abandoned arable lands designated by scribes as «fallow lands and overgrown with forest» with an area of 376 hectares. These abandoned arable lands were partially localized thanks to the plan of 1768 and military survey of 1852–1853. 12 wastelands were also assigned to the village of Gorodok Radonezh, most of which are localized. As the botanical description showed, secondary forests grow in the area of abandoned arable land in 1617. In the territories not affected by plowing, the natural composition of vegetation is preserved.

KEYWORDS: Radonezh, medieval fields, general surveying, military survey of 1852–1853, vegetation composition, localization

Для понимания процесса внутренней колонизации Северо-Восточной Руси XIII–XVI вв. первостепенное значение имеет изучение средневековых полей. Редкую возможность для такого исследования дают источники, связанные с древним Радонежем, расположенным на северо-востоке Московской области.

После разорения города в Смутное время земли Городка Радонежа были переданы Троице-Сергиеву монастырю. В связи с этим 3 августа 1617 г. было составлено описание. Оно дошло до нас в составе дозорной книги вотчин Троице-Сергиева монастыря 1623–1624 гг., хранящейся в фонде Поместного приказа под номером 258. Описание представляет собой 13 листов, писанных уверенной скорописью (*листы 227–239*).

Описание открывается следующей преамбулой: «Лѣта 125-го (1617 г. — С. 3.) августа в 7 де[нь] по г[осу]д[ар]е[в]е ц[ар]е[в]е и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии грамоте Миха[й]ло Тиханов да под[ъ]ячей Дмитрей Орлов межевали и мѣрили с старожильцы в десятины Троицы Сергиевы м[он]н[ас]ц[ты]ря вотчину Городок Радонежской да пустош[ь] Могилицкую з г[о]с[уд]а[р]е[в]ы м[ь] дворцовым селом Здвиженским да с пустошью Голневою да з д[е]р[е]в[н]ею Олешковою...»¹ Далее следует описание межи (*см. ее локализацию на цв. вклейке, рис. 30. № 15–30*).

Затем приводится описание села Городок Радонежской, включая крестьянскую запашку, поля церкви близ села и церковную пустошь Спасскую.

Последний раздел описания открывается следующим текстом: «Да в нынешнем же во 125 (1616/17 г. — С. 4.) году по г[осу]д[ар]е[в]е грамоте к Горотку к Радонежскому отведено двенадцат[ь] пустошей, которые отданы были городецким охотником на выгон, а по писцовым книгам Елизар[ь]я Сабурова да под[ъ]ячаго Ивана Яковлева 97 года (1588/1589 г. — С. 4.) тѣ пустоши были написаны к селу ко Здвиженскому в укос для сенных покосов»². Далее следует описание пустошей с указанием на размер «пашни паханой» и «лесом поросло». Завершается описание перечнем старцев Троицкого монастыря и крестьян — старожильцов, участвовавших в отводе земли.

Для локализации полей, описанных в 1617 г., в нашем распоряжении имеется ряд картографических источников. Наиболее ранний из них — план земельной дачи Генерального межевания «Сергиев Посад, что был подмонастырския слободы с селами и деревнями коллегии экономии» 1768 г.³ Он содержит детальное изображение села Городок Радонеж и межи с землями дворцового села Воздвиженского, которая была описана в 1617 г. (*см. цв. вклейку, рис. 30. № 15–30*). Изображение полей не входило в задачи межевщиков, поэтому информация на этот счет отрывочна. Более полно поля нанесены на План Богородского уезда 1784 г.⁴

Детально поля были зафиксированы на Военной съемке Московской губернии, снятой в масштабе 1 верста в дюйме в 1852 и 1853 гг.⁵ На материалах этой съемки основана и карта Московской губернии 1860 г.⁶

Следующий этап картографирования полей связан со съемками 1920-х гг., отраженными на планшетах мензуральной съемки Загорского района в масштабе 1:25 000 1930 г. (*см. цв. вклейку, рис. 31*)⁷.

¹ Описание Троице-Сергиева монастыря вотчины городок Радонежский 1617 г. в составе дозорной книги вотчин Троице-Сергиева монастыря 1623–1624 гг. // РГАДА. Ф. 1209. Оп. I. Кн. 258. Л. 227.

² Описание Троице-Сергиева монастыря вотчины городок Радонежский 1617 г. в составе Дозорной книги вотчин Троице-Сергиева монастыря 1623–1624 гг. // РГАДА. Ф. 1209. Оп. I. Кн. 258. Л. 234 об., 235.

³ Сергиев Посад что был подмонастырския слободы с селами и деревнями коллегии экономии. 1768 г. // РГАДА. Ф. 1354. Оп. 246. Ч. 1. Московская губерния. Богородский уезд. Ч. 1. Д. С-64 кр.

⁴ План Богородского уезда Московской губ. 1784 г.: Масштаб: 1 верста в английском дюйме // РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Д. 2189.

⁵ Военная съемка Московской губернии. 1 верста (500 сажень) в дюйме. 1852 и 1853 годов. 135 листов // РГВИА. Ф. 386. Оп. 1. Ч. 3. Ед. хр. 3657. Ч. 1–2. Ряд IV. Листы 12 и 13. Благодарю Андрея Владимировича Дедука, выявившего этот источник и любезно предоставившего его для моей работы.

⁶ Топографическая карта Московской губернии, составленная съ топографической съемки, произведенной в 1852 и 1853 годах и гравированная въ Военно-Топографическом Депо. 1860 г.: Масштаб въ английском дюйме 2 версты или въ 1/84 000 долю настоящей величины. Ряд. II. Листы 6, 7; Ряд III. Листы 6, 7 // РГВИА. Ф. 846. Д. 21387.

⁷ Планшеты мензуральной съемки Загорского района в масштабе 1:25 000, пантографированные с планшетов в масштабе 1:10 000. 1930 г. Геодезисты: Б. М. Шуев, А. А. Каленова. 19 листов в масштабе 1:25 000 и сводная схема района на 4 листах. Фотокопия, выполненная методом контактной печати // Чернов С. З. Отчет об археологических разведках в бассейне р. Вори в 1983 г. Часть 6. Приложение. Материалы топографической съемки Загорского района 1930-х гг. // Архив ИА РАН. Р-1 № 9728д. Лист 0-37-137-Ав.

Ситуация, зафиксированная на планшетах 1930 г., практически идентична современным контурам полей (рис. 1), отраженным на геоподоснове проекта зон охраны древнего города Радонеж 1983–1984 гг.

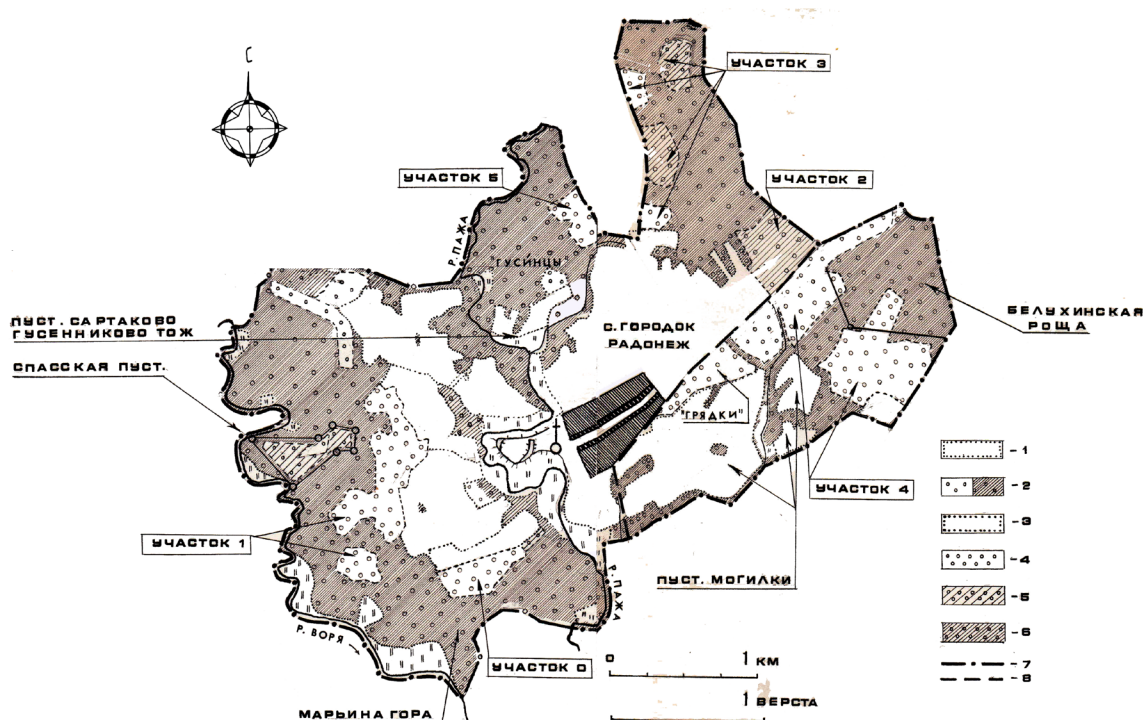

Рис. 1. Реконструкция полей села Городок Радонеж на 1617 г.
В основе плана — планшет мензуральной съемки 1930 г. в масштабе 1:25 000
Состояние на 1920–1930-е гг. 1 — поля; 2 — леса.

Состояние на 1617 г.: 3 — «пашни паханные»; 4, 5 — «пашни перелогом да лесом поросло», в том числе: 4 — занятые в настоящее время вторичным лесом с преобладанием березы, осины; 5 — занятые еловыми и смешанными лесами; 6 — лесные массивы; 7 — общие границы земель Городка Радонежа; 8 — западная граница Могилецкой пустоши

ЗАПАШКА СЕЛА ГОРОДОК РАДОНЕЖ

Общая площадь земель городка Радонежа в границах, определенных описанием 1617 г. (без пустошей), составляет в настоящее время 780 гектаров (рис. 1). В 1617 г. распахивалось 210 десятин, или 229 гектаров земель крестьян Городка Радонежа, и 45 десятин, или 49,4 гектара церковных земель (они показаны на плане Генерального межевания 1768 г.), то есть всего 278,4 га (см. таблицу ниже).

Расчет площади полей в их традиционных границах, зафиксированных съемкой 1930 г. (масштаб 1:25 000) (см. цв. вклейку, рис. 31), показал, что в начале XX в. распахивалось 229 гектаров, то есть на 49,4 гектара меньше, чем в 1617 г.

Учитывая упоминание «заполюя» городка Радонежа в межевань 1623 г. (см. цв. вклейку, рис. 30, № 33–35), можно полагать, что на юге пашня Городка простиралась в начале XVII в. несколько далее, чем в настоящее время, и достигала межи с землями д. Гольнево, что дает как раз 49,4 недостающих гектара (квартал 26 Воздвиженского лесничества, выделы 1 и 3) (рис. 1, участок 0).

За период опричнины и Смутного времени из хозяйственного оборота выпала огромная территория, которая ранее распахивалась, хотя, вероятно, и не постоянно. Описание 1617 г. определяет размер этих земель («перелогом и лесом поросло») в 346,5 десятины (в трех полях), что составляет 376 гектаров и почти в полтора раза превышает все пахотные земли Городка, как мы их знаем по данным XIX–XX вв. Из этой цифры видно, что в середине XVI в. — в эпоху расцвета города — Радонеж окружал значительно более обширный, чем в настоящее время, массив полей.

Эта картина, однако, требует некоторой корректировки. Даже в период наибольшей активизации хозяйственной жизни все 346,5 десятины (376 га) не находились в постоянном трехпольном севообороте. Значительная часть этих земель периодически оставлялась под перелог, то есть была покрыта более или менее густым лесом.

Сказывалась и специфика писцового дела. Писцы для определения суммы обложения фиксировали не только реальные перелог, но и все земли, которые теоретически могли быть распаханы, поскольку однажды лес на них уже был сведен. Таким образом, в эту цифру зачислялись все земли, кроме «черного леса» (которого никогда не касалась рубка и корчевка), лугов, склонов рек и оврагов, болот.

Часть этих заброшенных к началу XVII в. земель на протяжении XVII в. были вновь распаханы. Следы этих пашен сохранились до 1766 г. и 1852–1853 гг.

Рассмотрим эти поля по участкам (рис. 1).

Участок 1. Первая группа полей располагалась к западу от землепользования современного села Городок⁸. На карте 1852–1853 гг. обширный участок мелколесья показан в районе дороги на д. Новоселки (см. цв. вклейку, рис. 7). По всей видимости, это мелколесье маркирует ранее существовавшие здесь поля. Можно предположить, что размерам этих полей соответствуют в настоящее время леса с преобладанием березы, произрастающие на водоразделе р. Пажи и р. Вори в кварталах 24 (выделы 21, 26, 31, 37, 49, 50) и 25 (выделы 1, 2, 6, 9, 7, 21, 23). Общая их площадь — 53 га + 11 га вдоль Короськовской дороги.

Участок 2. Вторая группа расположена на северо-востоке от с. Городок. На карте 1852–1853 гг. пространство между Троицкой и Окопанной дорогами к востоку от современного контура полей показано как молодой лес (см. цв. вклейку, рис. 7). На карте же 1860 г. оно показано как поле. Судя по плану 1784 г. (основан на съемке 1768 г.), поле достигало восточной границы земель с. Городок. Площадь его составляет примерно 18 га.

Участок 3. Третья группа полей располагалась в северной части земель с. Городка, вдоль дороги на д. Морозово (рис. 1). В настоящее время здесь расположен лесной массив (квартал 11) с преобладанием старовозрастных еловых лесов. Но на картах 1852–1853 гг. и 1860 г. вдоль дороги на д. Морозово показано 6 участков мелколесий, маркирующих места старых лугов и полей (см. цв. вклейку, рис. 7). Они идентифицируются с выделами 3, 8, 22, 23, общая площадь которых составляет 21 га. Поскольку 4 участка не локализируются (требуется специальное обследование леса), суммарную площадь можно ориентировочно увеличить до 50 га.

Участок 4. Четвертая группа. В межевой книге, там, где подводится итог землям Радонежа, сказано: «...и с тою землею, что примежевали к Городку Радонежскому». Таким образом, можно искать часть старых пашен Радонежа в пределах Могилицкой пустоши, которая была «примежована» к Радонежу именно в 1617 г. (см. цв. вклейку, рис. 30, № 15–30).

Судя по карте 1784 г., вся южная часть современного квартала № 17 (северная часть Могилицкой пустоши) представляла собой поле (выделы 26, 27, 28, 24, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 39, 50, 51). Съемка 1852–1853 гг., хотя и застает здесь в основном лесной массив (см. цв. вклейку, рис. 7), в целом подтверждает, что ранее на этом месте были поля. Рассмотрим эту территорию подробнее.

— Лиственный лес, подступающий к с. Городок с северо-востока (выдел 39), местные жители называют лесом «Грядки» (рис. 1). По рассказам жителей, в с. Городок, в лесу, сохраняются гряды от бывших здесь полей. На картах 1852–1853 гг. и 1860 г. на месте леса Грядки показано поле (см. цв. вклейку, рис. 7).

— Большое поле показано на карте 1852–1853 гг. посреди леса в центре выдела 27 (см. цв. вклейку, рис. 7). Оно сохранилось до 1930 г. (см. цв. вклейку, рис. 31).

— Выдел 30 и южная часть выдела 32-го квартала 17, по рассказам жителей д. Лешково, в 1910–1920-е гг. изобиловали покосами.

— На плане 1853 г. сельца Лешково⁹ граница леса на территории квартала 17 показана так же, как и на плане 1784 г., — вдоль трассы древней Переяславской дороги изображено поле шириной 50 саженей.

⁸ Здесь и далее автор сохраняет старое название современного села Радонеж, поскольку фиксация полей и опросы старожилов проводились в 1980–1986 гг., когда использовалось старое название.

⁹ ЦГИАМ. Ф. 184. Оп. 15. Ед. хр. 132.

Таким образом, вся эта территория вполне могла быть отнесена в начале XVII в. к категории старых пашен, которые «перелогом и лесом поросли». Общая площадь — 81 га.

Участок 5. Пятая группа полей расположена к северу от с. Городок и связана с пустошами, которые не входили в непосредственные земли с. Городок. Однако смежно с пустошами имеется участок смешанного леса (квартал 10, выдел 6 — северная часть), который, быть может, также относится к старым пашням. Площадь его примерно 10 га.

Всего получилось 223 гектара, то есть цифра, вполне сопоставимая с 376 гектарами пашен, что «перелогом и лесом поросло», 1617 г.

Приписные пустоши. Более точные расчеты удастся произвести относительно пустошей, так как по каждой из них приведены конкретные данные. Пустоши располагались за пределами земель села Городок Радонежский, показанных на *рис. 1*. Они локализованы на *рис. 30* (см. *цв. вклейку*).

Данные о запашке этих пустошей отражают размер запашки малых деревень XVI в., столь типичных для землепользования в окрестностях Радонежа в эпоху его расцвета. В описании 1617 г. сообщается, что, по писцовым книгам Елизарья Сабурова и Ивана Яковлева 1588/1589 г., пустоши были написаны к селу Здвиженскому в укос для сенных покосов. Следовательно, деревни запустели до этого времени. Из 143,5 десятины их земли в 1617 г. распахивалось всего 6 десятин. До 1617 г. эти пустоши находились в пользовании радонежских ямщиков в качестве выгона для прокорма лошадей.

Особенно подробные данные имеются по *пустоши Могилецкой*, поскольку в 1617 г. были описаны ее границы (*рис. 1, № 8; см. цв. вклейку, рис. 30, № 15–30*). В пределах этих границ в настоящее время имеется пять полей: безымянное, Верхняя Лопата, Нижняя Лопата, Могильцы и Ржавец. Их общая площадь в границах на 1930 г. (60 га) довольно точно соответствует суммарной площади земель пустоши Могильцы в 1617 г.: «...пашни паханные и перелогом, и лесом поросло» в трех полях 54 десятины, то есть 58,9 га. Здесь перед нами случай, когда из-за удобства расположения все земли, обрабатывавшиеся в XVI в., были рекультивированы и сохранились в своих исторических границах до нашего времени.

В большинстве других случаев те земли, которые обрабатывались в период существования на пустошах деревень (XVI в.), уже в XVII в. частично или полностью вышли из хозяйственного оборота и заросли лесом.

Так *пустошь Головково* имела в 1617 г. «пашни паханные и лесом поросло» 54 десятины, то есть 58,9 га. Пустошь располагалась на правом берегу р. Пажи, между Покровским монастырем в Хотькове и д. Короськово (см. *цв. вклейку, рис. 30, № 6*). На карте 1852–1853 гг. показано два обширных участка мелколесья (см. *цв. вклейку, рис. 7*). Судя по аэрофотосъемке 1970 г., местность представляла собой лес с крупными полянами и участками разреженного леса — явными следами покосов и мелких полей, сохранявшихся на месте пустоши Головковой в XIX в. Более половины от 58,9 га залесено.

На территории пустоши *Путятино* (см. *цв. вклейку, рис. 30, № 7*) карта 1852–1853 гг. не фиксирует мелколесий. Зато на планшете 1930 г. в центре пустоши показан небольшой луг (см. *цв. вклейку, рис. 31*).

Четыре пустоши располагались к северо-востоку от Радонежа. На месте пустоши *Токмаково*, которая имела наиболее обширные поля (47,4 га — см. *цв. вклейку, рис. 30, № 11*), сохранилось поле размерами 15 га (показано на планшете 1930 г. — см. *цв. вклейку, рис. 31*). Оно было расчищено вновь во второй половине XIX в. На картах 1852–1853 гг. и 1860 г. оно отсутствует. Поля пустошей *Окуловской* (13,1 га — см. *цв. вклейку, см. цв. вклейку, рис. 30, № 8*) и *Поповичи* (22,9 га — см. *цв. вклейку, рис. 30, № 9*) заняты теперь смешанным лесом, а поля пустоши *Пустое Фомина* (29 га — см. *цв. вклейку, рис. 30, № 10*) покрыты еловым лесом. Поляна («осёлок») сохранилась лишь на месте последней пустоши 9 селище Морозово-2. Она показана на планшете 1930 г. (см. *цв. вклейку, рис. 31*).

Пустошь *Сартаково Гусенниково* тож располагалась к северу от Городка Радонежа, на левом берегу р. Пажи (см. *цв. вклейку, рис. 30, № 12*). Близость к Радонежу стала причиной сохранения поля на месте этой пустоши. Следами деревни Сартаковой является селище Радонеж-9 (на месте поля Гусинцы). Границы пустоши устанавливаются по плану 1768 г. На карте 1852–1853 гг. мы видим уже ту картину, которая без изменений дошла до нашего времени: поле (9 га) и луг, окружен-

ные лесом. Кроме того, на карте показано поле к востоку, место которого ныне занято лесом (см. цв. вклейку, рис. 7). В 1617 г. «пашни паханой» здесь было лишь 1,5 десятины, а большая часть территории (13,5 десятины) относилась к категории «перелогом и лесом поросло». Вне всякого сомнения, эти поля отражают размеры поля XVI в. — 15 десятин (16,3 га), которые находились тогда в постоянной обработке. Это эталонный образец угодий, сохранившихся на месте деревни XVI в. (рис. 1).

Выводы

Проведенный анализ свидетельствует о том, что в середине XVI в. вокруг Радонежа, который тогда являлся центром уезда, располагался значительный массив полей. Он включал район постоянной распашки (255 десятин, или 269,4 га) и зону, которая в 1617 г. значилась как «перелогом и лесом поросло» (346,5 десятины, или 376 га). На прилегающей территории располагались 1–3-дворные деревни с пашнями размером от 12 до 54 десятин.

Установив по историческим источникам размещение полей XVI–XVII вв., можно методом исключения определить участки, которые не подвергались распашке (рис. 1, № 6 — «черный лес»). Это Белухинская роща к востоку от Городка, лес по берегам р. Пажи к северу от пустоши Гусениковой (местное название — Гусинцы) и два массива по берегу р. Воря — к северу от пустоши Спасской и на Марьиной горе.

Если сопоставить эти данные с результатами ботанического обследования, окажется, что на месте указанных лесных массивов в настоящее время сохранились участки старовозрастных лесов, которые отражают характер коренной растительности. Так, Белухинской роще соответствует участок дубово-еловой формации, Гусинцам — еловой, а лесам вдоль р. Воря — еловой и елово-сосновой формаций. Приведенное наблюдение важно для палеоботанической интерпретации, так как показывает, что леса, подвергшиеся в XVI–XVIII вв. распашке широкой площадью, за 200–300 лет не восстановили своего естественного породного состава.

Иначе обстоит дело в тех случаях, когда 1–3-дворное селение XIV–XV вв. в XVI в. приходило в запустение, а его поля зарастали лесом. Ботаническое обследование фиксирует на этих местах восстановление коренной растительности. Примерами могут послужить участки леса в районе селищ Морозово-2 (на поляне Осёлок), Радонеж-8 (на Марьиной горе, у пионерлагеря «Восток»), Филимоново-5 (в пустоши Дуденевой), Лешковол-7.

Таблица 1

Описание Городка Радонеж 1617 г.

Название	Тип земель	Десятин в 1 поле	Десятин в 3 полях	Гектаров в 3 полях	Копен сена
В Городецкие поля церковные	Пашни паханые	5	15	16,4	30 по р. Паже и Большому оврагу
-«-	Перелогом и лесом поросло	10	30	33	
Да в Городецком же поле церковные ж пашни пустошь Спасская	Пашни паханые	2	6	6,5	20 по р. Воре
-«-	Перелогом и лесом поросло	5	15	16,4	
Городок Радонежской Меря в десятины, а в нем	Пашни паханые	70	210	229	600 по р. Вори и Паже
	Перелогом и лесом поросло	115,5	346,5	376	
	Лесу пашенного		12 по всем полям		

«И в сем Городке в Радонежском опроч церковные земли пашни паханые и перелогом и лесом поросло, и с тою землею, что примежевана к Городку Радонежскому 185 десятин с полудесятиною».

К Городку Радонежу отведено 12 пустошей, которые ранее были отданы городецким охотникам [ямщикам) на выгон...»

Таблица 2

Пустоши Городка Радонеж 1617 г.

Название	Тип земель	Десятин в 1 поле	Десятин в 3 полях	Гектаров в 3 полях	Копен сена
Могилки	Пашни паханые и перелогом и лесом поросло	18	54	58,9	20
Селиванов Борок Жеребцы тоже	Пашни паханой	0,5	1,5		
-«-	Лесом поросло	3,5	10,5	13,1	10
Кашканово	Пашни паханые	1	3		
-«-	Лесом поросло	10	30	36	40
Головково	Пашни паханые	1	3		
-«-	Лесом поросло	17	51	58,9	40
Окуловская Бутырино тож	Пашни паханой	1	3		
-«-	Лесом поросло	3	9	13,1	10
Путятино Пятино тож	Пашни паханой	0,5	1,5		
-«-	Лесом поросло	13,5	40,5	45,8	20
Попоици	Пашни перелогом и лесом поросло	7	21	22,9	20
Пустое Фомино	Пашни перелогом и лесом поросло	9	27	29,5	20
Токмаково Гнездишкино тож	Пашни паханые	1	3		
-«-	Перелогом и лесом поросло	14 без чети	42	47,4	30
Сартаково Гусенниково тож	Пашни паханые	0,5	1,5		
-«-	Перелогом и лесом поросло	4,5	13,5	16,3	20
Терехово Ханская Демишкино тож	Пашни перелогом и лесом поросло	4	12	13,1	10
Подческое Другие Поповичи Рогачево	Пашни перелогом и лесом поросло	11	33	36	20

УРАЛО-ПОВОЛЖЬЕ В РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ

УДК 902.2(470.342)

DOI: 10.58529/2782-6511-2023-2-2-76-83

Оруджов Эдуард Игоревич

к. и. н., старший научный сотрудник Института археологии им. А. Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан, Россия, Казань

ORCID: 0000-0003-2686-7780

E-mail: orudzhov.eduard@mail.ru

Археологические раскопки на Наговицынском городище (последняя четверть V–III в. до н. э.) в 2020 г.

АННОТАЦИЯ. В данной статье публикуются итоги археологических исследований 2020 года на территории объекта культурного наследия федерального значения «Городище "Наговицынское" (Филейское)» г. Кирова. В соответствии с результатами археологических раскопок на городище была определена высокая степень современного антропогенного воздействия на культурный слой памятника и установлены хронологические рамки его существования в раннем железном веке позднеананьинским периодом (последняя четверть V–III в. до н. э.). В культурном слое выявлено восемь ям, пять из которых явно можно отнести к современным (XX–XXI вв.). Наряду с фрагментами ананьинской керамики, в их заполнении фиксируется современный мусор XX–XXI вв. (монеты, гильзы, ошлакованное стекло и т. д.). Также зафиксированы культурные напластования ананьинского времени, IV–III вв. до н. э.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: археологические раскопки, вятско-ветлужская культура, ранний железный век, АКИО (ананьинская культурно-историческая область), Наговицынское городище, город Киров

THE URALS-VOLGA REGION IN THE EARLY IRON AGE

UDC 902.2(470.342)

DOI: 10.58529/2782-6511-2023-2-2-76-83

Eduard I. Orudzhov

Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Russia, Kazan

ORCID: 0000-0003-2686-7780

E-mail: orudzhov.eduard@mail.ru

Archaeological Excavations at the Nagovitsyn Settlement (The Last Quarter of the V–III Centuries BC) in 2020

ABSTRACT. The article publishes the results of the 2020 archaeological research on the territory of the cultural heritage site of federal significance "Nagovitsynskoye (Fileyskoye) settlement" of Kirov. In accordance with the results of archaeological excavations at the settlement, a high degree of modern anthropogenic impact on the cultural layer of the site was determined and the chronological framework of its existence in the early Iron Age was established by the late Ananyino period (the last quarter of the V–III centuries BC). Eight pits were identified in the cultural layer, five of which can clearly be attributed to modern (XX–XXI century). Along with fragments of the Ananyino ceramics, modern garbage of the XX–XXI centuries (coins, casings, slagged glass, etc.) is recorded in their filling. Cultural stratifications of the Ananyino time, IV–III centuries BC, are also recorded.

KEYWORDS: archaeological excavations, Vyatka-Vetluzh culture, early Iron Age, AKIO (Ananyin cultural and historical region), Nagovitsyn settlement, the city of Kirov

Наговицынское городище располагается на вытянутом мысу высотой 16 м, образованном коренным левым берегом р. Курьи и берегом оврага, по дну которого протекает безымянный ручей, в районе бывшей д. Наговицыно, на сегодняшний день его территория относится к Октябрьскому району г. Кирова (см. цв. вклейку, рис. 8). Городище расположено в 48 м к северу от городского трамплина (рис. 1).

Рис. 1. Спутниковая карта. Кировская область, г. Киров. Месторасположение. Наговицынское городище

Памятник принадлежит к типу мысовых одноплощадных городищ, укрепленных с напольной стороны кокошничкообразным валом и рвом (см. цв. вклейку, рис. 9). Площадка городища вытянута с юго-востока на северо-запад (рис. 2). Длина вала составляет 30 м, ширина 2 м, высота 2 м (рис. 3). Ров шириной 4 м, глубина от вершины вала 3 м (рис. 4). Согласно данным Н. А. Лещинской (Ярославцевой), в 1977 г. площадь его площадки составляла около 600 кв. м¹. На сегодняшний день сохранившаяся ее часть составляет чуть более 60 кв. м (рис. 2).

Впервые городище было обнаружено в результате археологической разведки в 1887 г. А. А. Спицыным. Среди находок им было выявлено много целой и битой гальки со следами употребления, два каменных орудия неопределенного назначения, гладкая медная пряжка, кусок кремня (очевидно, от огнива), шлак и фрагменты лепной посуды с примесью раковины, украшенной оттисками шнура, зубчатого штампа и ямочными вдавлениями. Наговицынское городище А. А. Спицын отнес к категории древневятских удмуртских городищ эпохи средневековья, XIV в.²

¹ Ярославцева Н. А. Отчет о разведке на территории Кировского горсовета и в Слободском районе Кировской области, проведенной летом 1977 г. // Фонды Института истории и культуры народов Приуралья при УдГУ. Ф. 2. Д. 63. С. 2.

² Спицын А. А. Приуральский край. Археологические розыскания о древнейших обитателях Вятской губернии // Материалы по археологии Восточных губерний России. М., 1893. Вып. 1. С. 174–177.

Рис. 2. Наговицынское городище. Площадка. Вид с юго-востока

Рис. 3. Наговицынское городище. Оборонительный вал и ров. Вид с юго-запада

Рис. 4. Наговицынское городище. Ширина рва. Вид с запада

В 1936 г. на памятнике предпринял разведочные работы известный советский археолог М. П. Грязнов, находившийся в 1934–1937 гг. в ссылке в Кирове (Вятке) и работавший в местном краеведческом музее³. Следом за ним в 1938 г. городище обследовал еще один сотрудник данного музея, Н. А. Прокошев, который обнаружил на склонах городища культурный слой с фрагментами ананьинской керамики. После анализа коллекций находок, происходящих с данного объекта, Прокошев сделал вывод о неточности датировки памятника А. А. Спицыным и отнес его к эпохе раннего железного века⁴.

В 1957 г. памятник обследовала Л. М. Еговкина, а в 1959 г. — Л. П. Гуссаковский, нашедший здесь фрагменты ананьинской керамики, а также костяную проколку и часть зернотерки⁵. В 1977 г. на городище проводила исследования разведгруппа КВАЭ (Камско-Вятской археологической экспедиции) под руководством Н. А. Ярославцевой (Лещинской). В ходе осмотра обнажений и сбора подъемного материала найдены кальцинированные кости и фрагменты лепной керамики с примесью раковины в тесте и ямочно-гребенчато-шнуровым орнаментом, что подтвердило культурно-хронологическую принадлежность Наговицынского городища к АКЮ (ананьинской культурно-исторической области) (XI–III вв. до н. э.)⁶.

В 2012 г. археологической экспедицией научно-производственного центра по охране объектов культурного наследия Кировской области под руководством А. Л. Кряжевских был произведен осмотр современного состояния памятника и определены его границы⁷.

³ Талицкая И. А. Материалы к археологической карте бассейна р. Камы (по данным, собранным М. В. Талицким) // Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. М., 1952. Т. 4. С. 32 (Материалы и исследования по археологии СССР; № 27).

⁴ Прокошев Н. А. Новые данные о городищах близ г. Кирова // КСИИМК. М.; Л., 1939. Вып. II. С. 21–22.

⁵ Еговкина Л. М. Отчет об археологических разведках на Средней Вятке в 1957 г. // Фонды КОМК. Д. 5; Гуссаковский Л. П. Отчет об археологических работах в Кировской области // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. Д. 1922.

⁶ Ярославцева Н. А. Указ. соч.

⁷ Кряжевских А. Л. Отчет об археологических раскопках в г. Кирове по ул. Дрелевского, 9а и на территории парка «Аполло», а также об археологических разведках по территории г. Кирова, Слободского, Кирово-Чепецкого и Малмыжского районов Кировской области за 2012 г. // Фонды КОГАУ «НПЦ по охране ОКН Кировской области».

В октябре — ноябре 2020 г. отрядом археологической экспедиции Института археологии им. А. Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан и Вятского государственного университета под руководством старшего научного сотрудника Института археологии им. А. Х. Халикова Э. И. Оруджова и заведующего НИ археологической лабораторией ВятГУ А. О. Кайсина на территории городища были проведены археологические раскопки.

На площадке городища был заложен раскоп площадью 50 кв. м. Проведенные на данном участке археологические раскопки показали наличие культурных напластований вятско-ветлужской археологической культуры АКИО позднего периода (последняя четверть V–III в. до н. э.)⁸.

В процессе исследования культурного слоя городища было зафиксировано восемь ям (см. *цв. вклейку, рис. 10*). Пять (яма № 1–5), из которых были определены как современные, с перетурбированным заполнением из темно-серой рыхлой гумусированной супеси с включением угля, древесного тлена, золы, мусора (*рис. 5–6*). В данном заполнении зафиксированы как современные находки (полиэтиленовые пакеты, консервные банки, стекло, монеты XX–XXI вв. и т. д.), так и более ранние (керамика), относящиеся к позднеананьинскому периоду АКИО (последняя четверть V–III в. до н. э.). В оставшихся трех (яма № 6–8) выделен слой серой пестроцветной рыхлой супеси, в котором обнаружены только находки ананьинского времени.

Именно с данным слоем в различных его вариациях, в зависимости от концентрации гумуса (от темно-серого к светло-серому), связана основная масса выявленной на раскопе ананьинской керамики.

Количество предметов, полученных в результате раскопок, составляет 203 ед., среди которых к археологическим источникам мы можем отнести лишь 166 ед. (164 ед. — керамика, 1 — фрагмент льячки и 1 — фрагмент терочной плиты).

Рис. 5. Наговицынское городище. Профиль ямы № 2

⁸ Чижевский А. А. Памятники позднего периода ананьинской культурно-исторической области // Археология Евразийских степей. 2017. № 4. С. 196.

Рис. 6. Наговицынское городище. Профиль ямы № 3

По форме, орнаментации, примесям в тесте и обработке поверхности выделено две группы ананьинской керамики:

1 группа — воротничковые сосуды горшковидной формы со слегка и средне отогнутым венчиком с примесью толченой раковины, неорнаментированные либо с «бедной» орнаментацией в виде косой и горизонтальной гребенки, горизонтального пояса ямочных вдавлений или разреженного горизонтального шнура (см. цв. вклейку, рис. 12).

2 группа – сосуды без рельефного оформления верхней части со слегка и средне отогнутым венчиком и примесью толченой раковины, неорнаментированные либо орнаментированные ромбовидными вдавлениями (см. цв. вклейку, рис. 11: 1-3).

Описанная выше керамика характерна для позднего периода АКИО (последняя четверть V–III в. до н. э.)⁹.

Кроме фрагментов керамики, в культурном слое городища были обнаружены фрагмент терочной плиты (см. цв. вклейку, рис. 13) и льячки (см. цв. вклейку, рис. 11: 4).

Проведенные исследования показали высокую степень современного антропогенного воздействия на культурный слой Наговицынского городища и в связи с этим его интенсивное разрушение. Довольно показательным здесь является то, что если на 1977 г. площадка городища составляла около 600 кв. м, то на сегодняшний день сохранившаяся ее часть составляет чуть более 60 кв. м, с учетом участка проведенных археологических исследований 2020 г. Вал городища также не избежал антропогенного воздействия (его пересекают велосипедные дорожки, тропы), однако степень его сохранности значительно лучше, чем у площадки. Несмотря на это вал также постепенно разрушается под воздействием антропогенных и естественных (природных) факторов.

⁹ Черных Е. М., Ванчиков В. В., Шаталов В. А. Аргыжское городище на реке Вятке. М., 2002. С. 31–32; Оруджов Э. И., Глушков К. Н. Чижевское (Марьин Кокошник) городище. Итоги археологических исследований за 2017–2018 гг. // Археология евразийских степей. 2019. С. 248–249; Оруджов Э. И., Кайсин А. О. Топографические и культурно-хронологические аспекты в изучении Чижевского городища // Поволжская Археология. 2020. № 3 (33). С. 200–202; Вечтомов А. Д. Периодизация и локальные группы памятников ананьинской культуры Среднего Прикамья // Труды IV Уральского археологического совещания. Пермь, 1967. С. 144 (Ученые записки ПГУ; № 148).

References

Chernykh E. M., Vanchikov V. V., Shatalov V. A. *Argyzhskoye gorodishche na reke Vyatke* [The Argyzh Settlement on the Vyatka River]. Moscow: In-t computer. issledovaniy Publ., 2002. (In Russian).

Chizhevsky A. A. [Monuments of the Late Ananyino Cultural and Historical Region]. *Arkheologiya Evraziiskikh Stepei* [Archaeology of the Eurasian Steppes], 2017, no. 4, pp. 196–256. (In Russian).

Orudzhov E. I., Glushkov K. N. [“Chizhevskoye (Maryin Kokoshnik) Settlement”. Results of Archaeological Studies in 2017–2018]. *Arkheologiya Evraziiskikh Stepei* [Archaeology of the Eurasian Steppes], 2019, no. 2, pp. 246–258. (In Russian).

Orudzhov E. I., Kaisin A. O. [Topographic, Cultural and Chronological Aspects in the Study of the Chizhevskoe Hillfort]. *Povolzhskaya arkheologiya* [The Volga River Region Archaeology], 2020, no. 3 (33), pp. 196–207. DOI: 10.24852/pa2020.3.33.196.207 (In Russian).

Prokoshev N. A. [New Data on Settlements near the City of Kirov]. *Kratkiye soobshcheniya o dokladakh i polevykh issledovaniyakh Instituta istorii material'noy kul'tury* [Brief Communications on Papers and Field Research from the Institute for the History of Material Culture]. Moscow; Leningrad: AN SSSR Publ., 1939, iss. 2, pp. 21–22. (In Russian).

Talitskaya I. A. [Materials for the Archaeological Map of the Kama River Basin (According to Data Collected by M. V. Talitsky)]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Urala i Priural'ya* [Materials and Research on the Archaeology of the Urals and the Cis-Urals]. Moscow: AN SSSR Publ., 1952, vol. 4. (Materials and Research on the Archaeology of the USSR; no. 27). (In Russian).

Vechtomov A. D. [Periodization and Local Groups of Sites of the Ananyino Culture of the Middle Kama Region]. *Trudy IV Ural'skogo arkheologicheskogo soveshchaniya* [Proceedings of the 4th Ural Archaeological Meeting]. Perm: PGU Publ., 1967, pp. 133–155. (Proceedings of the Perm State University; no. 148). (In Russian).

УДК 902.2(470.57)

DOI: 10.58529/2782-6511-2023-2-2-84-89

Сафуанов Фанис Фларисович

научный сотрудник отдела археологии, Республиканский историко-культурный музей-заповедник «Древняя Уфа» (Россия, Уфа)

ORCID: 0000-0001-5554-2905

E-mail: safuanov30@mail.ru

Проценко Антон Сергеевич

к. и. н., заведующий отделом археологии, Республиканский историко-культурный музей-заповедник «Древняя Уфа» (Россия, Уфа)

ORCID: 0000-0002-5152-8564

E-mail: anton.procenko@mail.ru

Мамбетова Ляйсан Вазировна

младший научный сотрудник отдела археологии, Республиканский историко-культурный музей-заповедник «Древняя Уфа» (Россия, Уфа)

ORCID: 0009-0008-4552-2626

E-mail: mambetka0693@mail.ru

Грaбарь Петр Юрьевич

младший научный сотрудник отдела археологии, Республиканский историко-культурный музей-заповедник «Древняя Уфа» (Россия, Уфа)

ORCID: 0000-0002-9414-9222

E-mail: petrgrabar@gmail.com

Освоение территории долины р. Юрмаш на рубеже эр

АННОТАЦИЯ. В статье представлены новейшие исследования поселенческих памятников кара-абызской культуры, выявленных в ходе разведочных работ в Иглинском районе Республики Башкортостан. Работы 2022 г. подтвердили точку зрения предыдущих исследователей об освоении обширной территории в глубине от основной водной артерии региона р. Белой, на которой сконцентрированы основные памятники кара-абызской культуры. Полученные материалы увеличили источниковую базу памятников археологии, датированную началом I тысячелетия нашей эры, относящихся к убаларско-имендяшевской культурной группе, и актуализировали проведение как дальнейших рекогносцировочных, так и стационарных работ, с целью реконструкции социокультурных процессов на финальном этапе существования кара-абызской культуры.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: объекты археологического наследия, р. Юрмаш, Иглинский район, Южное Приуралье, ранний железный век, кара-абызская культура, селище

UDC 902.2(470.57)

DOI: 10.58529/2782-6511-2023-2-2-84-89

Fanis F. Safuanov

Republic Historical and Cultural Museum-Reserve «Ancient Ufa» (Russia, Ufa)

ORCID: 0000-0001-5554-2905

E-mail: safuanov30@mail.ru

Anton S. Protsenko

Candidate of Historical Sciences, Republican Historical and Cultural Museum-Reserve «Ancient Ufa» (Russia, Ufa)

ORCID: 0000-0002-5152-8564

E-mail: anton.protsenko@mail.ru

Laysan V. Mambetova

Republican Historical and Cultural Museum-Reserve «Ancient Ufa» (Russia, Ufa)

ORCID: 0009-0008-4552-2626

E-mail: mambetka0693@mail.ru

Petr Yu. Grabar

Republican Historical and Cultural Museum-Reserve «Ancient Ufa» (Russia, Ufa)

ORCID: 0000-0002-9414-9222

E-mail: petrgrabar@gmail.com

The Development of the Yurmash River Valley Territory at the Turn of Eras

ABSTRACT. The article presents the latest research on the settlement sites of the Kara-Abyz culture, identified during exploration work in Iglinsky district of the Republic of Bashkortostan. The works of 2022 confirmed the view of previous researchers about the development of a vast territory in depth from the Belaya River, the main water artery of the region, along which the the Kara-Abyz culture sites are concentrated. The obtained materials increased the source base of archeological sites dated to the beginning of the 1st millennium AD, belonging to the Ubalar-Imendyashev cultural group, and actualized the conduct of both further reconnaissance and stationary works, with the aim of reconstructing socio-cultural processes at the final stage of the existence of the Kara-Abyz culture.

KEYWORDS: objects of archaeological heritage, Yurmash River, Iglinsky district, Southern Urals, early Iron Age, Kara-Abyz culture, settlement

В эпоху раннего железного века на территории лесостепной части Южного Приуралья сложилась и развивалась одна из интереснейших археологических культур региона — кара-абызская. Одним из центров сосредоточения археологических памятников данного культурного образования является Иглинский район Республики Башкортостан. Древнее население осваивало территорию узкой полосы вдоль высокой террасы правого берега р. Белая от устья р. Сим до с. Нагаево на протяжении всего периода существования кара-абызской археологической культуры (IV в. до н. э. — IV в. н. э.)¹. Высокий берег большой реки, прорезанный руслами множества небольших ручьев, стал удобным местом для проживания кара-абызских племен, о чем говорят яркие археологические комплексы (поселения и некрополи) раннего железного века возле современных населенных пунктов Охлебинино, Шипово, Блохино и Акбердино. Несмотря на довольно узкую географическую локализацию, данные кара-абызские памятники необычайно велики по размерам и мощности культурного слоя для своего времени, что говорит о большой плотности населения².

История изучения Иглинского района подробно описана исследователями как в специальном своде³, так и в работах, посвященных вводу в научный оборот полученных материалов⁴. Необходимо отметить, что на современном этапе остро стоит проблема ввода в научный оборот материалов погребальных памятников, в первую очередь Охлебининского могильника, который полномасштабно изучен А. Х. Пшеничнюком (исследовано более 600 погребений, из которых 115 опубликованы).

В нашем исследовании мы обратимся к памятникам так называемого убаларского культурного типа кара-абызской археологической культуры. Хронологические рамки данного культурного образования определены в рамках сер. IV в. до н. э. — II в. н. э.⁵ История археологического изучения, формирование и территория расселения убаларского культурного типа кара-абызской культуры достаточно подробно описана в работе Н. С. Савельева⁶. Мы только лишь отметим, что данный культурный тип, формировавшийся на основе раннекараабызских памятников бассейна р. Зилим (селище Убалар-1, селище Магаш-1 и др.), выделен по особенностям керамического комплекса⁷.

На территории Иглинского района с II в. до н. э. на памятниках «классического» кара-абыза появляются, затем становятся доминирующими убаларские керамические традиции⁸. Пришедшее с бассейна р. Зилим население В. В. Овсянников определил как пятый этап существования кара-абызской культуры⁹. В этот период территория расселения кара-абызского населения увеличилась, благодаря освоению широких долин, удаленных от основных водных артерий (р. Сим и Белая). Таким образом, к рубежу эр, помимо заселения уже освоенной полосы правого берега р. Белой, представители убаларского культурного типа проникают в глубь долины правобережья р. Белой. Данный процесс Н. С. Савельевым выделен как второй этап (II в. до н. э. — II в. н. э.) развития убаларского культурного типа¹⁰. Появление носителей убаларской керамической традиции

¹ Овсянников В. В., Каюмов И. Х., Бабин И. М. Новые материалы с поселений кара-абызской культуры // Уфимский археологический вестник. 2015. Вып. 15. С. 106.

² Реконструкция растительности и климата Южного Предуралья в суббореале и субатлантике (по материалам памятников кара-абызской культуры) / Курманов Р. Г. [и др.]. Геологический вестник. 2019. № 1. С. 37.

³ Пшеничнюк А. Х., Овсянников В. В. Археологическая карта Иглинского района Республики Башкортостан. Уфа, 2007.

⁴ Бахшиев И. И., Савельев Н. С. К изучению некоторых вопросов этнокультурной динамики и хозяйства населения лесостепи Южного Приуралья эпохи раннего железа (по материалам селища Зинино-1) // Уфимский археологический вестник. 2013. Вып. 13. С. 104–115; Овсянников В. В., Савельев Н. С. Воинское святилище на Акбердинском II городище // Археология Евразийских степей. 2019. № 2. С. 201–226; Проценко А. С., Сатаев Р. М. Новые материалы с селища Зинино-1 // Археология Евразийских степей. 2021. № 2. С. 250–260; Обыденнова Г. Т., Проценко А. С., Курманов Р. Г. Археолого-палеонтологические исследования культурного слоя Охлебининского I городища // Вестник Брянского государственного университета. 2022. № 2 (52). С. 113–124 и др.

⁵ Матвеева Г. И. Памятники железного века в бассейне р. Зилим // Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1973. Т. 5. С. 244–249.

⁶ Савельев Н. С. О происхождении убаларского культурного типа в лесостепи Южного Приуралья // Уфимский археологический вестник. 2017. Вып. 17. С. 18–38.

⁷ Там же. С. 20.

⁸ Бахшиев И. И., Савельев Н. С. Указ. соч. С. 114.

⁹ Овсянников В. В., Каюмов И. Х., Бабин И. М. Указ. соч. С. 106.

¹⁰ Савельев Н. С. Указ. соч. С. 33.

в данном районе исследователи связывают с арадизацией климата¹¹. Результатом этого процесса стали памятники археологии, найденные на берегах малых рек (селище Багармыж-1, селище Сухая Буенда, селища Караган 1–4 и др.) Иглинского района.

Одной из небольших водных артерий на данной территории является р. Юрмаш (левый приток р. Уфа), которая протекает с юго-востока на северо-запад по территории Иглинского и Уфимского районов Республики Башкортостан. Длина реки составляет 64 км, площадь бассейна 338 кв. км. Отдаленность русла реки от коренной террасы правого берега р. Белой — 13–15 км.

Начало археологического изучения р. Юрмаш было положено в 1974 г., когда Л. А. Герасимовой на северо-восточной окраине с. Русский Юрмаш было выявлено Русско-Юрмашевское селище. Памятник занимал мыс коренной террасы правого берега р. Юрмаш¹². В 2005 г. селище было осмотрено В. В. Овсянниковым, им было зафиксировано разрушение части памятника карьером. В отвалах карьера была собрана небольшая коллекция керамики. По примеси мелкого песка в глине и фактуре черепков собранная коллекция была отнесена к убаларско-имендяшевскому типу¹³. В 2012 г. исследования на р. Юрмаш возобновлены археологическим отрядом ИИЯЛ УНЦ РАН (ныне — ИИЯЛ УФИЦ РАН), когда И. Х. Каюмовым к северу от д. Турбаслы был выявлен грунтовый могильник Юрмаш-1. По полученным материалам некрополь был отнесен к позднему этапу кара-абызской культуры (I–III вв. н. э.)¹⁴. Изучение долины р. Юрмаш было продолжено в 2015 г. И. М. Бабиным. В 3 км выше по течению от могильника были выявлены два поселенческих памятника (селища Юрмаш-3 и Юрмаш-4), немногочисленную керамическую коллекцию автор отнес к убаларскому типу. В 2019 г. И. М. Бабин продолжил исследования могильника Юрмаш-1, выявлено одно погребение и определена северо-восточная граница некрополя¹⁵.

Таким образом, предыдущие исследования р. Юрмаш (Л. А. Герасимовой, И. Х. Каюмовым и И. М. Бабиным) показали перспективность дальнейших разведочных работ на данной территории. А выявленные памятники исследователями относились к убаларско-имендяшевскому типу.

В 2022 г. археологическим отрядом музея-заповедника «Древняя Уфа» исследования в долине р. Юрмаш были продолжены, которые стали логическим продолжением маршрута разведки 2015 г. Маршрут проходил по берегам реки, от д. Амитово до д. Шеланы, суммарно было пройдено 16 км. В результате исследований на левом берегу р. Юрмаш были выявлены три новых поселенческих памятника — селища Поступалово 1-3 (см. *цв. вклейку, рис. 14*).

Селища Поступалово-1, -2 были выявлены на соседних мысовидных участках надпойменной террасы левого берега р. Юрмаш. Памятники расположены в 1,2–1,3 км к западу от с. Поступалово. Высота террасы на данном участке реки составляет 5–6 м. Площадки памятников вытянуты по линии север – юг. Большую часть территории памятников занимает действующая пашня. Селище Поступалово-3 было обнаружено на восточной окраине села, расположено также на надпойменной террасе левого берега р. Юрмаш, в 1,5 км выше по течению от первого выявленного объекта. Памятник топографически четко выражен в рельефе, так как занимает изолированный мысовидный участок. Площадка селища с запада ограничена запрудненным ручьем, впадающем в р. Юрмаш; с севера — руслом реки; с востока — пойменной террасой реки; с юга — искусственным оврагом (траншеей), созданным, чтобы вода во время весеннего половодья поступала из поймы в ручей. Высота террасы на данном участке 6 м, площадка памятника ровная и задернована.

Всего в ходе исследований с площадок памятников были собраны 55 артефактов, из которых 52 — фрагменты неорнаментированной лепной керамики (36 стенок, 16 венчиков). В целом керамическая коллекция из выявленных памятников может быть охарактеризована как достаточно

¹¹ Овсянников В. В., Савельев Н. С. Указ. соч. С. 202–203.

¹² Каталог памятников археологии Башкирии, открытых в 1971–1980 гг. Уфа, 1982. № 142, С. 37.

¹³ Овсянников В. В. Научный отчет об археологических работах в Уфимском и Иглинском районах Башкортостана. Уфа, 2005. С. 23.

¹⁴ Каюмов И. Х. Юрмаш-1 – памятник, уничтоженный грабителями // Известия Археологического общества Республики Башкортостан. 2015. Вып. 1 (2). С. 17.

¹⁵ Бабин И. М. Научный отчет о проведении археологической разведки на территории выявленного объекта археологического наследия «Юрмаш-1, грунтовый могильник» в долине р. Юрмаш от с. Турбаслы до дер. Старый Юрмаш в Иглинском районе Республики Башкортостан в 2019 году по Открытому листу №0664-2019 от 07.06.2019 г. / Архив Лаборатории археологического источниковедения и историографии БГПУ им. М. Акмуллы.

однородная (см. цв. вклейку, рис. 15, 17, 18). В глине примесь песка и мелких камешков, фактура черепков очень плотная, толщина стенок сосудов в пределах 0,3–0,7 см. В связи с тем, что фрагменты сосудов имеют разный обжиг, цвет сосудов варьируется от светлых оттенков (серый, светло-серый, красно-коричневый) до темных (темно-коричневый). По форме сосуды делятся на слабопрофилированные горшки и непрофилированные чаши (см. цв. вклейку, рис. 15; 1–6). Один венчик сосуда (найденный на Поступалово-3 селище) при переходе от горла к плечу имеет уступчик (см. цв. вклейку, рис. 18; 2). Выделяется из коллекции, полученной с Поступалово-2 селище, только один фрагмент (см. цв. вклейку, рис. 17; 7), более массивный (размерами 5×4,5×0,8 см), на внутренней стороне которого фиксируются следы расчесов (заглаживания), в примеси также присутствуют песок и мелкие камешки. Возможно, данный фрагмент можно отнести к бахмутинской культуре, эпохе раннего средневековья.

Индивидуальные находки были найдены только на селище Поступалово-1, которые представлены глиняными пряслицами (2 экз.): овально-подпрямоугольной формы и фрагментом дисковидного, а также фрагментом железного изделия (ножа?) (см. цв. вклейку, рис. 16).

По технологическим характеристикам полученный керамический материал соотносится с убаларско-имендяшевским типом раннего железного века, который маркирует финальный этап существования кара-абызской археологической культуры. Необходимо отметить, что для получения развернутых данных (с анализом планиграфической и стратиграфической ситуации) по поселенческим памятникам начала I тыс. н. э. назрела необходимость проведения стационарных работ, с целью изучения убаларско-имендяшевской культурной трансформации. Если с убаларским культурным типом кара-абызской культуры на сегодняшний день мы имеем достаточно полное представление, то с имендяшевским типом необходимы дополнительные исследования.

Таким образом, рекогносцировочные работы 2022 г. подтвердили перспективность дальнейших исследований долины р. Юрмаш. В результате были выявлены новые памятники археологии, которые культурно-хронологически идентичны ранее известным памятникам на данной территории. Ближайшими памятниками, с которых получены аналогичные материалы, являются селища Юрмаш-3, -4, расположенные в 4 км западнее, и селище Багармыж-1¹⁶, находящееся в 8 км южнее от селища Поступалово-1.

Следует добавить, что памятники на р. Юрмаш не являются границей ареала распространения “убаларцев” на данной территории. Памятники данного типа выявлены Н. С. Савельевым на р. Караганга и Тауш (селища Караган 1-4 и Тауш 1-3), которые расположены в 22–25 км от коренной террасы правого берега р. Белой (см. цв. вклейку, рис. 14).

Таким образом, выявленные поселенческие памятники дополняют картину освоения Уфимско-Симского междуречья на финальном этапе существования кара-абызской культуры. По характеру найденных материалов и топографическим особенностям, с учетом мнения предыдущих исследователей, данные памятники являлись сезонными селищами. Что касается вопроса о степени влияния убаларского населения на хозяйственный уклад носителей кара-абызской культуры в данном районе, имеется две точки зрения: одни исследователи считают, что с приходом убаларского населения происходит трансформация хозяйства в полукочевое скотоводство¹⁷; другие отмечают, что сложные процессы, проходившие на рубеже внутри кара-абызской культуры, существенно не повлияли на хозяйственно-культурный тип¹⁸.

References

Bakhshiev I. I., Savelev N. S. [To the Study of Some Issues of Ethno-Cultural Dynamics and Management of Forest-Steppe Population of South Cisurals from the Early Iron Age (Based on Materials of Zinino-1 Site)]. *Ufimskiy arkheologicheskiy vestnik* [The Ufa Archaeological Herald], 2013, iss. 13, pp. 104–115. (In Russian).

¹⁶ Овсянников В. В., Каюмов И. Х., Бабин И. М. Указ. соч. С. 99.

¹⁷ Бахшиев И. И., Савельев Н. С. Указ. соч. С. 115.

¹⁸ Проценко А. С., Сатаев Р. М. Указ. соч. С. 258.

Katalog pamyatnikov arkheologii Bashkirii, otkrytykh v 1971–1980 gg. [Catalog of Archeological Sites of Bashkiria Discovered in 1971–1980]. Ufa: S. n., 1982. (In Russian).

Kayumov I. Kh. [Yurmash-1 — A Site Destroyed by Robbers]. *Izvestiya Arkheologicheskogo obshchestva Respubliki Bashkortostan* [Bulletin of the Archaeological Society of the Republic of Bashkortostan], 2015, iss. 1 (2), p. 17. (In Russian).

Kurmanov R. G., Ovsyannikov V. V., Saveliev N. S., Galeev R. I. [Reconstruction of Vegetation and Climate of the Southern Fore-Urals in Subboreal and Subatlantic (On the Materials of the Sites of Kara-Abyz Culture)]. *Geologicheskii vestnik* [Geological Herald], 2019, no. 1, pp. 35–44. DOI: 10.31084/2619-0087/2019-1-2 (In Russian).

Matveeva G. I. [The Iron Age Sites in the Basin of the Zilim River]. *Arkheologiya i etnografiya Bashkirii* [Archaeology and Ethnography of Bashkiria]. Ufa: BFAN SSSR Publ., 1973, vol. 5, pp. 244–252. (In Russian).

Obydenova G. T., Protsenko A. S., Kurmanov R. G. [Archaeological and Palynological Studies of the Okhlebininsky I Settlement Cultural Layer]. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta* [The Bryansk State University Herald], 2022, no. 2 (52), pp. 113–124. DOI: 10.22281/2413-9912-2022-06-02-113-124 (In Russian).

Ovsyannikov V. V., Kayumov I. Kh., Babin I. M. [New Materials from Settlements of the Kara-Abyz Culture]. *Ufimskiy arkheologicheskii vestnik* [The Ufa Archaeological Herald], 2015, iss. 15, pp. 85–110. (In Russian).

Ovsyannikov V. V., Savelev N. S. [Military Sanctuary in Akberdino II Settlement]. *Arkheologiya Evraziiskikh Stepei* [Archaeology of the Eurasian Steppes], 2019, no. 2, pp. 201–226. (In Russian).

Protsenko A. S., Sataev R. M. [New Materials from Zinino-1 Ancient Village]. *Arkheologiya Evraziiskikh Stepei* [Archaeology of the Eurasian Steppes], 2021, no. 2, pp. 250–260. DOI: 10.24411/2587-6112-2021-10022 (In Russian).

Pshenichnyuk A. Kh., Ovsyannikov V. V. *Arkheologicheskaya karta Iglinskogo rayona Respubliki Bashkortostan* [Archaeological Map of the Iglinsky District of the Republic of Bashkortostan]. Ufa: IYAL UNTs RAN Publ., 2007. (In Russian).

Savelev N. S. [A Contribution to the Origin of Ubalar Cultural Type in the Forest-Steppe of Southern CisUrals]. *Ufimskiy arkheologicheskii vestnik* [The Ufa Archaeological Herald], 2017, iss. 17, pp. 18–38. DOI: 10.31833/uav.2017.17.004 (In Russian).

ПРОМЫШЛЕННАЯ АРХЕОЛОГИЯ

УДК 94.3(470.5)“16/17”

DOI: 10.58529/2782-6511-2023-2-2-90-101

Курлаев Евгений Анатольевич

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра методологии и историографии Института истории и археологии УрО РАН (Россия, Екатеринбург)

ORCID: 0000-0001-5153-8968

E-mail: kurlaev@e1.ru

Натурное обследование разрушенных промышленных памятников Урала XVII–XVIII вв.

АННОТАЦИЯ. Исследуется формирование промышленного ландшафта на территории Уральского региона. Современные индустриальные ландшафты Урала — наглядное отражение многовековой деятельности Российского государства по заселению и освоению этого края. Однако до настоящего времени многие разрушенные памятники не стали объектами археологического исследования и инвентаризации, так как не признаны археологическими, нет и соответствующих методов их поиска и изучения. Они не могут быть выявлены и описаны специалистами других областей науки. Бытует мнение, что письменные сведения способны вполне самостоятельно и полно осветить исторический период, но во время работы с документами становится очевидным, что эти источники далеко не всегда могут заменить археологические исследования. В отечественных учебниках, учебных и методических пособиях по археологии не уделяется внимание исследованию памятников письменной эпохи, отсутствуют и методы комплексного историко-археологического исследования. Цель работы — проанализировать накопленный опыт и сформулировать рекомендации для поиска, раскопок и реконструкции разрушенных промышленных памятников XVII–XVIII вв. Разведки на основе данных письменных источников дают возможность выявить местонахождение памятника, раскопки — пополнить сведения о планировке, техническом оснащении предприятия. Комплекс источников позволяет создать с помощью компьютера анимированную модель предприятия. Отмечено, что в методах поиска, раскопок и реконструкции памятников исторического периода имеются существенные отличия от традиционных процедур исследования.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Урал, промышленный ландшафт, индустриальное наследие, методы промышленной археологии

INDUSTRIAL ARCHAEOLOGY

UDC 94.3(470.5)“16/17”

DOI: 10.58529/2782-6511-2023-2-2-90-101

Eugeniy A. Kurlaev

Candidate of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of RAS (Russia, Ekaterinburg)

ORCID: 0000-0001-5153-8968

E-mail: kurlaev@e1.ru

Field Survey of the Destroyed 17th–18th Centuries Objects of Industrial Heritage in the Urals

ABSTRACT. The article considers the formation of the industrial landscape on the territory of the Ural region. The Urals' modern industrial landscapes are a clear reflection of the centuries-old activity of the Russian state in peopling and developing this area. However, to date, many destroyed industrial monuments have not become the objects of archaeological research and inventory, since they are not recognized as archaeological, and there are no appropriate methods for their search and study. Furthermore, they cannot be identified and described by specialists from other fields of science. There is an opinion that written information is capable of completely independently and fully covering the historical period, but while working with documents it becomes obvious that these sources cannot always replace archaeological research. In domestic textbooks, educational and methodological manuals on archaeology, no attention is paid to the study of the written era sites, and there are no methods for complex historical and archaeological research. The purpose of this work is to analyze the accumulated experience and formulate recommendations for the search, excavation and reconstruction of destroyed industrial monuments of the 17th – 18th centuries. Survey based on data from the written sources makes it possible to identify the location of the site, excavations — to replenish information about the layout, technical equipment of the enterprise. The complex of sources allows creating an animated model of the enterprise using a computer. It is noted that there are significant differences in the methods of search, excavation and reconstruction of sites of the historical period from traditional research procedures.

KEYWORDS: Urals, industrial landscape, industrial heritage, methods of industrial archaeology

Понятие «ландшафт» пришло в русский язык из немецкого и широко используется в географии для характеристики закономерных сочетаний предметов и явлений, определяющих тот или иной тип местности. В последнее время термин «ландшафт» активно применяют историки и культурологи, подразделяя ландшафты, измененные хозяйственной деятельностью, на культурные и природно-антропогенные. Промышленные ландшафты, о которых пойдет речь, относятся в основном к природно-антропогенным. Они сформировались в местах строящихся, действующих, вышедших из производственного цикла, разрушающихся и исчезнувших производственных предприятий, сложившейся вокруг них инфраструктуры, социокультурной среды и состояния экологии.

Современные индустриальные ландшафты Урала — наглядное отражение многовековой деятельности Российского государства по заселению и освоению края. Они сформировались под воздействием различных факторов: геологических, географических, технологических, экономических, политических. За триста лет, прошедших с начала массового строительства металлургических мануфактур в XVIII в., Урал покрылся сетью рудников и заводов. Побродив по уральскому лесу, обязательно наткнешься на заброшенные горные выработки. Кто их оставил и когда? Могут ли помочь в ответе на эти вопросы наработанные методы археологического исследования?

Выявить шурфы, рудники, например, трехвековой давности, среди тысяч других ям, оставленных рудокопами по всему Уралу, дело новое и нелегкое. Очевидцы событий давно уже умерли, а места, где они трудились, забыты и затеряны. Не сохранились в целостности металлургические предприятия XVII–XVIII вв. Нет заводских построек (все они, за исключением печей, были деревянными), механизмов, нет и людей, которые могли бы подробно описать все тонкости мастерства выплавки и обработки металла в то время. Тем не менее первый опыт полевых исследований показал, что кое-где неплохо сохранились следы старинной промышленной деятельности, а открытия, сделанные с использованием археологических методов, оказали неоценимую помощь в изучении истории промышленности края.

В нашей стране первые шаги в археологическом исследовании металлургических предприятий XVII в. были предприняты в 1960–1970-х гг. А. И. Рассадович и Н. Н. Стосковой¹. С 1990 г. археологические исследования первых уральских заводов начал и автор статьи². С конца 1990-х гг. археологические исследования памятников промышленности получают распространение практически во всех крупных городах региона: в Екатеринбурге, Оренбурге, Перми, Уфе, а также и в некоторых промышленных центрах Сибири: Барнауле, Змеиногорске, Омске. С XIV Уральского археологического совещания, проходившего в 1999 г. в Челябинске, секция «Индустриальное наследие» прочно заняла место на этом представительном археологическом форуме. Однако в отечественной учебной литературе нет разделов, где рассматривался бы метод синтеза (интеграции) письменных и вещественных источников³. Добавлю, что развитие методов полевой археологии с учетом современных требований получило развитие в учебном пособии, изданном в Казани⁴.

Длительное время исследование истории промышленности по идеологическим причинам было сосредоточено на решении социально-экономических вопросов. Натурные исследования и музеефикация объектов требовали значительных денежных средств. К этому надо добавить, что в археологии существует ряд положений, ставящих под сомнение исследование поздних памятников археологическими методами. Одно из них заключалось в убежденности наличия поздних временных границ для археологии и определение ее «верхнего предела» 1700-м годом. В настоящее время эта граница определена столетием в прошлое, отсчитывая от современной даты, согласно принятому закону ФЗ 73, ст. 3.

Остатки разрушенных памятников не могут быть выявлены и описаны специалистами других областей науки. Бытует мнение, что архивные документы могут вполне самостоятельно

¹ Стоскова Н. Н. Первые металлургические заводы России. М., 1962.

² Курлаев Е. А. К вопросу о комплексном историко-археологическом исследовании памятников промышленности XVII–XVIII вв. // Уральский исторический вестник, 2006. Вып. 14. С. 157–170.

³ Авдусин Д. А. Археология СССР. 2-е изд. М.: Высшая школа, 1977; Авдусин Д. А. Полевая археология СССР. Учеб. пособ. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Высшая школа, 1980; Мартынов А. И., Шер Я. А. Методы археологического исследования. М., 2002; Мартынов А. И. Археология. Учебник. 5-е изд., перераб. М.: Высшая школа, 2005.

⁴ Шакиров З. Г. Методы фиксации в археологии. Казань, 2015.

и полно осветить исторический период. Однако при работе с ними становится очевидным, что эти источники далеко не всегда могут заменить археологические исследования. Опираясь на приобретенный опыт исследования промышленных памятников, мы выделили круг проблем теоретического, методического и прикладного характера, которые необходимо решать в процессе дальнейшей работы.

В изучении промышленных памятников реально использование уже апробированных методов археологического исследования: разведки, раскопки и три больших этапа, которые условно можно назвать полевым, камерально-лабораторным и кабинетным, являющиеся составными частями научного исследования в археологии. Сложнее использовать один из наиболее важных методов в археологии — типологический, основанный на систематизации и хронологическом определении археологических памятников и предметов, поскольку к настоящему времени сохранились или выявлены лишь единичные образцы продукции, инструмента и других остатков промышленной деятельности XVII–XIX вв.

В то же время в исследовании объектов ранней промышленной деятельности, как и других памятников исторической эпохи, появляется и ряд существенных особенностей, которые изменяют традиционную процедуру исследования. В первую очередь комплексный характер исследования — органичный синтез сведений письменных источников, методов и результатов археологических исследований. Увеличение объемов информации из письменных источников делает ее в большинстве случаев центральной, решающей, а классические археологические исследования — вспомогательными. К комплексному использованию источников призывал и известный археолог академик В. Л. Янин. По мнению авторитетного ученого, «синтез источников в едином исследовании — главное средство развития исторической науки сегодня... Цельное здание истории может твердо стоять только на цельном фундаменте источниковедения»⁵.

Источники информации, используемые нами, по классификации Л. Н. Пушкарева, двух типов — письменные и вещественные. Под типами исторических источников в ней подразумеваются наиболее широкие категории источников, которые отличаются друг от друга «самим принципом хранения и кодирования информации, то есть наиболее общим его свойством, представляющим его источниковедческую ценность»⁶. В свою очередь письменные источники принято классифицировать по содержанию, происхождению, типам и видам, где типы представляют большие функциональные совокупности (законодательные материалы, делопроизводственная документация и т. д.)⁷.

В комплексном историко-археологическом исследовании в первую очередь необходима информация, указывающая на место объекта (завода, рудника) и время его существования: только в этом случае возможна идентификация искомым остатков. Для дальнейшей работы с памятником нужны и другие характеризующие его сведения. В общем объеме сохранившихся источников XVII–XVIII вв. наибольшее количество составляют документы законодательного и финансово-учетного характера (переписные, дозорные, платежные, таможенные, ясачные, окладные, приходные, расходные и др.), где обнаружить такие сведения маловероятно.

Необходимую информацию чаще всего можно найти в материалах текущего делопроизводства, формировавшихся как неотъемлемая часть деятельности государственных учреждений и предприятий. Именно в делопроизводственных документах местных и центральных учреждений содержится большое количество разнообразных фактов. В XVII в. это были документы деловой переписки — грамоты, памяти, челобитные и др. В XVIII в. документы того же характера приняли иное звучание, например, вместо памятей появились промемории. Среди делопроизводственных материалов встречаются и экономо-географические описания, например, «доезды», содержащие сведения о топографии местности. Они имели практическое значение при описании угодий и месторождений полезных ископаемых. Среди источников, отнесенных к статистической группе, имеется большой комплекс материалов XVIII в., известных под названием «ведений», содержащих подробные сведения об устройстве и производительности заводов. Следует отметить и такие специфические письменные источники, как чертежи. Они входят в состав

⁵ Янин В. Л. *Очерки комплексного источниковедения*. М., 1977. С. 7.

⁶ Пушкарев Л. Н. *Классификация русских письменных источников по отечественной истории*. М., 1975. С. 191.

⁷ *Источниковедение истории СССР* / Под ред. И. Д. Ковальченко. М., 1973. С. 5.

письменных источников и призваны дополнить содержание текстового документа. Карты, планы, схемы и чертежи дают пространственное отображение реально существовавших исторических явлений и объектов, часто с помощью условных знаков. Археологический отчет также является историческим источником с учетом авторской интерпретации. Вместе с тем исследователь, изучающий промышленные ландшафты, при работе с отчетами должен иметь навыки работы с полевой документацией.

Каждый письменный источник содержит какие-либо сведения, характеризующие определенные события и явления. При сборе и обработке конкретно-исторических сведений и анализе источника необходимо обращать внимание на полноту имеющихся в нем данных и степень их точности и достоверности. Чтение письменных источников XVII–XVIII вв. требует специальных навыков. Сбор и анализ критически осмысленных исторических сведений, подтверждаемых и дополняемых из других документов, предполагает обнаружение близких по содержанию фактов и восстановления связей между ними. В их совокупности, взаимной связи и взаимодействии на основе логики и доказательств создается последовательная, логически связанная система исторических фактов (историческая канва). Таким образом, часть исторических связей, отражающих реальные исторические события, сохранилась в содержании документа, часть может быть восстановлена с помощью других документов. В итоге с помощью критики источников, логической доказательности, подтверждения исторических фактов несколькими документами устанавливается соответствие приводимых в письменных источниках сведений реальным историческим событиям.

Еще один аспект, который необходимо учитывать при использовании археологических методов в исследовании промышленных памятников, это увязка с деятельностью междисциплинарного направления исследований *Industrial archaeology* (индустриальная, промышленная археология), которое занимается натурными работами с отслужившими объектами промышленного производства. В Великобритании оно отличается и даже противопоставляется традиционной археологии⁸.

Понятие «индустриальная археология» выделяется в особую область, которая отличается от нашего традиционного представления об археологии, а раскопки являются редким и необязательным элементом исследования промышленных объектов. Это словосочетание появилось в Великобритании, и большинство британских исследователей придерживается точки зрения, что индустриальная археология охватывает период после индустриальной революции, то есть последние два столетия. По мнению этих исследователей, индустриальная археология — это междисциплинарный предмет, где имеют место исследования и работа профессионалов и любителей: архитекторов, горняков, инженеров, историков, археологов, металлургов, музейных работников, людей других специальностей. Между ними, занимающимися изучением и сохранением памятников индустрии, практически нет разделения, как в России, по отраслевому признаку. Всех их в Великобритании принято считать «индустриальными археологами», с чем трудно согласиться.

В то же время в последние годы противниками термина он подвергался сильной критике, как «невероятная смесь, как уродливый отпрыск родителей, которым следовало бы запретить иметь детей»⁹. Ситуация объяснялась тем, что его появление более соответствовало начальному этапу изучения индустриальных памятников: их поиску и регистрации. Главным образом в это время использовались методы описания и фиксации остатков, принятые в археологии и архитектуре. Со временем неучтенных объектов в Великобритании оставалось все меньше, и основное значение приобрели изучение, консервация, реставрация и музеефикация уже известных памятников. Со временем термин все меньше соответствовал сути следующего этапа — комплексному изучению и сохранению промышленных памятников. В Международном комитете по сохране-

⁸ Buchanan R. A. *Industrial archaeology in Britain*. Harmondsworth. 1972; Hudson K. *Industrial archaeology: an introduction*. London, 1983; Palmer M. *Industrial Archaeology: a thematic or a period discipline?* // *Antiquity*, 1990. Vol. 64. No. 243. P. 275–282; Raistrick A. *Industrial archaeology: an historical survey*. London, 1992; Rix M. *Industrial archaeology* // *The Amateur Historian*, 1955, 2 (8). P. 225–229.

⁹ Ниссер М. *Мировое индустриальное наследие: опыт изучения и организация работы, достижения последних лет* // *Сохранение индустриального наследия: мировой опыт и российские проблемы. Материалы международной научной конференции ТИССИН. Екатеринбург, 1994. С. 42.*

нию индустриального наследия (ТИССИИ) широкое толкование термина «индустриальная археология» все чаще заменяют понятием «охрана индустриального наследия», которое более точно отражает содержание комплексных работ на индустриальных памятниках.

В отличие от Великобритании, в России предпочтение отдавалось изучению социально-экономических вопросов развития промышленности. При сложившейся у нас системе научной специализации нет необходимости считать всех исследователей, работающих с индустриальными остатками, считать «индустриальными археологами». В то же время термин «промышленная археология» уже получил распространение в нашей стране, но его следует использовать не для определения особой области, а в рамках существующей в России системы исследований. В ней археологии с ее специфическими методами, в первую очередь раскопками, в данном хронологическом отрезке отводится роль вспомогательной исторической дисциплины при изучении разрушенных и плохо обеспеченных документами памятников, в нашем случае промышленных. В таком случае при отсутствии поздних хронологических границ в археологии сфера компетенции промышленной археологии распространяется на период зарождения и деятельности российской промышленности в хронологическом отрезке XVII–XX вв.

С учетом вышеизложенного нами сформулированы определения «индустриального наследия» и «промышленной археологии». **Индустриальное (промышленное) наследие** — это следы и остатки промышленной деятельности, сохранившиеся и унаследованные от прежних поколений; а **промышленная археология** — это тематический и хронологический раздел археологии, изучающий промышленные памятники XVII–XX вв., в том числе и традиционными археологическими методами. Это комплексное исследование, базирующееся на различных типах и видах источников и интегрированное в междисциплинарное направление деятельности по изучению и охране промышленного наследия.

Наша практика исследования показала, что для последних столетий археология выступает, по крайней мере, полноправной вспомогательной исторической дисциплиной. При преобладающем и подавляющем значении письменных и других источников степень использования археологических методов определяется потребностью в них.

Привлечение же методов археологии в комплексном исследовании промышленных памятников создает возможность выявлять ненайденное или уточнять спорное местонахождение предприятия, определять его инфраструктуру (рудники, дороги, места углежжения и т. д.); определять планировку завода и отдельных объектов, их особенности и этапы застройки; исследовать различные аспекты технического оснащения и технологических процессов производства, используя методы естественных наук в работе с образцами остатков сырья, отходов, инструмента, продукции.

Механизм реализации комплексного взаимодействия различных типов и видов источников (в первую очередь вещественных и письменных), методик в промышленной археологии осуществляется в определенной последовательности. Поставив конечной целью исследования комплексную реконструкцию отдельного предприятия, а в перспективе всего процесса возникновения и развития заводского производства на Урале, полагаем, что достижение ее определяется поэтапным выполнением задач.

На первом, разведочном, этапе осуществляется сбор информации из литературы, архивных документов; проводится поиск и предварительное археологическое обследование памятника. Второй этап предполагает стационарные раскопки, сопоставление их результатов с данными письменных источников, широкое привлечение специалистов других областей науки для совместного изучения обнаруженных остатков производства. На третьем этапе проводится консервация и музеефикация остатков сооружений исследуемого объекта. На основе синтеза всех полученных результатов создается модель реконструированного предприятия и процесса производства на нем с использованием вычислительной техники и метода компьютерной графики.

За прошедшие два десятилетия автором были организованы поиск и исследование нескольких памятников, в т. ч.: выявление местонахождения горных работ экспедиции М. Селина, Я. Т. Хитрово (1669–1674 гг.); поиски и раскопки Невьянского рудного железного дела (Ницинского завода) (1630–1680-е гг.), Тумашевского (1669–1675 гг.), Шувакишского (1706–1716 гг.), Мазуевского (1704–1744 гг.), Уктусского (1704–1750 гг.) и других старых заводов. Методы поиска отличаются от классической археологической разведки. Выявление памятников проводится

не путем сплошного обследования участка территории или берега реки, а по данным письменных источников, с целью обнаружения конкретного объекта.

Наиболее удачным и показательным в наших исследованиях стало выявление места деятельности и следов поисковой экспедиции за серебром, проходившей в 1669–1674 гг. где-то на Урале. Это была крупнейшая в дореволюционный период геологоразведочная экспедиция. При наличии чертежа археологической разведкой удалось быстро обнаружить в указанном месте оплывшие рвы и шахты, точно соответствующие описанию XVII и XVIII вв. Они находятся на крутых склонах горы, поросшей вековым сосновым лесом, на северо-восточной окраине г. Златоуста (рис. 1).

Рис. 1. Открытие памятного знака на месте горных работ экспедиции за серебряной рудой (1669–1674 гг.)

Местонахождение и время образования горных разработок установлено на основании соотнесения старинной и современной топонимики и топографии местности, планов рвов и сопровождающих их подписей. Что касается датировки археологическими методами, то на месте горных работ пока не обнаружено культурного слоя и находок, которые можно отнести к XVII в. С одной стороны, образование слоя на месте кратковременных разработок маловероятно, а местонахождение «Нового Уральского городка», где этот слой мог бы быть, установлено пока приблизительно, на территории г. Златоуста. С другой стороны, находки бытовых русских вещей, имевших широкий хронологический диапазон существования, вряд ли внесут ясность. Необходимы находки монет или аналогичных предметов, дающих точную дату. Тем не менее, по нашему мнению, с помощью письменных источников и археологического поиска удалось установить точное местонахождение и дату памятника.

Таким образом, процедура соотнесения документальных данных и вещественных остатков в пространстве и времени для их дальнейшего совместного исследования памятников XVII–XVIII вв. производится в следующей последовательности. Первоначально осуществляется сбор данных из письменных источников, указывающих на местонахождение и характерные признаки объекта. Для быстроты и точности поиска желательно наличие старых чертежей и планов местности. Район разведки уточняется с помощью современных карт и сравнения исторической топоними-

ки с современной. Находка памятника в оконтуренном районе может проводиться по уточняющим сведениям: данным микротопонимики, особенностям топографии местности, расстояниям от известных населенных пунктов, характерным признакам объекта, локальным чертежам и т. д. Хронологическая идентификация памятника осуществляется по данным письменных источников, типичным для эпохи признакам, явно выраженной однослойности объекта, датированным предметам материальной культуры. Из круга однородных памятников выявляются «реперные», имеющие хорошую сохранность остатков и документальное обеспечение. В исследованиях им отдается приоритет для создания эталонных коллекций артефактов.

Разведки на основе данных письменных источников позволяют устранить спорные точки зрения, выявить местонахождение памятников для дальнейшей работы с их остатками, уточнить окружающую историческую топонимику. С их помощью нередко можно точно выявить время жизнедеятельности, название объекта, язык и этническую принадлежность его создателей, что чаще всего невозможно осуществить на памятниках доисторической эпохи.

Как уже отмечалось, на заводах Урала в XVII–XVIII вв. все постройки были деревянными, и к настоящему времени не сохранилось в целости ни одного промышленного объекта того времени. Причина этому — смена технологии производства, естественное разрушение объектов, другие факторы. В лучшем случае здания разрушились естественным образом и отложились в культурный слой, в худшем — были уничтожены более поздними перестройками. При исследовании скрытых в земле остатков археолог становится ключевой фигурой, без которой не может проводиться полноценная работа других специалистов (архитекторов, историков, реставраторов, музейных работников). Археологический поиск и исследование культурного слоя — трудоемкий и дорогостоящий процесс, поэтому невозможно уделить равное внимание всем памятникам; необходимо выявлять наиболее уникальные и пытаться сохранить хотя бы некоторые из них.

Идеальными для исследователя остаются так называемые «чистые» — однослойные — памятники. Объект существовал относительно короткий промежуток времени, был заброшен и забыт. Впоследствии он разрушился естественным образом, но при этом в архивохранилищах сохранилось значительное количество документации (Мазуевский завод). На основании изучения Невьянского рудного железного дела мы сделали вывод, что историко-археологическое исследование памятника позволяет устранять спорные вопросы и пополнить сведения о планировке, архитектуре, этапах перестройки; технологии производства и технического оснащения предприятия. В процессе раскопок появляются образцы изделий, полуфабрикаты, отходы производства для изучения их методами естественных наук, составления типологических рядов предметов и музейных коллекций.

Одной из мотиваций создания компьютерной модели промышленного предприятия послужил доклад французского ученого Т. Спета в Нижнем Тагиле в 1993 г. Исследователь воспользовался совершенным на то время компьютером IBM-486 и создал с помощью компьютерной графики трехмерные статичные модели раритетных механизмов конца XIX в.¹⁰

Накопив определенный опыт, мы пришли к необходимости углубленного исследования и реконструкции какого-либо уникального памятника промышленности. Наиболее подходящим был признан Мазуевский многопрофильный металлургический завод (1704–1743 гг.). Впервые автор побывал на заводской площадке в 1993 г. (рис. 2). С этого времени нами был собран обширный комплекс архивных документов об истории завода. На их основе с 1997 г. совместно с к. т. н. Ю. М. Барановым на IBM-486 начались первые попытки компьютерного моделирования заводских механизмов, а к 2000 г. впервые в России мы создали компьютерную анимированную модель предприятия с помощью программы 3D Max. Более подробно с опытом компьютерного моделирования и анимации исторических объектов и раритетных технологий можно ознакомиться в совместных авторских публикациях¹¹.

¹⁰ Спет Т. Реконструкция раритетных технологий с использованием компьютерной графики и новых технологий // Сохранение индустриального наследия: мировой опыт и российские проблемы. Материалы международной научной конференции ТИССИИ. Екатеринбург, 1994. С. 236–237.

¹¹ Баранов Ю. М., Курлаев Е. А. Реконструкция утраченных промышленных объектов и раритетных технологий с использованием компьютерного моделирования // VII научно-практическая конференция «Российский научно-технический музей: проблемы и перспективы». Н. Тагил, 2000. Т. 1. С. 46–59 и др.

Рис. 2. Остатки Мазуевского завода (1704–1743 гг.).
Современное состояние

Мазуевский завод основал в 1704 г. предприниматель Ф. И. Молодой к юго-востоку от Кунгура. В первые десятилетия XVIII в. на этом предприятии возникли все основные типы металлургического производства «догенниновского» периода: сыродутные печи, молотовая, медеплавильные печи, домна. Описания Мазуевского завода отличаются полнотой и регулярностью за весь период его существования. В первую очередь — это описи передачи имущества, где имеются довольно подробные данные о заводских строениях и механизмах. Компьютерная модель завода отображает его устройство в 1722 г.

В документах приведены размеры плотины и заводских построек, указаны расстояния друг от друга. Имеются некоторые сведения о технике строительства (сделаны в заплот, срубом, крыты дранью), приводится внутреннее устройство цехов (количество печей, вододействующих молотов и мехов), перечисляется инструмент на каждом рабочем месте. Такие сведения могут показаться излишними для традиционных исторических исследований, но для технологической и технической реконструкции завода они являются крайне важными и необходимыми. Сведения стали еще более привлекательными с момента, когда удалось найти заброшенные и забытые остатки завода. Эта уникальная находка позволила получить представление об окружающей местности и использовать в реконструкции археологические методы и данные.

Компьютер позволил иначе ставить и решать исследовательские, образовательные и воспитательные задачи. Он дал возможность отойти от традиционных методов воссоздания объекта с помощью художественной графики или строительства макета из подручных материалов. Программное обеспечение современных компьютеров позволило создать искусственный трехмерный мир, пространство трехмерной компьютерной графики (3D-графики) — «виртуальную реальность».

После того, как у нас сформировалось достаточно полное представление о внешнем облике объекта, механизмах и технологических процессах, мы приступили к процессу моделирования. Знание возможностей профессиональных инструментов — программ для объемного моделирования и качественной визуализации — является необходимым условием для корректной постановки задачи компьютерной реконструкции утраченных объектов. Для

создания модели существует несколько подходов и методов. Основные методы: каркасное, сплайновое и объемное моделирование. Одним из главных аргументов в пользу 3D-графики при реконструкции исторических объектов является возможность создания компьютерной мультипликации.

Главная сложность при реконструкции объектов Мазуевского завода заключалась в отсутствии данных об их пространственных формах, высотных размерах и конструктивных деталях. Чертежи завода представлены в двухмерном изображении. Вместе с тем с большой долей вероятности можно предположить, что предприятие строилось в рамках технических традиций, сложившихся в отечественной металлургии XVII — начала XVIII в.

В итоге с учетом технического оснащения, технологических принципов обработки металла, применявшихся в конце XVII — начале XVIII в., и заводских чертежей было реконструировано внутреннее устройство молотовой и доменной фабрик (в соответствии с масштабом и пропорциями). В модель Мазуевского металлургического завода вошли графическая реконструкция заводской площадки и окружающего ландшафта (трехмерные модели заводского пруда, р. Мазуевки, плотины с двумя рабочими прорезами и водоводными ларями, доменного, молотового и медеплавильного цехов), а также вспомогательных помещений (кузницы, меховой, «припасного» сарая, известкового амбара, усадьбы заводчика). Помимо создания внешнего облика завода, было проведено моделирование внутреннего интерьера цехов и технологического оборудования (кричных молотов и горнов, водяных колес, воздуходувных мехов, доменной печи, литейного двора), осуществлена анимация ряда производственных процессов (ковки железа под молотом, выпуска и разливки чугуна из доменной печи, работы мехов и водяных колес) (рис. 2; см. цв. вклейку, рис. 19, 20, 21).

Для представления объектов созданы текстурные карты и многокомпонентные материалы, проведено проецирование разработанных материалов на поверхности объектов. Смоделировано освещение трехмерной модели заводского комплекса, выбраны и установлены в пространстве источники света, произведена настройка теней и атмосферных эффектов. Для демонстрации и художественного оформления модели был создан видеофильм «Мазуевский завод в 1722 г.», иллюстрирующий историю завода и современное состояние заводской площадки.

Реконструкция утраченных исторических объектов — сложнейшая задача, которую приходится решать, исходя из неполных и неподтвержденных данных. Но это все же менее трудоемкая задача, чем изготовление полноразмерных макетов таких объектов. Компьютерные методы моделирования помогают ученым визуализировать объекты исследований и дают возможность любознательной публике погружаться в виртуальную среду прошлых исторических эпох. На основе реконструкции и создания действующей модели металлургического предприятия возможна постоянная консультация и сотрудничество с заинтересованными специалистами различных смежных дисциплин, проведение конструктивных изменений и дополнений. Одно дело исследовать и анализировать старинный чертеж молотовой фабрики (задача для специалистов), и совсем другое дело — видеть на дисплее трехмерный цветной образ «молотовой» в окружении реальной заводской застройки XVIII в. Вместо того чтобы пассивно разглядывать музейные реликвии или рисунки, сделанные по результатам традиционной реконструкции, посетители получают возможность «побродить» по старинному заводу и почувствовать себя современником Ф. И. Молодого.

Можно и нужно подвергать сомнению то, в какой степени реконструкция объектов достоверна и соответствует реальной действительности. Но преимущество компьютерной графики в том и заключается, что с появлением новой информации о памятнике имеется возможность оперативно скорректировать его виртуальную модель. Поэтому мы рассматриваем созданный виртуальный образ объекта не как окончательный итог исследований, но как рабочую модель, гипотезу, открытую для обсуждения и продолжения междисциплинарных исследований.

Методы поиска, раскопок и реконструкции разрушенных исторических памятников с использованием письменных источников достаточно специфичны. Нами продемонстрирован первый опыт такого подхода только на примере уральских промышленных памятников, где метод комплексного историко-археологического исследования наиболее востребован и продуктивен

как для историков, так и для археологов. Но практически он аналогичен и для других памятников археологии этой эпохи — жилых, культовых, погребальных — и должен стать кристаллизующим, объединяющим вокруг себя другие методы естественных наук и отраслей промышленности (геологии, металлургии, строительства, архитектуры и др.) для анализа средневековых технологий современными средствами исследований. Работа историков, археологов, музейщиков со специалистами по компьютерной графике позволяет по-новому подойти к решению задач исторической реконструкции.

Логика и практика развития, к примеру, вспомогательных дисциплин приводит постепенно к тому, что каждая из них трансформируется в отдельную область знания. Со временем и промышленная археология обретет четкие контуры нового научного направления на стыке археологии и истории промышленности.

References

Avdusin D. A. *Arkheologiya SSSR. 2-ye izd.* [Archaeology of the USSR. 2nd ed.]. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1977. (In Russian).

Avdusin D. A. *Polevaya arkheologiya SSSR. Uchebnoye posobiye. 2-ye izd.* [Field Archaeology of the USSR. A Tutorial. 2nd ed.]. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1980. (In Russian).

Baranov Yu. M., Kurlaev E. A. [Reconstruction of the Lost Industrial Objects and Rare Technologies Using Computer Modeling]. *VII nauch.-prakt. konf. "Rossiyskiy nauchno-tekhnicheskiy muzey: problemy i perspektivy"* [7th Scientific and Practical Conf. "Russian Scientific and Technical Museum: Problems and Prospects"]. N. Tagil: Bank kul'turnoy informatsii Publ., 2000, vol. 1, pp. 46–59. (In Russian).

Buchanan R. A. *Industrial Archaeology in Britain*. Harmondsworth: Penguin, 1972. (In English).

Hudson K. *Industrial Archaeology: An Introduction*. London: Routledge, 1983. (In English).

Istochnikovedeniye istorii SSSR [Source Study of the History of the USSR]. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1973. (In Russian).

Kurlaev E. A. [On the Issue of a Comprehensive Historical and Archaeological Study of Industrial Monuments of the 17th–18th Centuries]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik* [Ural Historical Journal], 2006, iss. 14, pp. 157–170. (In Russian).

Martynov A. I. *Arkheologiya. Uchebnyk. 5-ye izd.* [Archaeology. Textbook. 5th ed.]. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 2005. (In Russian).

Martynov A. I., Sher Ya. A. *Metody arkheologicheskogo issledovaniya. Uchebnoye posobiye. 2-ye izd.* [Methods of Archaeological Research. Tutorial. 2nd ed.]. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 2002. (In Russian).

Nisser M. [World Industrial Heritage: Experience of Studying and Organization of Work, Achievements of the Recent Years]. *Sokhraneniye industrial'nogo naslediya: mirovoy opyt i rossiyskiye problemy. Materialy mezhdunar. nauch. konf. TICCIH* [Preservation of Industrial Heritage: World Experience and Russian Problems. Materials of the International Sci. Conf. TICCIH]. Ekaterinburg: Bank kul'turnoy informatsii Publ., 1994, pp. 41–46. (In Russian).

Palmer M. *Industrial Archaeology: A Thematic or a Period Discipline?* *Antiquity*, 1990, vol. 64, no. 243, pp. 275–282. (In English).

Pushkarev L. N. *Klassifikatsiya russkikh pis'mennykh istochnikov po otechestvennoy istorii* [Classification of Russian Written Sources in Russian History]. Moscow: Nauka Publ., 1975. (In Russian).

Raistrick A. *Industrial Archaeology: An Historical Survey*. London: Eyre Methuen, 1992. (In English).

Rix M. *Industrial Archaeology. The Amateur Historian*, 1955, 2 (8), pp. 225–229. (In English).

Shakirov Z. G. *Metody fiksatsii v arkheologii* [Methods of Fixation in Archaeology]. Kazan: Kazan. un-t Publ., 2015. (In Russian).

Spet T. [Reconstruction of Rare Technologies Using Computer Graphics and New Technologies]. *Sokhraneniye industrial'nogo naslediya: mirovoy opyt i rossiyskiye problemy. Materialy mezhdunar. nauch. konf. TICCIH* [Preservation of Industrial Heritage: World Experience and Russian Problems. Materials of the International Sci. Conf. TICCIH]. Ekaterinburg: Bank kul'turnoy informatsii Publ., 1994, pp. 236–237. (In Russian).

Stoskova N. N. *Pervyye metallurgicheskiye zavody Rossii* [The First Metallurgical Plants of Russia]. Moscow: Izd-vo AN SSSR Publ., 1962. (In Russian).

Yanin V. L. *Ocherki kompleksnogo istochnikovedeniya. Uchebnoye posobiye* [Essays on Complex Source Studies. A Tutorial]. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1977. (In Russian).

УДК 902.2(470.342)

DOI: 10.58529/2782-6511-2023-2-2-102-109

Евшин Андрей Сергеевич

лаборант НИ археологической лаборатории Вятского государственного университета; магистрант Казанского федерального университета (Россия, Киров)

ORCID: 0000-0003-2329-2483

E-mail: yevshin99@mail.ru

Старков Роман Леонидович

генеральный директор ООО АК «Экспедиция»; хранитель археологической коллекции Кировского областного краеведческого музея (Россия, Киров)

ORCID: 0000-0002-1697-6521

E-mail: starkov-roman@mail.ru

**Археологические работы на территории фаянсового завода
Казариновых в 2020–2021 гг.**

АННОТАЦИЯ. В Кировской области продолжают исследования фаянсовой промышленности второй половины XIX в. За период 2020–2021 гг. удалось обнаружить завод Казариновых, поставить памятник на государственную охрану и начать систематическое его изучение. Это одни из первых археологических работ в России на подобном памятнике промышленной археологии. Полученная коллекция позволила сделать выводы об ассортименте продукции и ее декоре, а также о технологических особенностях производства. Было установлено, что Казариновы, в отличие от многих других предпринимателей, производили узкий ассортимент столовой посуды. Маленькое количество клейм дало возможность предположить, что Казариновы ставили клейма не на всю свою продукцию, и поэтому в музейных коллекциях может храниться продукция местных заводов, но их атрибуция из-за отсутствия клейм невозможна. Находки капселей и капсельных трехгранных штифтов позволили прояснить процесс обжига и более полно описать производство фаянсовой посуды.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: промышленная археология, фаянсовый завод, деревня Дресва, фаянс, фарфор

UDC 902.2(470.342)

DOI: 10.58529/2782-6511-2023-2-2-102-109

Andrey S. Evshin

Vyatka State University; Kazan Federal University (Russia, Kirov)

ORCID: 0000-0003-2329-2483

E-mail: yevshin99@mail.ru

Roman L. Starkov

AC «Expedition» LLC; Kirov Regional Museum of Local Lore (Russia, Kirov)

ORCID: 0000-0002-1697-6521

E-mail: starkov-roman@mail.ru

**Archaeological Work on the Territory
of the Kazarinovs Faience Factory in 2020–2021**

ABSTRACT. Studies of the faience industry of the second half of the 19th century are continuing in the Kirov region. During the 2020–2021 period, the Kazarinovs factory was discovered, it was also taken under state protection and its systematic study began. This is one of the first archaeological works in Russia on such a monument of industrial archeology. The obtained collection allows drawing conclusions about the product range and its decor, as well as about the technological features of production. It was found that unlike, for example, many others entrepreneurs, the Kazarinovs did not produce a wide range of products. The small number of labels made it possible to assume that the Kazarinovs did not put labels on all their products and therefore the products of local factories can be stored in museum collections, but their attribution due to the absence of labels is not possible. The findings of sagger and sagger triangular pins made it possible to clarify the firing process and more fully describe the production of earthenware.

KEYWORDS: industrial archaeology, faience factory, village of Dresva, faience, porcelain

В 2019 г. была проведена работа в Центральном государственном архиве Кировской области, по результату которой удалось установить, что в Вятской губернии во второй половине XIX в. существовало три фаянсовых завода и все они располагались в Орловском уезде¹. Сейчас это территории Орловского и Оричевского районов Кировской области. В опубликованной статье было отмечено, что сохранилось лишь три изделия местных производителей в фондах Кировского областного краеведческого музея и основные выводы делаются исследователями на основе письменных источников. Было предложено начать археологическое изучение предполагаемых мест расположения фаянсовых заводов. Места расположения удалось установить в архиве. Благодаря проведению археологических работ планировалось решить проблему нехватки фаянсовых изделий Вятской губернии, а также подтвердить и расширить данные, полученные современниками предприятий.

Наиболее перспективным для нахождения и дальнейшего изучения был выбран завод Казариновых, открытый в 1870 г. и просуществовавший 12 лет. Вятские статисты указывали, что предприятие Андрея Игнатьевича и Михаила Андреевича находилось при д. Дресва, а также писали о расположении близ пруда Мошкина Мельница². Осенью 2020 г. была проведена археологическая разведка в указанной местности, сейчас это район деревень Дресва и Мошкина Мельница Оричевского района, дома которых примыкают друг к другу. Работами руководил один из авторов этой статьи, Р. Л. Старков, а держателем открытого листа выступил Ю. О. Снигирёв³. Полевые и камеральные работы проводились совместно сотрудниками ООО АК «Экспедиция» и НИ археологической лаборатории ВятГУ. Результаты проведенных исследований в виде кратких тезисов были опубликованы в сборнике Урало-Поволжской археологической конференции и теперь могут быть дополнены и скорректированы⁴.

При проведении археологической разведки были опрошены жители деревень Дресва и Мошкина Мельница, которые рассказали о находках фаянсовых «черепков» близ реки Снигирёвка. В результате были выбраны три перспективных площадки для обнаружения новых археологических памятников (см. *цв. вклейку, рис. 22*). Обследование было решено начать от слияния рек Снигирёвка и Илгань. Условное обозначение данной территории — площадка № 1. В ходе осмотра выбранного места подъемного материала обнаружено не было, а в двух заложённых шурфах не был зафиксирован культурный слой. После был начат поиск подъемного материала на распаханном поле площадью около 32 га — площадка № 2. В ходе обследования была выявлена концентрация подъемного материала на небольшом участке земли в восточной части поля (см. *цв. вклейку, рис. 23*). Было обнаружено несколько фрагментов керамики, посуды из фарфора и фаянса и нуклеус. Все четыре фрагмента фаянса имеют эмалевую глазурь. На двух из них зафиксирован ручной декор вдоль борта тарелок зеленого и синего цветов. Отсутствие клейм не позволило дать точную привязку к заводу и времени изготовления. Характер распространения находок указывал на необходимость двигаться ближе к деревне Мошкина Мельница — площадке № 3.

Подъемный материал был обнаружен в 180 м от поворота дороги из Мошкиной Мельницы в Дресву и в 90 м от р. Снигирёвка. Территория, где было обнаружено 205 предметов, связанных с производством посуды, ограничивается заболоченной местностью с севера и постепенным перепадом высот от реки с востока. Как рассказывали старожилы, пруд, образовывавшийся ранее из-за мельницы, доходил до перепада высот с востока. Именно об этом пруде писали вятские статисты. Количество и тип подъемного материала и небольшая область его концентрации позволили предположить, что этот участок земли является местом расположения фаянсового завода. В результате закладки восьми шурфов удалось подтвердить нахождение на предполагаемом месте

¹ Евшин А. С., Кайсин А. О. Фаянсовые заводы на территории Орловского уезда Вятской губернии во второй половине XIX века // Вестник гуманитарного образования. 2019. № 3 (15). С. 63.

² ЦГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 241.

³ Снигирёв Ю. О. Отчет об археологической разведке на территории дер. Дресва и в ее окрестностях в Оричевском районе Кировской области за 2020 год. Киров, 2021.

⁴ Евшин А. С. Фаянсовый завод А. И. и М. А. Казариновых на основе письменных и археологических данных (1870–1882 гг.) // LIII Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых. Материалы Всероссийской (с международным участием) конференции. Оренбург, 2021. С. 250–252.

памятника археологии и определить его границы (см. цв. вклейку, рис. 24). Площадь памятника составила около 4300 кв. м. Центр изучаемого предприятия предположительно располагался на месте шурфа № 5, где была обнаружена кирпичная кладка, предположительно являющаяся горном. Большая часть находок также приходится на этот шурф, хотя он не был доведен на всей площади до материка, так как этому воспрепятствовала зафиксированная кладка. Было принято решение законсервировать шурф для возможности полноценного изучения горна во время раскопок. В общей сложности на территории фаянсового завода вместе с подъемным материалом была получена коллекция из 1274 находок (см. табл. 1).

Таблица 1

Находки полевого сезона 2020 г.

№ Шурфов	Фаянсовые изделия	Фарфоровые изделия	Капсели	Трехгранные штифты	Кирпичи	Изделия из железа	Изделия из стекла	Изделия из глины	Общее кол-во
Площадка № 2									
Подъемка:	4	1	—	—	—	—	1	3	9 + ну-клеус
Площадка № 3									
5	616	5	34	5	8	5	9	13	695
6	15		2		2			1	20
7	25	1	22		2				50
8	—	—	—	—	—	—	—	—	—
9	—	—	—	—	—	—	—	—	—
10	—	—	—	—	—	—	—	—	—
11	203	3	90	8	5		3	2	314
12	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Подъемка	152	—	30	19	—	—	2	2	205
Общее кол-во (площ. № 3)	1011	9	178	32	17	5	14	18	1284

Осенью 2021 г. тем же научным коллективом на краю восточной части памятника был заложен раскоп площадью 24 кв. м⁵. Культурный слой составлял до 33 см. Хозяйственных ям и следов деревянных конструкций выявлено не было. Проведение раскопок рядом с границей памятника создало комфортные условия для дальнейших работ и постепенного продвижения к центру памятника. В ходе проведенных работ была получена коллекция из 320 предметов (см. табл. 2). Согласно п. 4.33 «Положения о порядке проведения археологических полевых работ и составления научной отчетной документации» было принято решение отобрать часть массового археологического материала, который может быть оставлен на месте полевых работ. К этой группе была

⁵ Снигирёв Ю. О. Об археологических раскопках на территории выявленного объекта археологического наследия «Дресва (завод Казариновых). Производственный комплекс» в Оричевском районе Кировской области за 2021 год. Киров, 2022.

отнесена часть кирпичей (29 ед.) и фрагменты изделий из фаянса, не являющихся бортами, без нанесенной глазури, декора, а также малоинформативные из-за маленького размера (67 ед.). Общее количество вещественного материала, оставленного в раскопе, составило 96 ед. По итогам двухлетних работ на территории фаянсового завода Казариновых можно сделать выводы об ассортименте продукции и ее декоре, а также о технологических особенностях производства.

Таблица 2

Находки полевого сезона 2021 г.

Находки	Количество
Изделие из фарфора	1
Отщеп	1
Слюда	1
Изделия из фаянса	133
Производственный брак	3
Капсели	42
Штифты	3
Кирпичи	13
Керамика	7
Стекло	15
Отходы производства	5
Общее кол-во	224
Массовый материал, оставленный на месте полевых работ	
Изделия из фаянса	69
Кирпичи	27
Общее кол-во	96

Было установлено, что в отличие от, например, завода Токарского Вятской губернии Казариновы не делали ставку на широкий ассортимент продукции. В ходе археологических работ были выявлены: тарелки, миски, кружки, ручка от предполагаемой супницы и фрагмент крышки от неизвестного сосуда (см. цв. вклейку, рис. 25). Для мисок характерно высокое и толстое кольцевое основание и высокие ровные края. Тарелки изготавливались с маленьким кольцевым основанием на дне и без него. На примерно половине тарелок фиксируется борт с выступом в виде бугорка на краю тарелки.

По своей структуре изделия из фаянса представлены однородной плотной массой бежевого цвета без следов примесей. Большинство фрагментов посуды без нанесенной глазури сохранили горизонтальные следы заглаживания (ротации), что указывает на факт изготовления изделий из фаянса на гончарном круге. Точильщики могли не волноваться о следах заглаживания, так как нанесенный слой непрозрачной глазури перед вторым обжигом позволял скрыть все следы изготовления. Информация в письменных источниках об изготовлении части посуды на фаянсовом заводе Казариновых «на гипсовых формах», «в формах» тоже подразумевает использо-

вание гончарного круга для плоских вещей, например, таких, как тарелки⁶. Формовщик прямо на гончарном круге придавал подготовленному пласти вид будущего изделия, кладя его на форму⁷. Складную форму из двух половин, которая разбиралась после того, как изделие было готово, чаще всего использовали для емких вещей: чашек, чайников, а также для различных мелких деталей: носиков, ручек. Учитывая фрагменты со следами заглаживания и формы столовой посуды из полученной коллекции, можно сделать вывод о преобладании использования односторонних форм на гончарном круге.

Находки капселей/судниц и капсельных трехгранных штифтов/шипиков проясняют процесс обжига на заводе Казариновых (см. цв. вклейку, рис. 27). В письменных источниках указывается, что если первый обжиг на бисквит мог совершаться на голом огне, то вторичный обжиг изделий, покрытых глазурью, требовал загрузки их в специальные защитные сосуды — капсели, которые изготавливались из огнеупорных шамотных масс. Это делалось во избежание загрязнения товара⁸. Нами зафиксировано, что капсели на исследуемом производственном комплексе изготавливались из красной и белой глины и их смеси. Рабочие добавляли в некоторые массы различные примеси: фрагменты фаянса, керамики, песок и т. д. Форма капселей зависела от изделий, которые в нее загружались⁹. В ходе археологических работ были обнаружены капсели бочковидной формы с закругленными стенками и кубовидной формы с прямыми стенками. В связи с установкой капселей в высокие колонны в горне им приходилось выдерживать значительное давление сверху, и из-за этого боковые стенки капселей были толстыми. Нами зафиксированы стенки с различной толщиной, от 0,8 до 2,6 см. Точильщики делали дно у капселя такой же толщины, как у стенки, либо меньше. На найденных капселях также зафиксированы отчетливые следы заглаживания, что указывает на изготовление их на гончарном круге.

Капсели смазывались иногда слоем глазури, чтобы затруднить отпадение зернышек грубой капсельной массы на поверхность обжигаемых изделий¹⁰. Нами обнаружены капсели с нанесенным слоем глазури и слоем жидко разведенной глины разных цветов. Рабочие наносили покрытие на капсели с внешней и внутренней стороны либо ограничивались только одной стороной. Также встречаются экземпляры без какого-либо покрытия, что может объясняться разным составом подготовленных глиняных масс и плотностью получаемых капселей.

Необходимо было также обеспечить отсутствие соприкосновения посуды внутри капселя, для этого использовались трехгранные штифты из массы, по составу приближенной к фаянсу, которые вставлялись в стенки капселей. Они служили как подставками, так и подпорками¹¹. При разведке и раскопках было обнаружено 35 трехгранных штифтов и несколько десятков капселей с отверстием под них.

Всего было обнаружено на территории завода за два года 1209 изделий из фаянса. Большинство фрагментов фаянсовой посуды не имеют декора и глазури — 926 шт. Глазурь нанесена на 243 изделия: белая (226 шт., 79 из них с элементами декора); голубая (16 шт.), серая (1 шт.). Остальные 40 фаянсовых фрагментов имеют декор, но не покрыты глазурью. В итоге мы видим, что брак на этапе первого обжига превышал во много раз брак на этапе второго обжига.

Анализ полученной коллекции указывает, что рабочие фаянсового завода Казариновых использовали различные способы декорирования производимой продукции: ручную роспись (92 шт.), технику переводной печати — деколь (46 шт.) и технику рельефного декора (15 шт.) (см. цв. вклейку, рис. 26). Один фрагмент имеет рельефный горошек по краю и ручную роспись одновременно. Ручная роспись, вероятнее всего, наносилась поверх подсохшей глазури перед вторым обжигом, так как на сломе изделий фиксируется краска, полностью спекшаяся с глазурью. Для ручной росписи использовали синюю, коричневую и черную краски. Переводной же

⁶ ЦГАКО. Ф. 547. Оп. 1. Д. 353. Л. 1191.

⁷ Снигирёв Ю. О. Об археологических раскопках на территории выявленного объекта археологического наследия «Дресва (завод Казариновых). Производственный комплекс» в Оричевском районе Кировской области за 2021 год. Киров, 2022. С. 125.

⁸ Соколов А. М. Керамическая технология. СПб., 1904. С. 158.

⁹ Там же. С. 284.

¹⁰ Там же. С. 271, 329.

¹¹ Там же. С. 235–236.

рисунок отличается своей детализированностью и в какой-то степени является противоположностью размашистой кистевой росписи¹². Вероятнее всего, для нанесения переводного рисунка использовались медные доски с вырезанными на них узорами¹³. Рабочие наносили краску на узор и переводили его на бумагу, а с нее уже узор переносился на фаянсовые изделия¹⁴. При обжиге смоченная бумага на изделии сгорала, а изображение прочно соединялось с керамической массой¹⁵. Возможно, что, в связи со сложностью изготовления гравированных досок, владельцы завода близ деревни Дресва и Мошкина Мельница закупали готовые доски или готовые отпечатки на бумаге у других заводчиков. Крупный специалист по фаянсу Дулькина Т. И. отметила следующую закономерность: «...так как своих художников, умевших создавать оригинальные рисунки, на крестьянских фабриках не было, все сюжеты заимствовались либо с фаянса других фабрик, либо с гравюр и воспроизведений в книгах и журналах»¹⁶.

Также стоит отметить, что за два года проведения работ было обнаружено только два клейма, и это может означать, что вятские предприниматели ставили клейма не на всю свою продукцию (см. цв. вклейку, рис. 28). В связи с этим в музейных коллекциях может храниться продукция местных заводов, но их атрибуция из-за отсутствия клейм невозможна. Обнаруженная аббревиатура «Ф. К.» на клейме с маленькой короной в верхней части может расшифровываться как «Фабрика Казариновых», хотя сами клейма пока не дали возможности дать точную привязку к заводу Казариновых.

Кроме изделий из фаянса было обнаружено еще 10 фрагментов из фарфора. Из-за их маленького размера не удалось определить конструктивное назначение изделий, но данные находки позволяют поставить вопрос о попытке производства на заводе Казариновых фарфоровых изделий. Также нельзя исключать, что изделия из фарфора могли являться образцами для мастеров или использоваться рабочими в повседневной жизни. Больше ясности появится при раскопках в последующие полевые сезоны. Также обнаружены белые и красные кирпичи, производственный брак, керамика, стекло и отходы производства в виде шлаков и сгустков фаянса. Использование на производстве кирпичей из разных глин может быть связано с их различной термостойкостью. В письменных источниках встречается информация, что стены горнов выкладывались именно из белого огнеупорного кирпича, который мог вынести высокую степень каления¹⁷.

Таким образом, за два года работы сотрудникам ООО АК «Экспедиция» и НИ археологической лаборатории ВятГУ удалось установить место расположения завода Казариновых, определить границы выявленного памятника археологии и начать систематическую работу на нем. Полученные результаты указывают на перспективность изучения данного памятника археологии и необходимость увеличения раскапываемой площади для фиксации сооружений завода Казариновых. В последующем планируется продвигаться к предполагаемой центральной части памятника, выявленной во время разведки.

References

Dulkina T. I. *Gzhel'. Tonkiy fayans* [Gzhel. Fine Faience]. Moscow: Izdatel'stvo Iriny Kasatkinoy Publ., 2000. (In Russian).

Evshin A. S. [The A. I. and M. A. Kazarinovs Faience Factory Based on Written and Archaeological Data (1870–1882)]. *LIII Uralo-Povolzhskaya arkheologicheskaya konf. studentov i molodykh uchenykh. Materialy Vseros. (s mezhdunar. uchast.) konf.* [53rd Ural-Volga Archaeological Conf. of Students and Young Scientists. Materials of the All-Russian (With International Participation) Conf.]. Orenburg: Izd-vo OGPU Publ., 2021, pp. 250–252. (In Russian).

¹² Дулькина Т. И. Гжель. Тонкий фаянс. М., 2000. С. 35.

¹³ Исаев А. А. Промыслы Московской губернии. М., 1876–1877. Т. 2: Металлические промыслы. Гончарный промысел. 1876. С. 125.

¹⁴ Там же. С. 132.

¹⁵ Носкова Л. Уральский фаянс // Вечерняя Пермь. 1987. 9 апр. № 83. С. 1.

¹⁶ Дулькина Т. И. Указ. соч. С. 7.

¹⁷ Исаев А. А. Указ. соч. С. 125.

Evshin A. S., Kaisin A. O. [Faience Factories on the Territory of Oryol District of Vyatka Province in the Second Half of the XIX Century]. *Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya* [Herald of Humanitarian Education], 2019, no. 3 (15), pp. 57–65. DOI: 10.25730/VSU.2070.19.033 (In Russian).

Noskova L. [Ural Faience]. *Vechernyaya Perm'* [Evening Perm], 1987, 9 Apr., no. 83, p. 1. (In Russian).

СООБЩЕНИЯ

УДК 94(460)“12”:528.94

DOI: 10.58529/2782-6511-2023-2-2-110-113

Презентация издания «История Испании» Альфонсо X и картографического приложения к нему

В конце 2022 г. из печати вышел 3-й том «Истории Испании» Альфонсо X (полное название труда — «История Испании, которую составил благороднейший король дон Альфонсо, сын благородного короля дон Фернандо и королевы доньи Беатрис»). Тем самым была завершена почти десятилетняя работа над переводом и изданием фундаментального памятника испанского средневекового историописания. Предыдущие два тома были изданы в 2019 и 2021 гг. соответственно. Общее руководство работами по переводу и подготовке текста источника осуществлял О. В. Ауров, выдающийся отечественный историк-испанист, который уже имел опыт издания объемных источников по истории Испании (например, «Вестготской правды» в 2012 г.). В работе над изданием приняли участие и другие видные испанисты — историки и филологи: А. В. Марей, Е. С. Марей, Н. А. Пастушкова и многие другие.

Текст источника состоит из 1135 глав, которые сгруппированы по хронологии, тематике или периодам правления королей. Начало «Истории» — первые 13 глав — содержит своеобразный мифологический экскурс, дающий общее описание Испании и излагающий предания об основании древнейших городов. Затем материал группируется по господству в Испании народов или государственных образований: альмухусы (первые 15 глав), владычество «народов из Африки» (пунийцев; 16–22 главы); господство римлян, которое, начиная с правления Октавиана Августа, описывается по годам правления императоров (до 364 главы, которая завершается 17-м годом правления Гонория); в главах 365–385 отражены события первой половины V в. — пребывание в Испании вандалов, силингов, алан, свевов, после чего более подробно излагается история готов, с обширными вставками об их происхождении и деяниях до прихода в Испанию. Дальнейший текст, до 565 главы, представляет собой историю Вестготского королевства вплоть до его гибели в результате вторжения мавров (арабо-берберского войска во главе с Тариком). После главы 566, с которой начинается изложение истории Астурийского королевства, текст группируется по правителям Астурии, а затем — Кастилии, что не отменяет и сообщений о важных событиях, происходивших в мусульманских государствах на территории Испании и в соседних государствах (например, сведения о походе Абд ар-Рахмана против франков до Арля).

Для более обстоятельного ознакомления с историей создания, структурой и содержанием источника рекомендуется обратиться к первому тому его перевода, в котором содержатся многие сопроводительные статьи по различным аспектам изучения текста.

Особое значение третьего тома состоит в том, что именно в его состав вошли все приложения, сопровождающие издание источника (предыдущие два тома поясняются подстрочными комментариями). Среди этих приложений, помимо именного и географического указателей, имеются перечни правителей и генеалогические древа, включая списки императоров и римских пап, генеалогию знатных готских родов (Амалов и Балтов), перечни вестготских королей, халифов (всего халифата, аль-Андалуса, Альморавидов и Альмохадов), а также правителей Астурии и Леона и других монархических династий на территории Испании.

Картографическое приложение включает в себя 12 карт, большая часть которых отражает политическую ситуацию на Пиренейском полуострове в различные периоды, освещаемые в тексте

источника. Карты, вошедшие в этот раздел приложения, составлены на основе данных «Истории Испании» и отражают географические представления Альфонсо X и его соавторов в том виде, в котором они присутствуют в тексте хроники, включая географические анахронизмы, ошибки локализации тех или иных событий и т. п.

Уникальность труда Альфонсо X и его сотрудников как памятника историографии заключается в том, что он является своеобразным компендиумом всего испанского исторического знания в том виде, в каком оно сложилось к середине XIII в. «История Испании» интегрировала в себя многовековую традицию историописания данного региона: в нее включены сведения из «Хроники» Идация, труды Иоанна Бикларского и Исидора Севильского, Луки Туйского, Родриго Толедского и других авторов. Зависимость от работ предшественников сказалась в смещении пространственных акцентов «Истории». Основное внимание уделено регионам, вовлеченным в главные события политической и военной истории Пиренейского полуострова. Об этом открыто сообщает и сам автор, когда заявляет, что цель его труда — рассказать о том, «каким способом, за какое время и какие короли отвоевали землю вплоть до Средиземного моря и какие деяния совершил каждый из них» (об этом говорится в «Прологе»). Несмотря на стержневую для этого труда тему Реконквисты, «История» имеет довольно широкий региональный охват и нацелена на изложение истории всех испанских земель, а не одного только государственного образования или этноса, хотя сообщения о происхождении и исторической судьбе отдельных народностей также присутствуют.

Что касается карт, то стоит отметить специально, что главный принцип их составления состоял в том, чтобы отразить историческое пространство таким, каким оно виделось авторам источника, — со всеми их предпочтениями и абберациями. В этом аспекте следует указать, прежде всего, на уже упомянутую неравномерность распределения сведений. Зависимость авторов от имевшейся у них источниковой базы и доминирование темы Реконквисты приводят к тому, что многие регионы остаются в тени основного повествования. Распределение пространственных акцентов в тексте источника отражено в отдельной картограмме, где показана частота упоминаний тех или иных локаций Пиренейского полуострова и проведена их градация по группам. В итоге, как и ожидалось, наибольшей концентрацией показателей отмечены внутренние районы Кастилии и долина Гвадалквивира — как основная арена противостояний между мусульманскими и христианскими государствами в XIII в.

Отмечая особенности «Истории Испании» как источника по истории присущих составителям этого памятника географических представлений, следует отметить, что сведения историко-географического характера представлены в тексте хроники в разнообразных формах. Из них заслуживают внимания, прежде всего, общие географические обзоры, своего рода текстовая карта. При этом целостное географическое (или историко-географическое) описание всего Пиренейского полуострова в хронике отсутствует: его отдельные фрагменты интегрированы в различные сюжеты — например, в рассказы об основании городов, в частности, Калаорры, Сарагосы и Тарасконы (гл. 3). Объясняется это, прежде всего, тем, что хронисты ориентировались на читателя, достаточно хорошо представлявшего себе географию Испании, по меньшей мере, на уровне практических знаний. Отсюда же и наиболее распространенная форма локализации тех или иных объектов или событий: почти всегда они обозначаются в связи с более известными топонимами (реки, крупные города, горные хребты и т. п.).

Единственное (хотя и не абсолютное) исключение из этого правила представляет собой обзор географии полуострова, включенный в гл. 558 («Плач по Испании»), в котором, помимо перечисления рек и областей, приводятся также сведения о природных ресурсах страны. Впрочем, и в данном случае чрезмерно обобщенный характер приводимой информации не дает достаточного материала для картографирования. В прочих сюжетах повторяется формулировка о естественных границах Испании, как, например, в главе 35, где говорится, что Сципион завоевал всю Испанию — «от Пиренейских гор до моря на западе». В другом случае Испания и Готская Галлия упоминаются раздельно, пусть даже как земли с общей исторической судьбой (гл. 554).

Другая присутствующая в хронике форма подачи географического материала — сообщения о разделении страны на диоцезы (территориально-административные единицы римского времени, позднее — церковные епархии). В основном здесь выделяются два фрагмента: территориально-административное деление римской Испании в рамках реформ императора Константина Великого

(гл. 329) и церковно-административное деление, осуществленное при вестготском короле Вамбе (гл. 527–535). Оба фрагмента восходят к иным источникам и содержат ряд анахронизмов, вроде упоминания Мадрида в качестве центра отдельного епископства при Константине.

Отдельно стоит выделить перечни населенных пунктов, завоеванных в ходе Реконкисты, например, сообщение о завоеваниях астурийского короля Альфонсо II Католика в гл. 581. Такие же перечни присутствуют и в других частях хроники, применительно почти к каждому царствованию, отмеченному активной завоевательной политикой. При этом обобщенные сведения о ходе Реконкисты приводятся в гл. 623, где представлена география новых рубежей христианских государств на момент смерти императора Карла Великого.

Дополнительную трудность в процессе работы по картографическому сопровождению хроники представляла часто фиксирувавшаяся множественность названий одних и тех же географических объектов. Нередко в одних случаях приводятся латинские названия, в других — испанские, хотя и сами хронисты, осознавая эту проблему, старались смягчить ее, параллельно указывая альтернативные названия. Кроме того, изменениям названий населенных пунктов с римского и готского времени до периода Реконкисты посвящена целая глава (гл. 537) хроники.

Из 12 карт приложения одна посвящена общим географическим условиям Пиренейского полуострова, которые нашли упоминание в тексте. На следующей карте отражена статистика упоминаний географических объектов, фиксирующая пространственные приоритеты авторов. Еще одна карта носит концептуальный характер и моделирует представления Альфонсо X о географических дефинициях Испании как историко-политического образования. Ряд следующих карт отражают общую политическую обстановку на территории полуострова. Две карты имеют региональную привязку и более детально отображают географию внутренних районов Кастилии и долины Гвадалquivира. Наконец, последняя карта с помощью эпюр характеризует общий географический кругозор авторов в рамках всего доступного их рефлексии пространства за пределами своих территорий.

Официальное представление издания «Истории Испании» состоялось в ходе двух мероприятий. Первое — это встреча редакторов и переводчиков с послом Королевства Испании в Российской Федерации М. Г. Мартинесом в резиденции посольства 21 февраля текущего года (рис. 1).

Рис. 1. Совместная фотография авторов и редакторов перевода «Истории Испании» Альфонсо X Мудрого с испанским послом и его сотрудниками во время презентации издания 21 февраля 2023 г.

На встрече присутствовали сотрудники посольства, исполняющая обязанности директора Института Сервантеса в Москве Т. И. Пигарёва, а также авторы издания: О. В. Ауров, А. В. Марей, Е. С. Марей, Н. А. Пастушкова, Е. С. Гришин. В ходе мероприятия послу были презентованы тома издания «Истории Испании», а также другие исторические работы и переводы источников, подготовленные коллективом. Представленный материал, рассказ о содержании источника и ходе работ над его публикацией вызвали живейший интерес посла, так как историографические концепции средневековой Испании составляют важную часть ее исторической памяти и идеологии государства. В ходе обеда обсуждались возможности дальнейшего российско-испанского сотрудничества в области исторических исследований.

Презентация трехтомника в расширенном формате — с участием представителей издательства «Наука», других испанистов и медиевистов — была проведена в Государственной публичной исторической библиотеке 31 мая текущего года. Каждый из авторов, редакторов и переводчиков осветил свою часть проделанной работы. Особое внимание, конечно, было уделено сообщениям О. В. Аунова и А. В. Мареев, которые вызвали множество вопросов со стороны присутствующих, комментариев и пожеланий относительно дальнейших работ в этом направлении.

Как итог, можно заключить, что в результате публикации перевода «Истории Испании», который к настоящему моменту не имеет аналогов по полноте и научному сопровождению текста, в оборот введен важнейший исторический источник; его историографический и источниковый потенциал еще только предстоит раскрыть, а содержащийся в нем географический компонент, несомненно, нуждается в дальнейших исследованиях. Историко-географические представления авторов «Истории Испании» и пространственно-политическое определение Испании в идеях Альфонсо X представляется плодотворной темой для изучения процесса становления современного Испанского государства.

Гришин Е. С. Редакция исторической картографии Большой российской энциклопедии

УДК 81'282.2:81'374

DOI: 10.58529/2782-6511-2023-2-2-114-116

Научно-просветительский сайт «Сетевой электронный словарь вятских говоров»*

День славянской письменности и культуры отмечается в России 24 мая. К этому дню специалисты ВятГУ завершили подготовку «Сетевого электронного словаря вятских говоров». Его авторами стали сотрудники научно-исследовательской археологической лаборатории и кафедры фундаментальной математики Вятского государственного университета: Роман Владимирович Марков, Дмитрий Вячеславович Чупраков и Алексей Олегович Кайсин. Словарной основой для создания сервиса послужил «Тематический словарь вятских говоров», подготовленный коллективом сотрудников факультета филологии и медиакоммуникаций Вятского государственного университета (ВятГУ) и изданный в 2013 г.¹ Небольшой тираж издания и его востребованность в образовательных учреждениях региона побудили составителей создать его электронную версию². Для этого филологи объединили усилия с веб-разработчиками ВятГУ и сотрудниками Научно-исследовательской археологической лаборатории (НИАЛ) вуза, накопившими значительный опыт презентации результатов исследований в формате геоинформационных систем.

Лексика из данного источника представлена на сайте по следующим основным разделам: «Природа», «Человек», «Крестьянский быт», «Крестьянский труд», «Отдых»; каждый раздел, в свою очередь, подразделяется на несколько тематических групп.

Поисковая строка сайта предлагает две возможности:

- набрать интересующее вас диалектное слово (для этого все слова расположены в алфавитном порядке);
- найти диалектное слово по его значению. Например, мы хотим выявить, каким словом в вятских говорах называют здорового, крепкого человека, для этого набираем основу слов «здоровый» или «крепкий» без окончания и получаем ряд слов с одинаковым лексическим значением из тематического раздела «Человек».

Словарь построен по принципу геоинформационной системы (более подробные рекомендации по пользованию ресурсом см. в разделе «Справка»).

Важнейший элемент Словаря — «Карта». На ней цветом помечены все районы Кировской области; маркерами — примеры вятских диалектных слов. Карта, таким образом, наглядно отображает географические ареалы и специфику распределения вятских говоров по районам Кировской области. Одним кликом можно узнать лексическое значение диалектного слова и пример употребления его в речи. Кликком по районам на карте можно исключать из поиска или, наоборот, включать в поиск слова из выбранного района.

Следующий элемент словаря — «Поле поиска». В поле поиска можно вводить диалектные слова (результаты поиска по словам можно увидеть сразу после их ввода) или определения значений диалектных слов (результат запроса по ним будет виден после нажатия кнопки или клавиши Enter).

* Работа выполнена в рамках проекта «Культурный код россиянина» стратегического проекта вуза «Гармоничная личность» программы развития ФГБОУ «ВятГУ» «Приоритет 2030».

¹ Тематический словарь вятских говоров. Киров, 2013.

² Сетевой словарь вятских говоров. URL: <https://govori.vyatsu.ru/#/index> (дата обращения: 25.06.2023).

Ниже поля поиска находится окно результатов поиска, в котором после успешного поиска будет виден список найденных диалектных слов и их определения. После нажатия на любое слово из этого списка напротив него установится галочка; в правом нижнем углу экрана отобразится полное определение слова. Примеры употребления слова будут отображены на карте, а оно попадет в Личный словарь пользователя.

Кроме этого, при работе с сайтом можно войти в расширенный режим. В этом режиме можно отфильтровать для поиска только некоторые районы или некоторые категории слов из Словаря. Также расширенный поиск позволяет отобразить в списке слов (и на карте, если в Словарь для слова занесены координаты) синонимы к некоторым словам словаря.

После выключения расширенного режима поиска кнопкой, находящейся в нижнем левом углу экрана, можно активировать Личный словарь пользователя. В этом окне можно просмотреть список отмеченных на карте слов, удалить из этого списка одно из них или несколько, а также озвучить слово с помощью встроенного в браузер речевого синтезатора кликом на определение слова.

Отбор лексики для Словаря осуществляется в соответствии с принципами распространенности слова и отражения в нем своеобразия региона.

По характеру материала словарь является областным, диалектным; по назначению и аспекту системности — толковым и идеографическим; по целям применения — учебным.

Создателями словаря не ставилась цель представить полные ареальные характеристики слов и лексикографические источники, в которых зафиксировано то или иное слово, хотя это позволило бы расширить объем издания и полнее отразить богатство и разнообразие диалектных слов.

Словарь может служить как справочным, так и учебным пособием для школ, гимназий, лицеев, колледжей и вузов. Лексические и фразеологические материалы словаря дают достаточно яркую картину прошлого и современных будней вятской деревни, традиций крестьянского труда и быта, духовной жизни. Он позволяет сформировать у молодого поколения региона представление о словотворческом потенциале народа, богатстве народной речи.

«Без диалектов язык теряет нечто важное, иссушается, оскудевает. Понимание этого подвигло нас к созданию учебного словаря. Он адресован, прежде всего, учителям, школьникам, студентам; может служить учебным и справочным пособием, использоваться при подготовке курсовых и дипломных работ», — пояснила ответственный редактор издания Зоя Сметанина.

Ключевой блок информации сайта составляют диалектные слова. С ними можно знакомиться разными способами: узнавая значение с помощью поисковика, выбирая из интересующих тематических категорий, либо отталкиваясь от географии их использования — в одном или нескольких районах. Вариантов работы с сервисом несколько: их можно комбинировать, превращая изучение диалектов в увлекательное занятие.

По мнению создателей, особую ценность для пользователей представляет возможность произвести поиск по любому общеупотребительному слову и получить перечень диалектных вариантов с возможностью узнать также географию их употребления. Например, если внести в строку поиска слово «разговорчивый», сайт выдает такие варианты, как «бахарник», «бахорливый», «важий», «наречистый», «разговористый» и т. п. Соответствующие отметки появляются и на карте, и пользователь видит, жители каких населенных пунктов используют эти диалектные слова. При этом все просмотренные варианты можно сохранить, занеся в личный словарик, и обращаться к нему по мере необходимости.

Сейчас «Сетевой электронный словарь вятских говоров» включает без малого 3 тыс. слов. Создатели словаря считают, что его значение невозможно переоценить, ведь диалекты — это важнейшая часть народной культуры, отражающая содержательные стороны и характерные особенности жизни многих людей и поколений. Знакомство с диалектами помогает людям глубже понять своеобразие российских традиций и ценностей, приблизиться к расшифровке культурного кода россиянина. Кроме того, работа с уникальной картой может стать разновидностью приятного и полезного семейного досуга.

В будущем междисциплинарная команда ВятГУ предполагает представить в подобном формате и 12-томный словарь вятских говоров — плод многолетних научных исследований филологов вуза. «В перспективе мы видим создание единого портала, который объединит результаты работы разных исследователей. Разнообразие диалектов может быть представлено наряду с картой

памятников культурного наследия региона, работа над которой ведется в настоящее время. Мы понимаем, что пользователям будет удобно получать максимум информации, относящейся к разным аспектам изучения культурного кода россиянина, из одного источника», — рассказал РИА Новости заведующий НИАЛ ВятГУ Алексей Кайсин.

Можно ожидать, что словарь будет интересен и полезен учителям, школьникам, студентам и всем интересующимся культурой и историей Вятского края. Важность изучения вятских говоров переоценить невозможно. Они помогают нам глубже понимать своеобразие народных традиций, по-новому осмысливать целые пласты истории и культуры Вятского края, формировать мировоззрение на основе уважения к российским ценностям и традициям.

Археологическая лаборатория Вятского государственного университета

Сокращения

- АКИО — Ананьинская культурно-историческая область.
АССЕМ — Акты Суздальского Спасо-Евфимиева монастыря (Акты Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря 1506–1608 гг. М.: Памятники ист. мысли, 1998).
БФАН СССР — Башкирский филиал Академии наук СССР.
ВКТСМ — Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря.
ВятГУ — Вятский государственный университет.
ГИМ — Государственный исторический музей.
ДДГ — Духовные и договорные грамоты (Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950).
ДТ — Дворовая тетрадь (Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х гг. XVI в. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950).
ИА РАН — Институт археологии Российской академии наук.
ИИЯЛ УНЦ РАН — Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук.
КБЧ — Книга Большому чертежу.
КВАЭ — Камско-Вятская археологическая экспедиция.
КОГАУ — Кировское областное государственное автономное учреждение.
КОМК — Кировский областной музей краеведения.
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
НИОР БАН — Научно-исследовательский отдел рукописей Библиотеки Академии наук.
ОАН — Объект археологического наследия.
ОР РГБ — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки.
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.
РГАДА — Российский государственный архив древних актов.
РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив.
РИО — Русское историческое общество.
РК1598 — Разрядная книга 1475–1598 гг. (Разрядная книга 1475–1598 гг. М.: Изд-во АН СССР, 1966).
С–25 — ОР РГБ. Ф. 304/III. № 25. Синодик Троице-Сергиева монастыря.
Стб — Столбец.
ТСМ — Троице-Сергиев монастырь.
УФИЦ РАН — Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук.
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов.
ЦГАКО — Центральный государственный архив Кировской области.
ЦГИАМ — Центральный государственный исторический архив в Москве.
ТІССІН — Международный комитет по сохранению индустриального наследия (The International Committee for the Conservation of the Industrial Heritage).

Научное издание
Историко-географический журнал. 2023. Т. 2. № 2

Главный редактор

М. В. Михеев

Корректор

Т. А. Качалова

Верстка

Н. Р. Хамидулова

Ретушь иллюстраций

В. Р. Рудаков

Формат 60×84/8. Бумага ВХИ 80 гр./м². Гарнитура Calibri

Уч.-изд. л. 9,94. Усл. печ. л. 13,72.

Тираж 150 экз. Заказ № 17489

Дата выхода в свет 24.07.2023 г. Цена свободная

Макет подготовлен и отпечатан в ООО Универсальная Типография «Альфа-Принт»
620049, Свердловская область, г. Екатеринбург, переулок Автоматики, 2ж
тел. 8 800 300-16-00

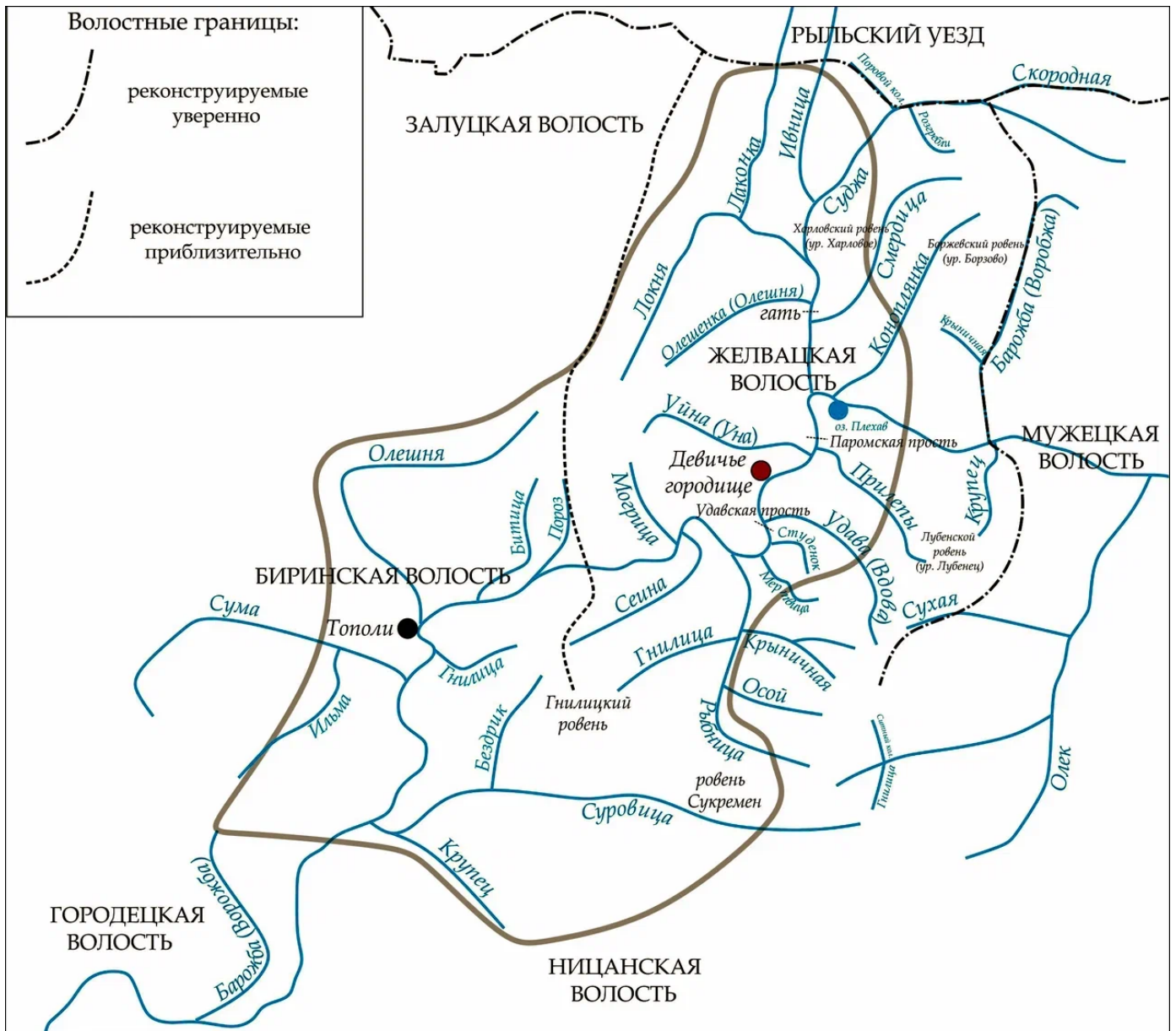

Рис. 1. Желвацкая волость по материалам оброчной книги 1628–1629 гг.
Коричневой линией отмечены границы волости по: Осадчий Е. Н. Летописный город Жолваж. С. 15, рис. 1

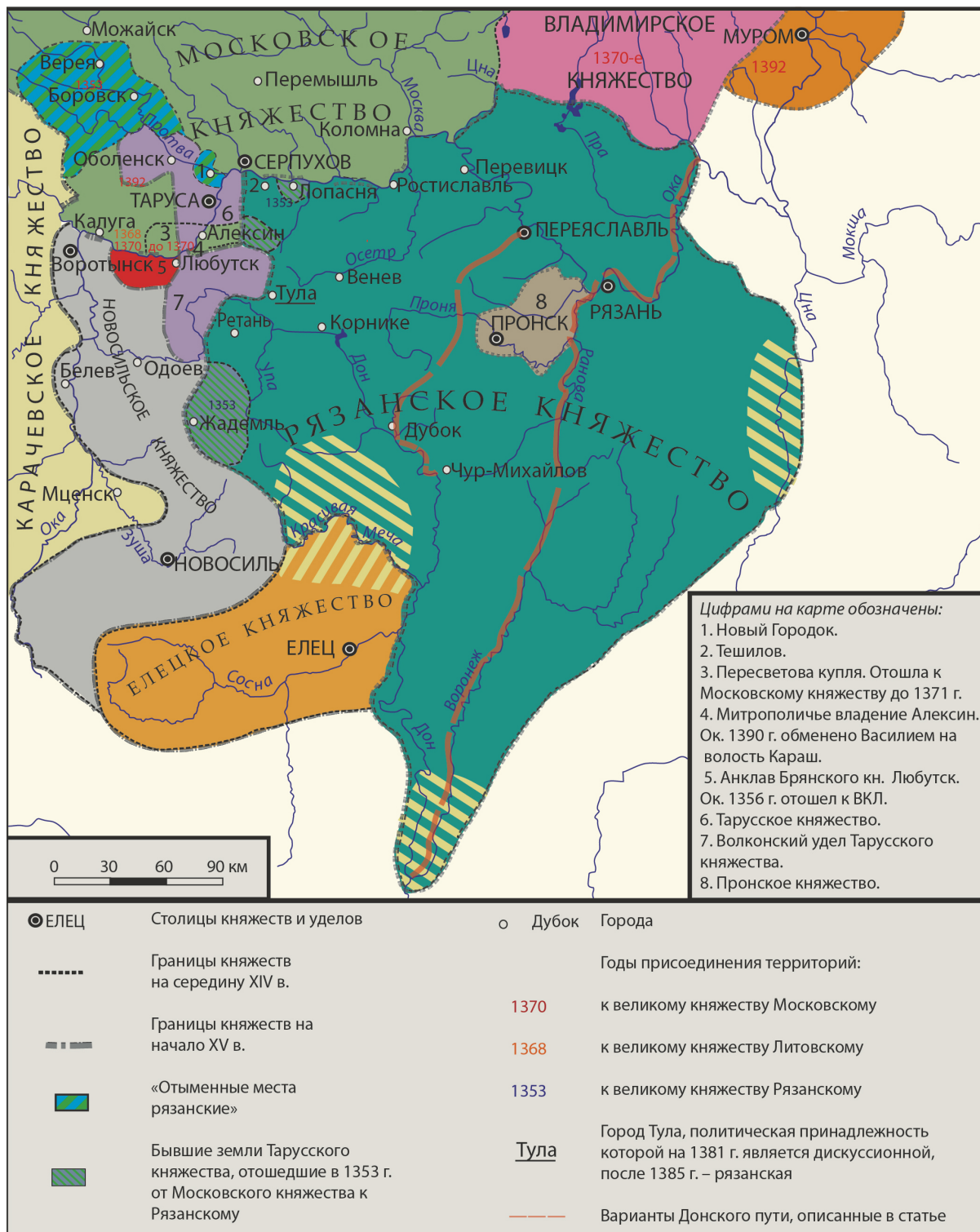

Рис. 2. Московско-рязанское порубежье во второй половине XIV — начале XV в. / Сост. А. В. Дедук

Рис. 3. Территория Стародубского уезда к концу третьей четверти XV в.

Рис. 4. Владения князей Стародубских на территории «родового гнезда» в 1620-х гг.

Рис. 5. Вотчины князей Гундоровых в 1620-е гг.

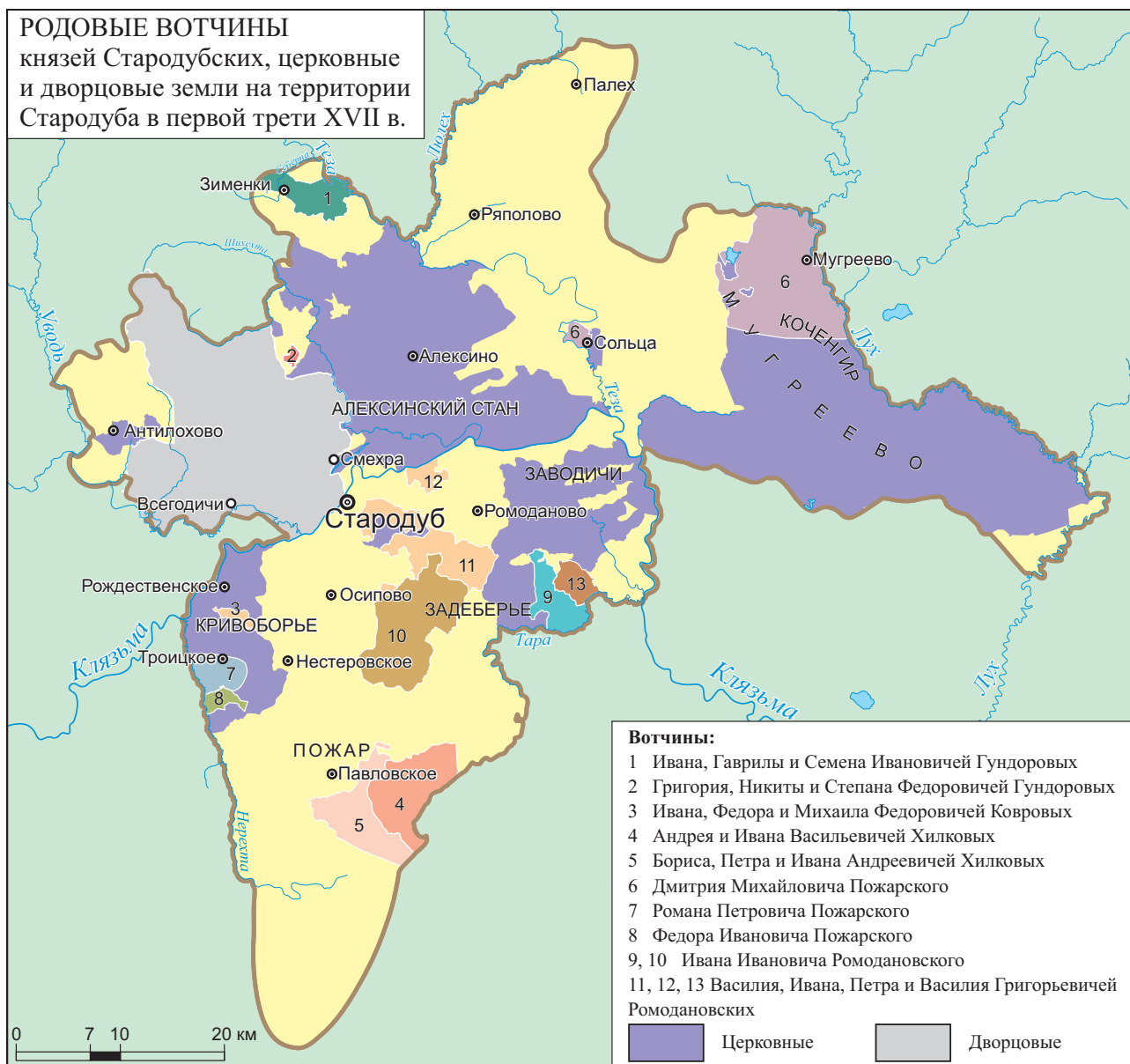

Рис. 6. Родовые вотчины князей Стародубских на территории «родового гнезда» и церковные земли в 1620-х гг.

Рис. 7. Район Радонежа по карте: Военная съемка Московской губернии. 1 верста (500 сажен) в дюйме. 1852 и 1853 гг. 135 листов // РГВИА. Ф. 386. Оп. 1; ч. 3. Ед. хр. 3657. Ч. 1–2. Ряд IV. Листы 12 и 13

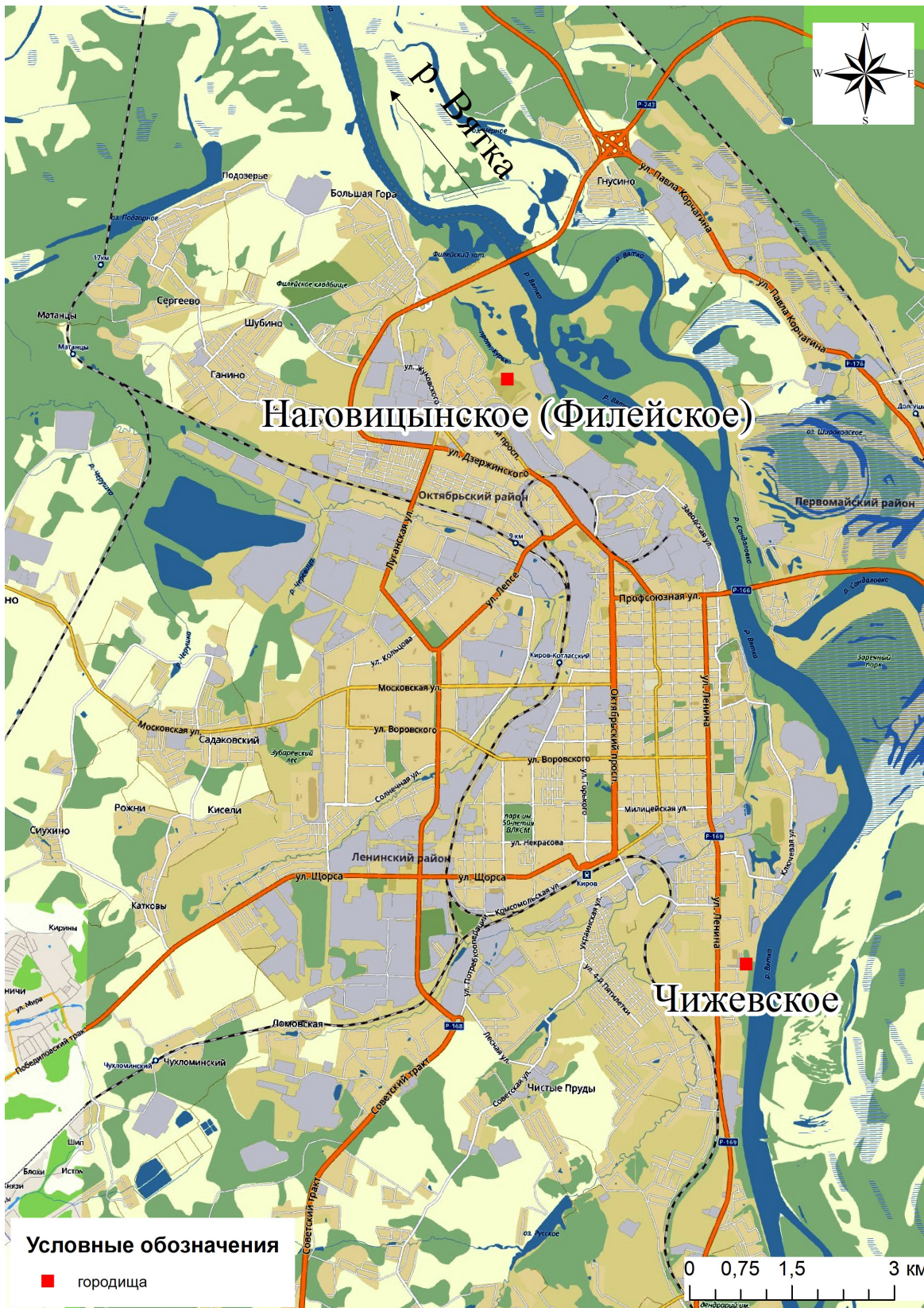

Рис. 8. Карта. Кировская область, г. Киров. Наговицынское и Чижевское городище. Месторасположение

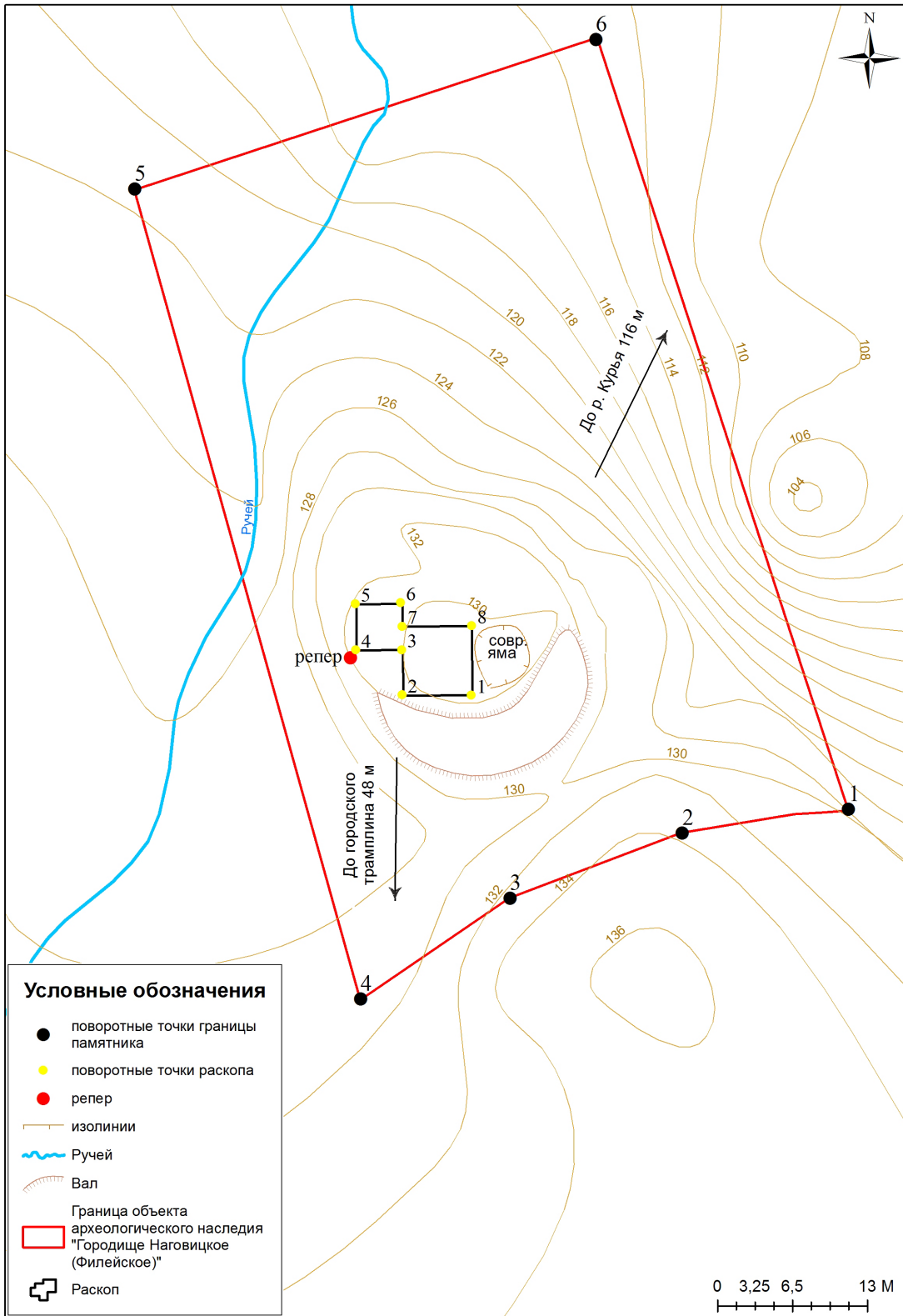

Рис. 9. Топографический план. Наговицынское городище. Месторасположение раскопа

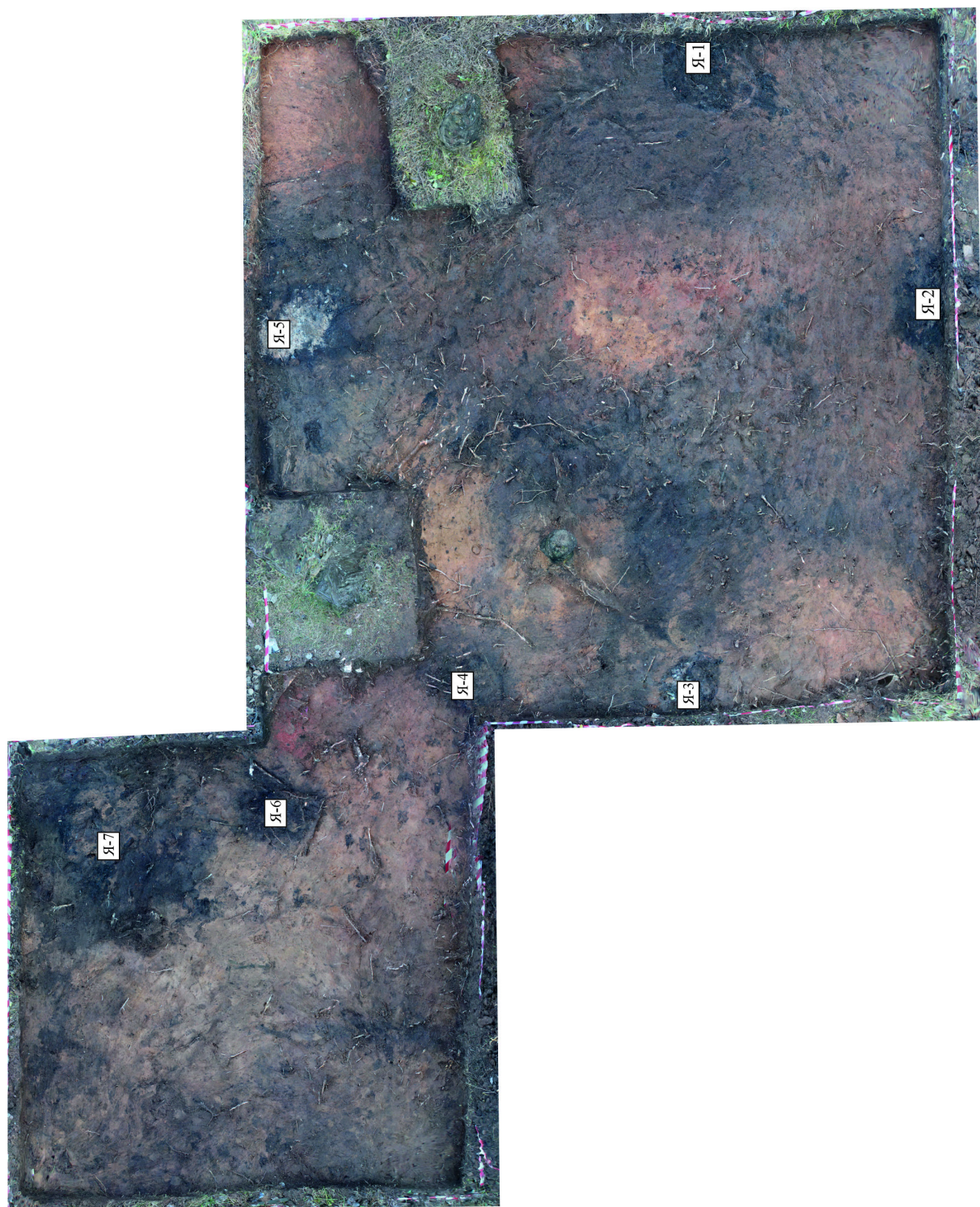

Рис. 10. Ортофотоплан. Наговицынское городище. Раскоп после снятия 1-го пласта

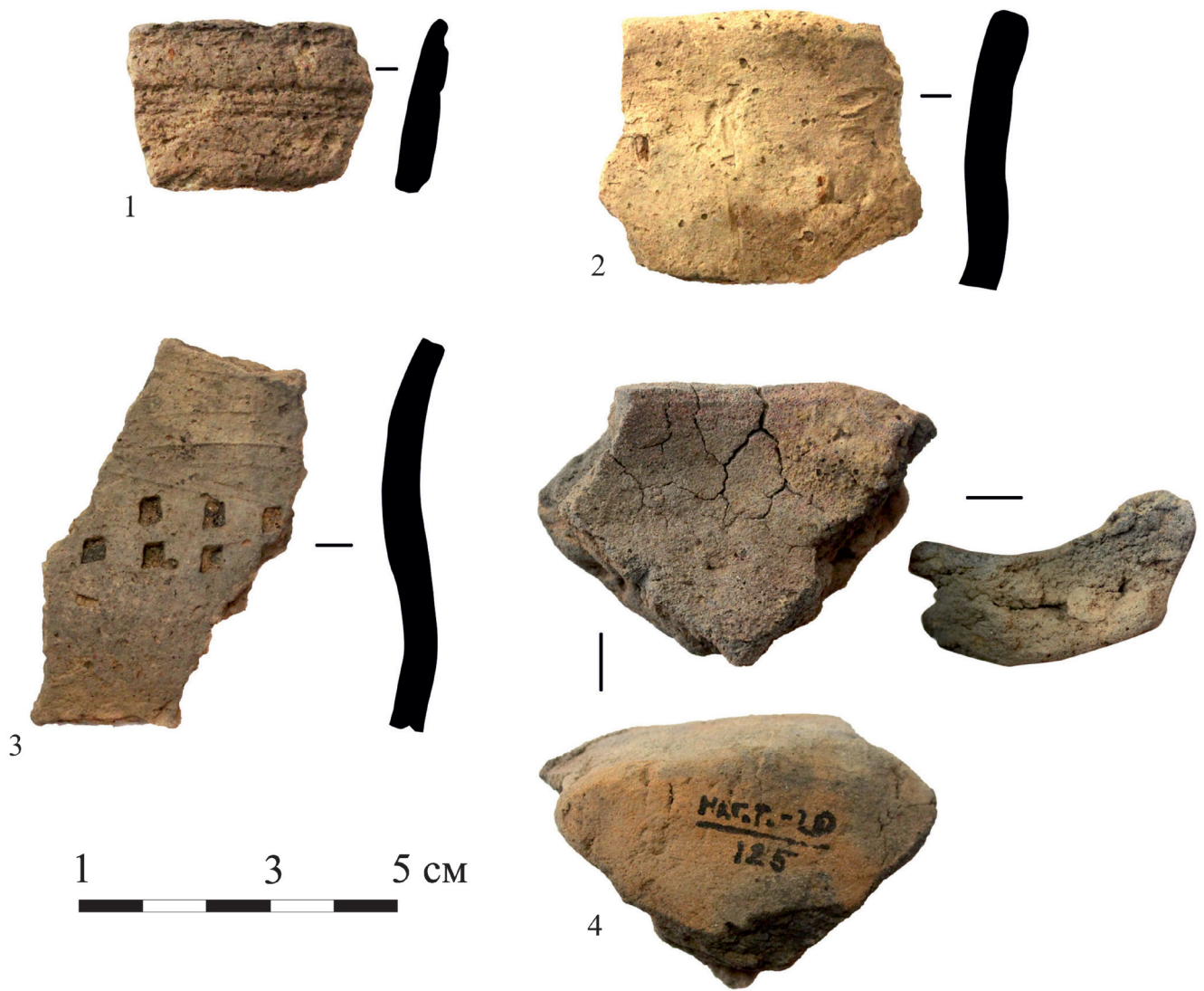

Рис. 11. Наговицынское городище. Находки.
1–3 — фрагменты верхней части лепных ананьинских сосудов (I гр.), 4 — фрагмент глиняной льячки

Рис. 12. Наговицынское городище. Находки.
1–8 — фрагменты верхней части лепных ананьинских сосудов (II гр.)

Рис. 13. Наговицынское городище. Находки. 1 — фрагмент терочной плиты

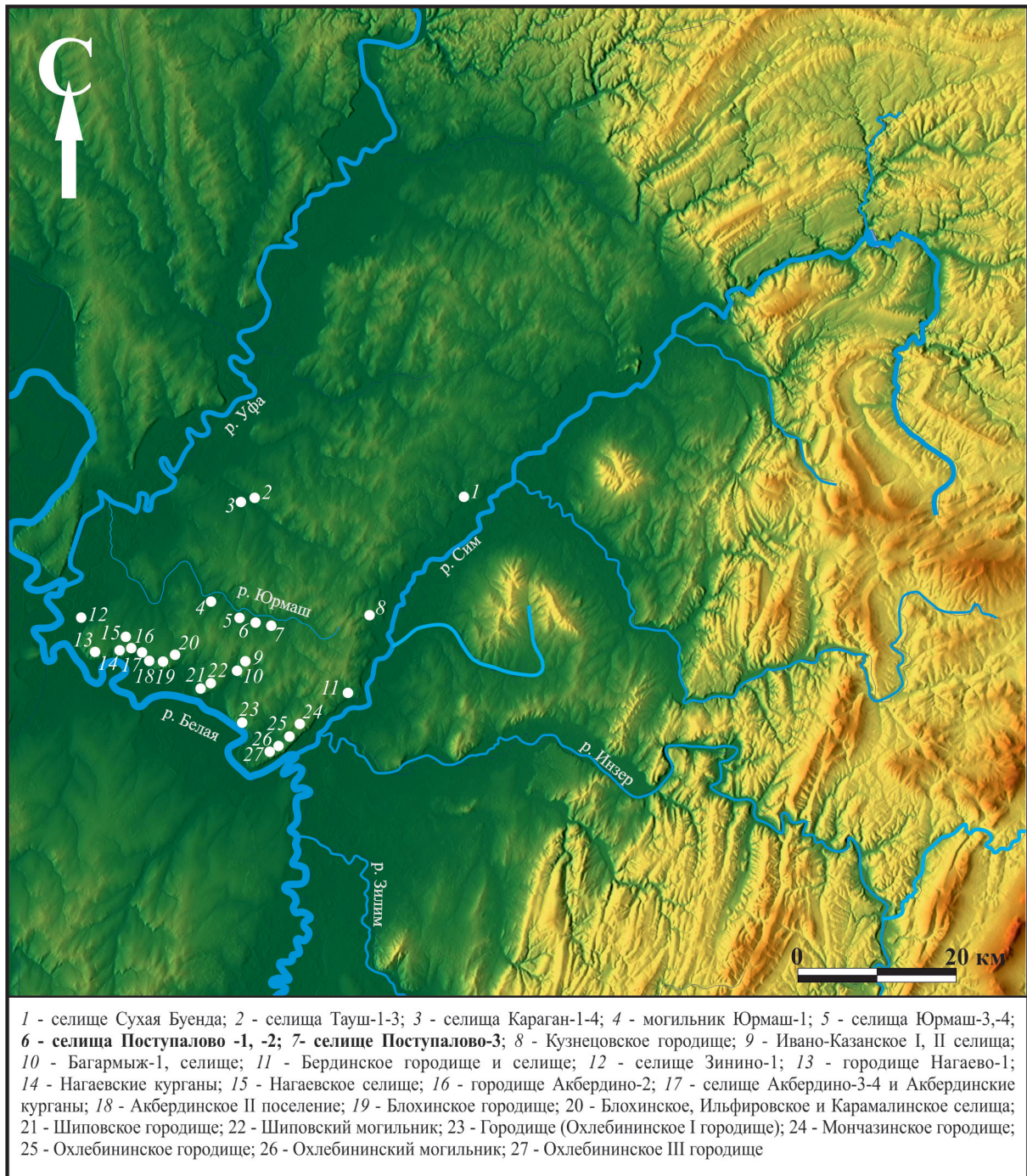

Рис. 14. Памятники археологии кара-абызской культуры среднего течения правобережья р. Белая в Уфимско-Симском междуречье

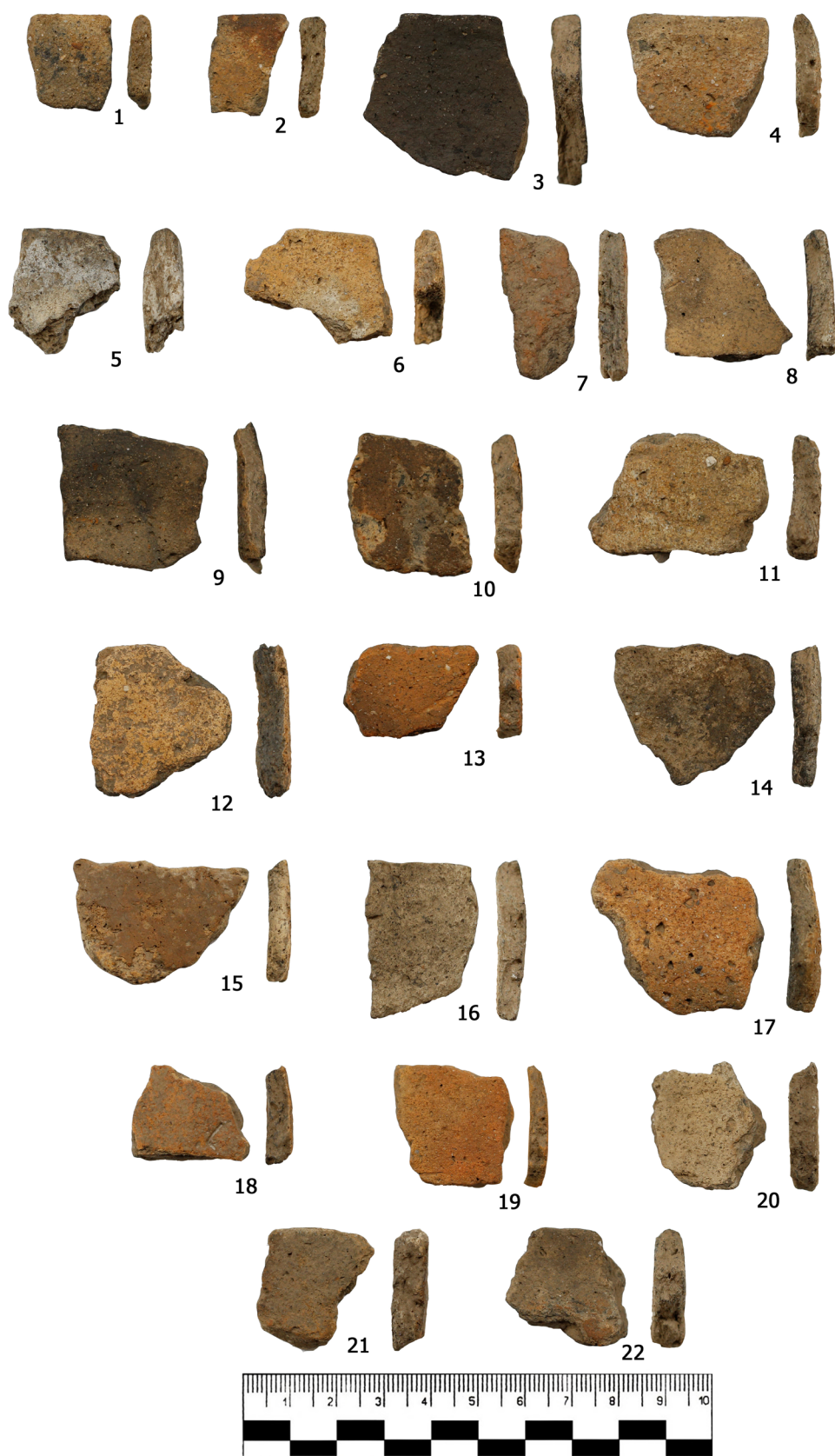

Рис. 15. ОАН «Поступалово-1, селище». Фрагменты лепных сосудов

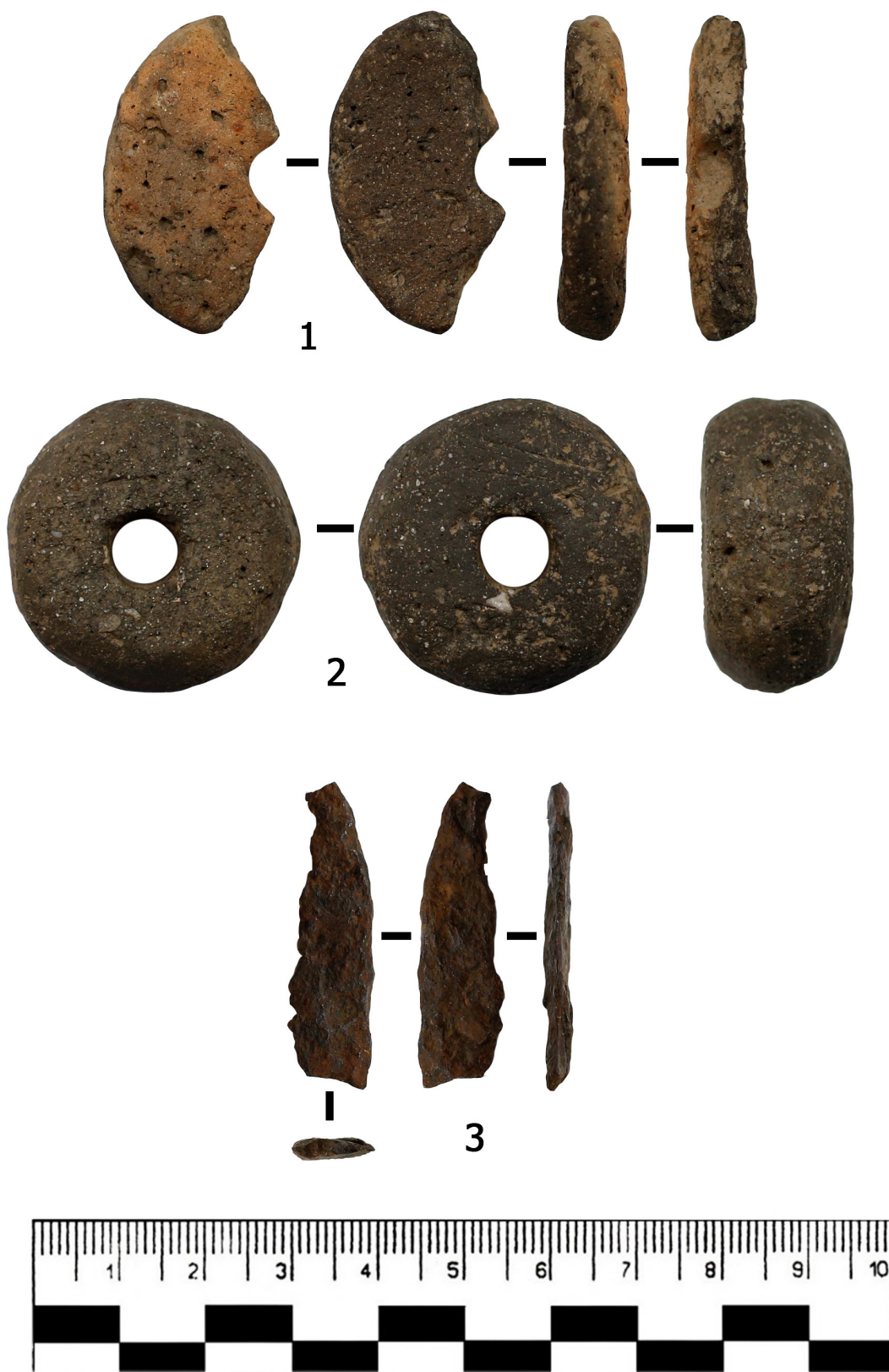

Рис. 16. ОАН «Поступалово-1, селище».
Индивидуальные находки: 1 – глиняная пряслица овально-подпрямоугольной формы;
2 – фрагмент глиняной пряслицы дисковидной формы; 3 – фрагмент железного изделия (ножа?)

Рис. 17. ОАН «Поступалово-2, селище». Фрагменты лепных сосудов

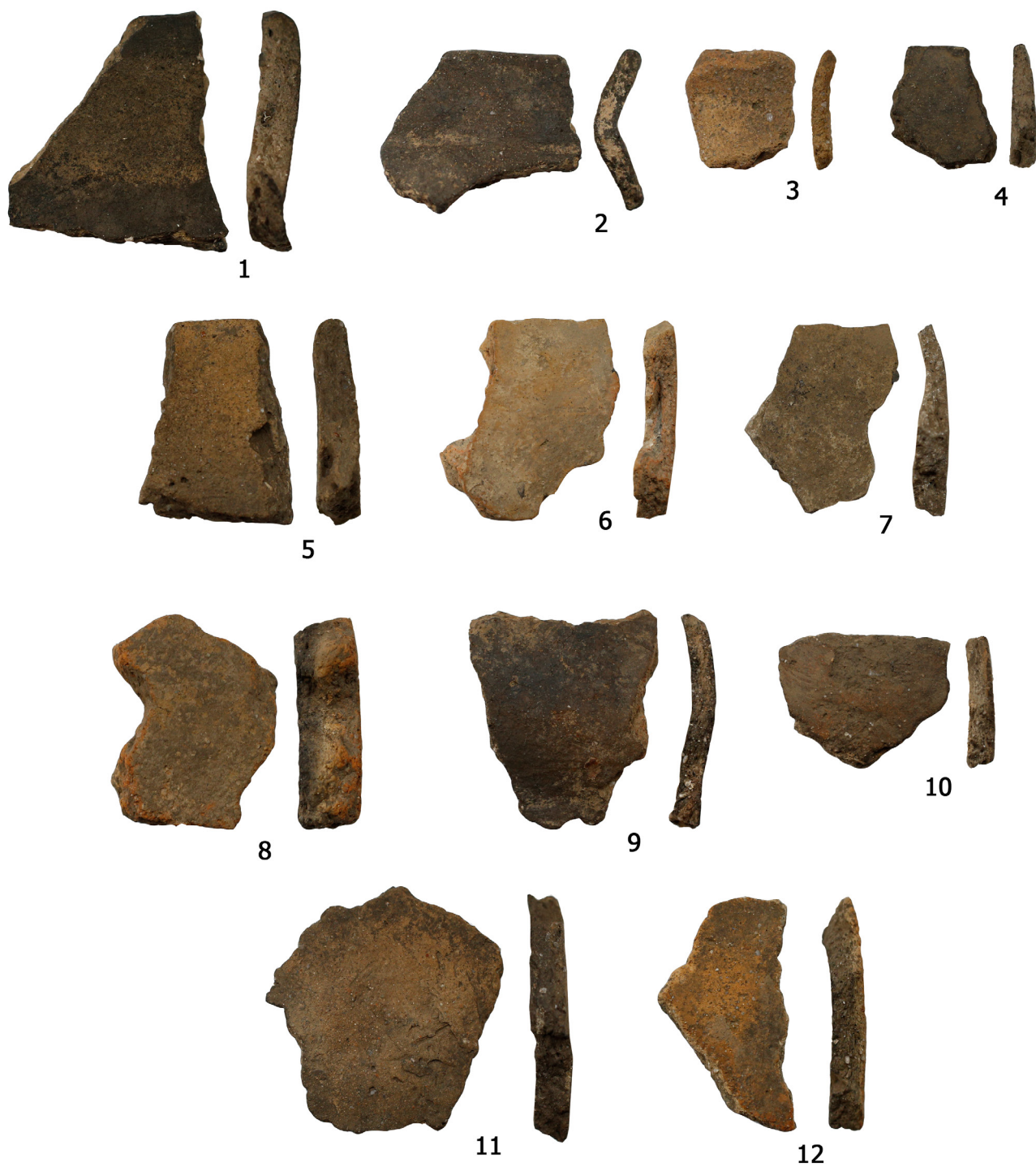

Рис. 18. ОАН «Поступалово-3, селище». Фрагменты лепных сосудов

К статье Е. А. Курлаева

Рис. 19. Реконструкция облика Мазуевского завода

Рис. 20. 3-D реконструкция облика медеплавильного цеха

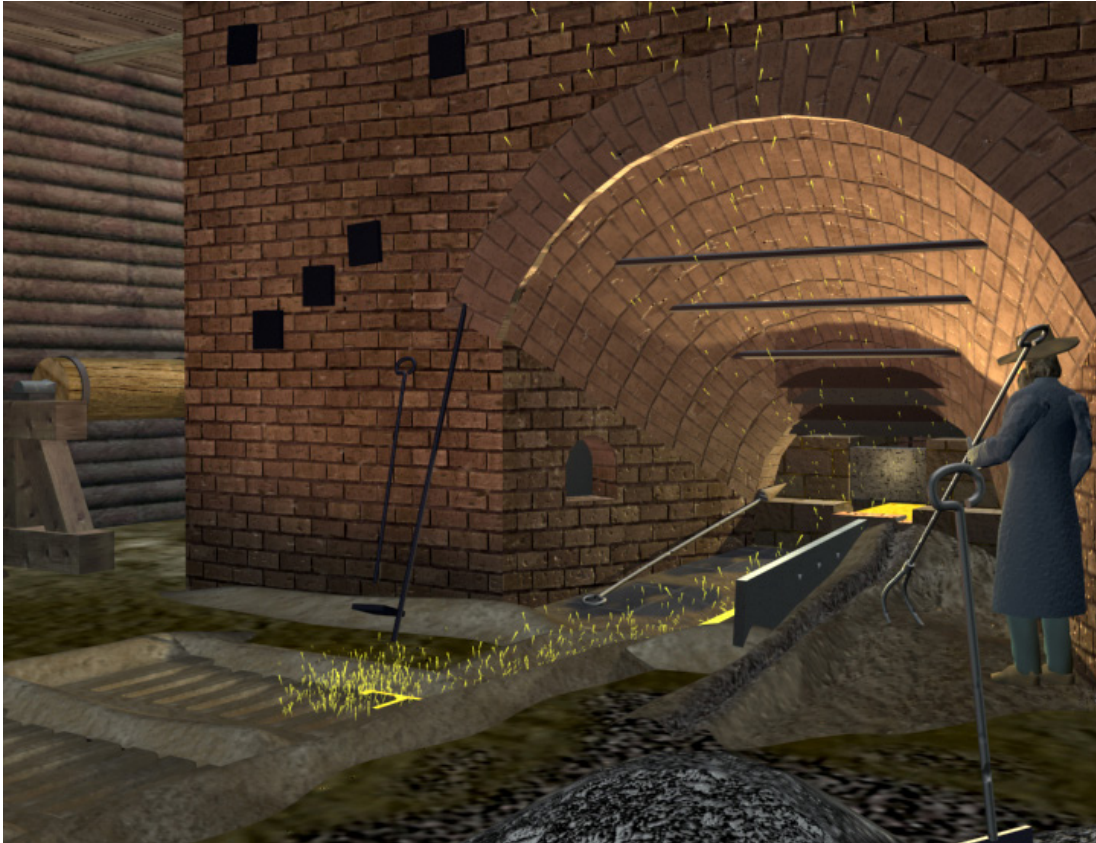

Рис. 21. 3-D реконструкция облика доменной печи

К статье А. С. Евшина, Р. Л. Старкова

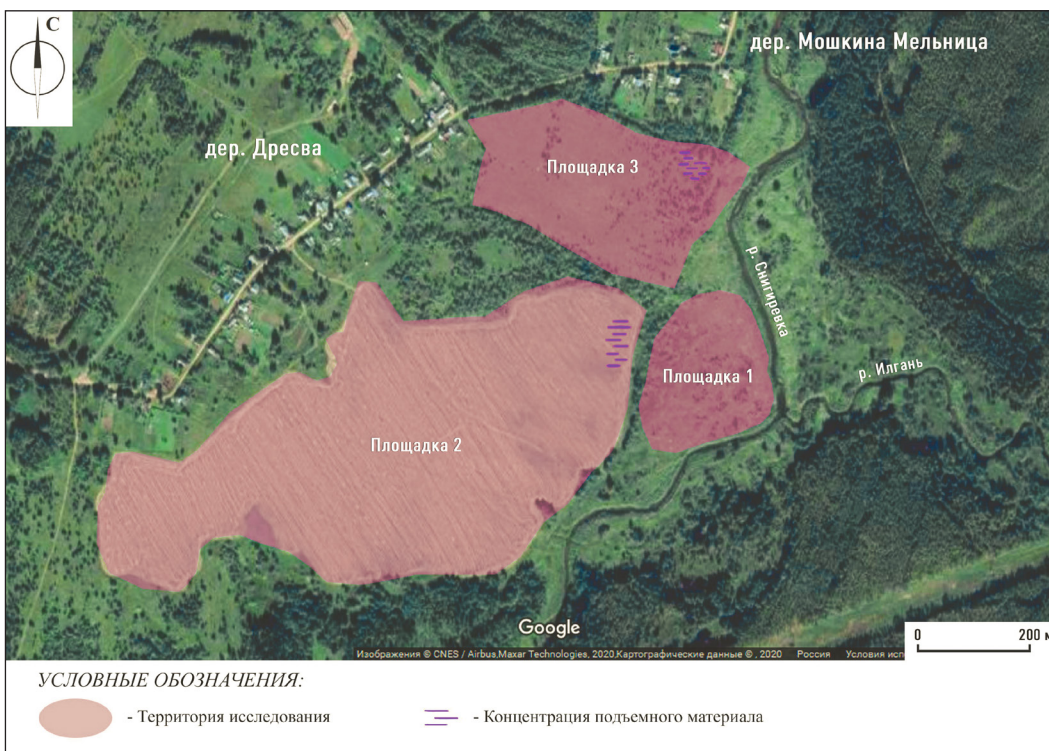

Рис. 22. Космоснимок деревень Дресва и Мошкина Мельница и их окрестностей с обозначением перспективных мест (площадок) для обнаружения новых археологических памятников и концентрации подъемного материала

Рис. 23. Космоснимок деревень Дресва и Мошкина Мельница и их окрестностей с обозначением заложенных шурфов

Рис. 24. Космоснимок места нахождения нового памятника археологии «Дресва (Завод Казариновых). Производственный комплекс» с обозначением границ памятника и шурфов

Рис. 25. Фрагменты фаянсовых тарелок и мисок из раскопа 2021 г. 1 — борт тарелки без выступа в виде бугорка по краю; 2 — борт тарелки с выступом в виде бугорка по краю; 3 — дно тарелки с кольцевым основанием; 4 — дно тарелки без кольцевого основания; 5 — борт миски; 6–7 — дно миски с высоким кольцевым основанием.

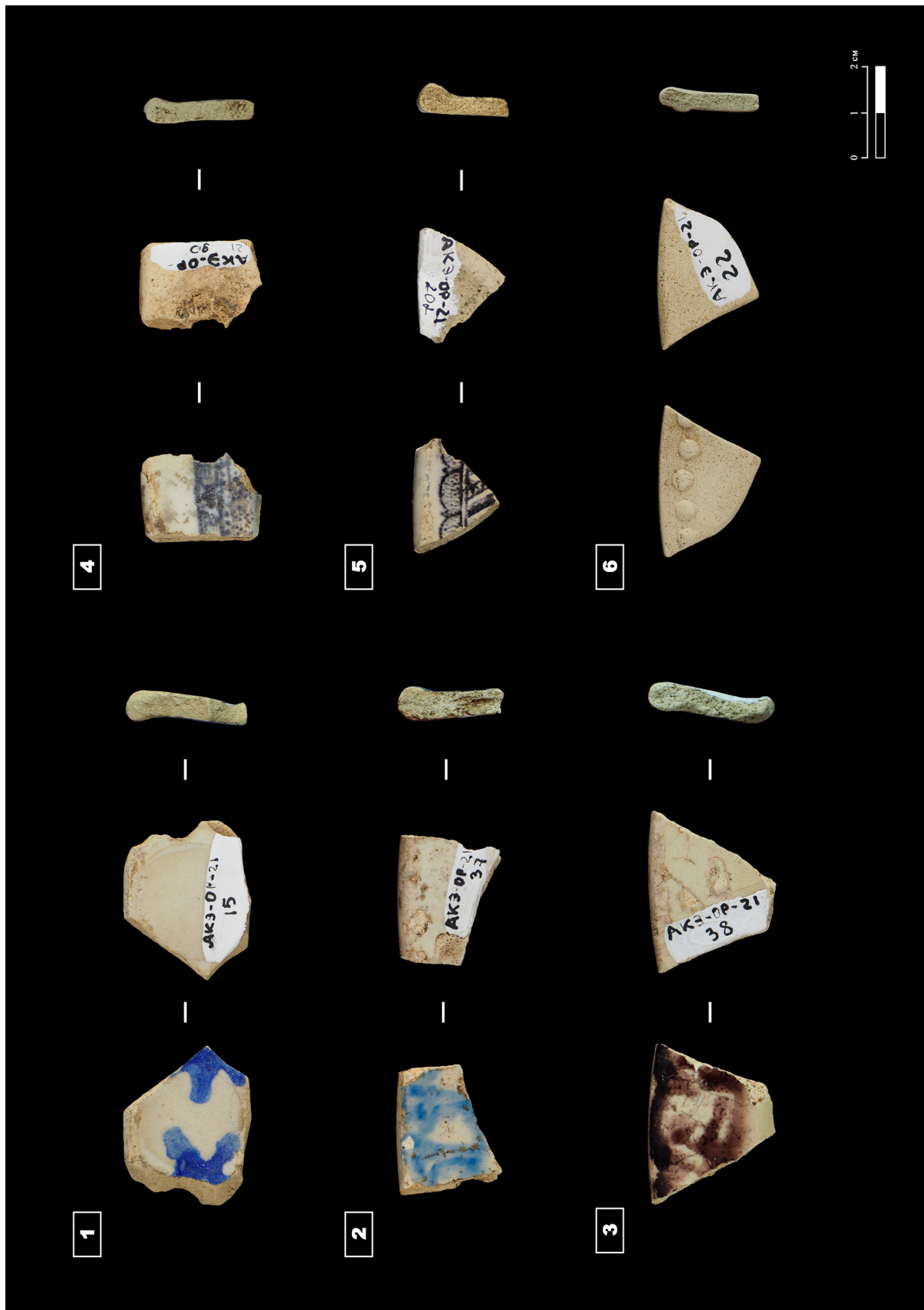

Рис. 26. Борты тарелок с примерами различных способов декорирования из раскопа 2021 г.
 1–3 — ручной декор, 4–5 — переводной рисунок, 6 — рельефный декор

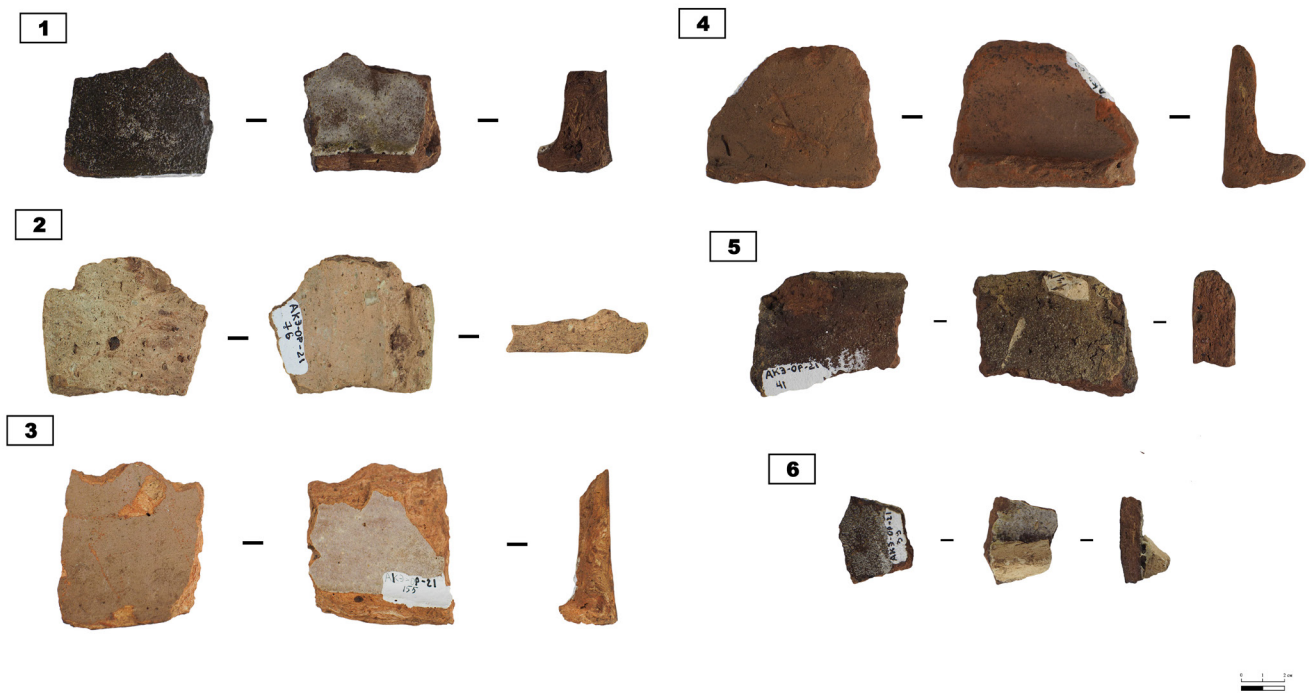

Рис. 27. Капсели (1–4) и фрагменты капсулей с производственным браком (5–6) из раскопа 2021 г.

Рис. 28. Клейма, обнаруженные во время разведки 2020 г.
 Рисунки выполнены инженером-исследователем археологической лаборатории Борисовой А. М.

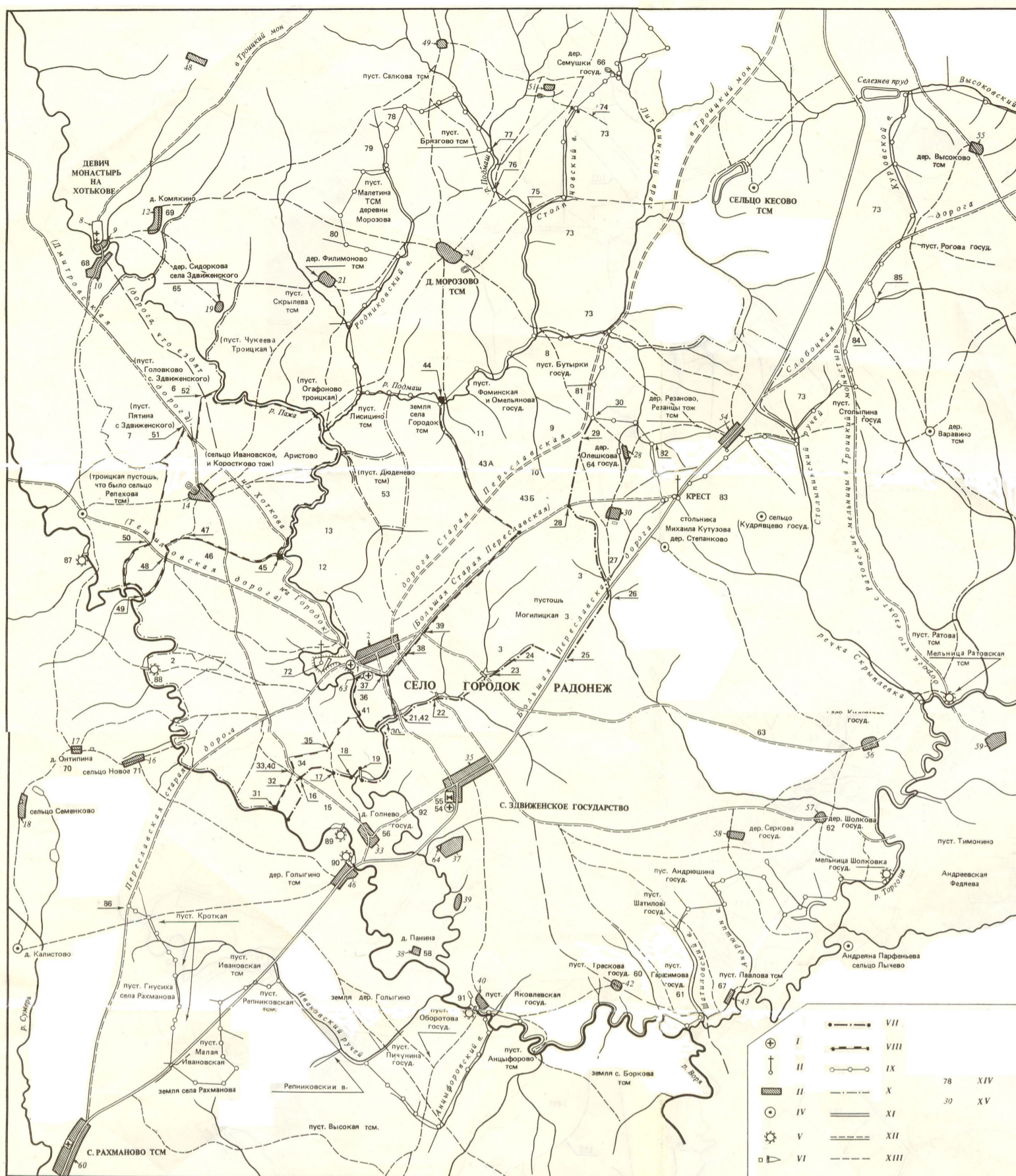

Рис. 30. Район городка Радонежа в XVII в. Схема. Исследованные участки Переяславской дороги показаны под литерами А, Б, В, Г

I — церкви; II — часовни; III — поселения (селища); IV — поселения, археологически не выявленные, V — мельницы; VI — пруды; VII — межа 1617 г. М. Тиханова и Д. Орлова; VIII — межа 1624 г. Л. Кологривова и Д. Скирина; IX — станова ямея А. Ю. Бестужева и В. Домашнева 1680 г., повторно описанная И. И. Вердеревским в 1684 г.; X — прочие межи; XI — Большая Переяславская дорога из Москвы в Троице-Сергиев монастырь; XII — большие дороги; XIII — прочие дороги; XIV — №, обозначающие селения, земли, урочища по описаниям XVII в. (см. ниже); XV — № археологических памятников. Названия, имеющиеся на схеме, даны по межевой книге 1680 г.; названия, заключенные в скобки, — по межевой книге 1622–1624 гг.; п. — пустошь; д. — деревня; ТСМ — Троице-Сергиева монастырь; гос. — государева.

Описание 1617 г.: 1 — Городок Радонежский, а в нем Б[о]жие м[и]л[о]с[е]рд[и]е храм Преображѣние Спасово в предѣлах г[о] с[уд]а[р]с[т]ва ан[г]и[л]а Михаила Малеина да Сергия Радонежского чудотворца; 2 — церковные ж пашни пустошка Спасская; Да в нынешнем же во 125-м году по государеву грамоте к Горотку ж Радонежскому отведено двенатц[а]ть пустошей, которые отданы были городецким охотником на выгон, а по писцовым книгам Елизар[у] Сабурова да под[ъ]ячего Ивана Яковлева 97 года тѣ пустоши были написаны к селу ко Здвиженскому в укос для сенных покосов: п[у]ст[ь] [о]ш[ь], что была д[е]р[е]в[н]я; 3 — Могилки (Могилецкая); 4 — Селиванов Борокъ Жеребцы тож; 5 — Кашканово (№ 4, 5 не локализованы); 6 — Головково; 7 — Путятину Пятину тож; 8 — Окуловская Бутырино тож; 9 — Полоичи; 10 — Пустое Фомино тож; 11 — Токмаково Гнездишкино тож; 12 — Сартаково Гусенниково тож; 13 — Терехово Ханская Демишкино тож; 14 — Подчесное друице Попоичи Рогачево тож (не локализовано). Межа земель городка Радонежа ТСМ и с. Здвиженского государева: 15 — гос. п. Голневека; 16–18 — Голневские дорожки; 19 — на прудовую плотину; 20 — Большой врагом; 21 — дорога, что ѣздит из села Здвиженского на Городок и заплотина; 22 — к другой плотине; 23 — плотина стоит на Могилецком враге; 24 — Могилецким врагом; 25 — к Большой Троецкой дороге;

26 — к Олешковскому врагу; 27 — земля д. Олешковские; 28 — ямы копаны по конец врага по обе стороны Слобоцкие старые дорожки; 29 — к Старой Переяславской дороге; 30 — Поповские дорожки... что ѣздит из д. Олешкова в д. Морозово.

1623 г. Выпись межевая М. Засецкого и П. Ермолина Тр[ои]цко[г]о Сергиева м[о]н[а]с[т]р[я] спорной землѣ тр[ои]цко[г]о Городка Радонежа [с] г[о]с[уд]а[р]с[т]ва дворцового села Здвиженского землею: 31 — на Мариномъ лугу яма; 32 — на Марину гору; 33 — у дороги Дмитровки яма; 34 — п. Голнева гос.; 35 — на дороге Годневскую; 36 — церковная земля Овоносыя и Кирила Олександрейских; 37 — прудец у Старой дороги Переяславки; 38 — Старая дорога Переяславка; 39 — поворот, что поворачивает к Городку.

Описание 1624 г. Л. Кологривова и Д. Скирина. Межа Радонежскому Городку от государевы дворцовые земли села Здвиженского: 40 — на дороге Репеховскую; 41 — церковная земля Авоносыя Великого церкви; 42 — Здвиженская дорога, что ездят на Городок буераком; 43 — земля гос. с. Здвиженского п. Поповки (43а — то же, что и № 14) и п. Фоминской; 43б — то же, что и № 10, 44 — до реки Подлеси. Мѣжа земель сельца Ивановского Аристове и Коростово тож за дьяком за Микифором Шипулиным в отчине: 45 — от реки от Пажи; 46 — землем ТСМ Радонежского городка; 47 — на Ивановскую дорожку; 48 — через Радонежскую дорогу, которой ездят с Городка к Тешилову; 49 — до реки Вори... до броду; 50 — через Тешиловскую дорогу; 51 — дорога, что ездят из Дмитрова в Городок; 52 — дорога, что ездят з Хоткова на Городок; 53 — п. Дюденева а Дерюлка тож ТСМ.

Описание 1646 г. И. М. Долгорукова Д. Молчанова. Государевы царевы и вел. кн. Алексея Михайловича Всея Руси дворцовыя подмосковныя волости (№ 54–66): 54 — село Здвиженское, а в нем церковь Всемирное Воздвижение честного Креста древяна; 55 — государев двор; 56 — д. Голнево; 57 — д. Ананино Филиповская Дятлово тож; 58 — д. Панино; 59 — д. Антипино; 60 — д. Тресково Рогатиново; 61 — Гарасимово; 62 — д. Шолково; 63 — д. Волково; 64 — д. Алешково; 65 — п.; что была п. Хря-

тец Тереховская Сидорково тож; 66 — Семушкина Троице-Сергиева монастыря; 67 — д. Павлова; 68 — Хотковской девичья монастыря... в одномонастырской слободе бобылей 8 дворов; 69 — д. Комякино. За Скобельцыными: 70 — д. Онтипина; 71 — сельцо Новое Отхожей луг тож.

Запись на рукописи 1669 г.: 72 — «пустынь чудотворцевых Серпеевых родителей... церковь Рождества Христова» (Голубинский Е. Е. Указ. соч. С. 321).

Описание 1680 г. (межа стана Радонежа и Бели): 73 — земля села Кесова ТСМ; 74 — Кесовская дорога; 75 — до двух старых ям межования Ивана Офросимова; что у речки Подмаши; 76 — Морозовская дорошка; 77 — бочаг Кшилчатов; 78 — п. Осинок ТСМ; 79 — сказали троицкие слуги ТСМ-ря п. Мауркиной; гос. крестьяне сказали; та де земля гос. п. Селезенко; 80 — спорная земля п. Маурки и п. Лобкова; 81 — гос. крестьяне Бутырок спорили; а ТСМ-ря слуги называли тое п. что была д. Куловская; а Буторино тож; а записана... к с. Городку; 82 — Алешинский враг; 83 — дорошкою 20 сажен; дорошкою 51 сажен... поворотить направо мимо Крест через Большую Переяславскую дорогу 34 сажен; 84 — через Варавинскую дорожку к Братовские дорожки; 85 — две старые ямы межования Ивана Офросимова; далее межа выходит к р. Торгоше; спускается по реке до ее впадения в р. Ворю и ведет далее вверх по р. Воре; 86 — ямы стоят у Переяславские Старые дороги (окончание межи).

Мельницы: 87 — в Репехове (план 1740 г. — РГАДА. Ф. 192. Моск. губ. Д. 2); 88 — в Спасской п.: «...издревле имелась на церковной земле, на р. Воре, церковная мельница; которая и ныне стоит в твердости» (1744 г. — ЦГАИ. Ф. 203. Оп. 758. Д. 19); 89 — Гальневская (1740 г.); 90 — Голыгинская (1740 г.); 91 — Яковлевская (там же); 92 — пруд с «каменной плотинкой» при с. Воздвиженском (1631–1633 гг. — Холмогоров В. И.; Холмогоров Г. И. Исторические материалы о церквях и селах XVII–XVIII вв. Вып. 5. М.; 1887. С. 110).

Рис. 31. Район Радонежа по карте: Планшеты мензульной съемки Загорского района в масштабе 1:25 000; пантографированные с планшетов в масштабе 1:10 000. 1930 г. Геодезисты Б. М. Шувей; А. А. Каленова. Фотокопия: Чернов С. З. Отчет об археологических разведках в бассейне р. Вори в 1983 г. Часть 6. Приложение // Архив ИА РАН. Р-1. Ед. хр. 9728д. Лист 0-37-137-Ав.